

С. В. Онина

**СЕМАНТИКА И ТИПОЛОГИЯ
ПРОХИБИТИВА В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Монография

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 811.511.141
ББК 81.661.2-2
О-58

Рецензенты:

канд. филол. наук, доцент
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
О. Ю. Васильева;
канд. филол. наук, доцент
Югорского государственного университета
Ю. В. Исламова

Онина С. В.

О-58 Семантика и типология прохибитива в хантыйском языке : монография / С. В. Онина. – Чебоксары : Среда, 2026. – 137 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908083-68-3

Настоящая монография является первым в лингвистике специальным исследованием, посвященным функционально-семантическому описанию прохибитива (категории запрета) в хантыйском языке. В работе систематизируется и последовательно излагается проблематика функционирования прохибитивных значений, а также дается детальное описание всего спектра формальных средств их выражения. Издание предназначено для лингвистов-теоретиков, финно-угроведов, а также для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих грамматику и типологию. Книга может быть рекомендована и широкому кругу читателей, интересующихся хантыйским языком и уральским языкознанием.

Минимальные системные требования: PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS; диск-код CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 811.511.141
ББК 81.661.2-2

ISBN 978-5-908083-68-3
DOI 10.31483/a-10857

© Онина С. В., 2026
© ИД «Среда», оформление, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ПОНЯТИЕ ПРОХИБИТИВА В ГРАММАТИКЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА	8
1.1. Семантика отрицательных глагольных форм в хантыйском языке	9
1.2. Семантика прохибитивных глагольных форм в хантыйском языке	13
1.3. Способы выражения отрицания в императиве хантыйского языка	16
1.4. Семантические особенности прохибитива в хантыйском языке	24
Глава 2. ТИПОЛОГИЯ ПРОХИБИТИВНЫХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ.....	32
2.1. Залоговость в формировании хантыйского прохибитива	32
2.1.1. Сфера активности / пассивности	33
2.1.2. Сфера транзитивности / интранзитивности.....	35
2.1.2.1. Лично–числовые формы субъектного спряжения	37
2.1.3. Сфера семантических микрополей прохибитива	43
2.1.3.1. Рефлексив	45
2.1.3.2. Каузатив.....	50
2.1.3.3. Пермиссив / фактитив	52
2.2. Акциональность в формировании хантыйского прохибитива	60
2.2.1. Качественно–акциональные значения.....	61
2.2.2. Количественно–акциональные значения	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
ЛИТЕРАТУРА	77
Приложение 1. Список сокращений.....	97
Приложение 2. Список текстовых источников и их условные обозначения	98
Приложение 3. Список информантов и экспертов	101
Приложение 4. Текстовые прагматические функции побуждения (сокращенный вариант филологического анализа)	102

*Языку нельзя научить,
его можно только пробудить в душе.*

В. фон Гумбольдт

ВВЕДЕНИЕ

Прохибитив: как язык говорит «нельзя». В любом языке, помимо слов для описания мира, существуют особые грамматические инструменты для воздействия на окружающих: попросить, приказать, посоветовать. Среди этих форм побуждения выделяется одна мощная и социально значимая – *прохибитив* (от лат. *prohibere* – запрещать). Это специализированное средство выражения запрета, то есть негативного волеизъявления, направленного на то, чтобы адресат не совершал какое-либо действие.

Что такое прохибитив и как его изучают? В лингвистике прохибитив рассматривается как смысловая разновидность императива (побуждения), противопоставленная позитивным формам вроде приказа или просьбы. Его суть – в значении *отрицательной директивности*, которое часто подразумевает, что действие нежелательно, опасно или нарушает социальные нормы.

Выражается запрет по-разному: от специальных грамматических форм (например, сочетаний повелительного наклонения с отрицательной частицей «не») до лексических средств («запрещено», «нельзя») и особой, предостерегающей интонации. На формирование запретительного высказывания влияет множество факторов: контролируемость самого действия (бессмысленно запрещать то, что человек не может контролировать), социальные роли говорящего и слушающего, а также степень категоричности – запрет родителя ребенку и коллеги коллеге будут звучать по-разному.

Актуальные вопросы и вызовы для лингвистов. Несмотря на кажущуюся простоту, системное описание прохибитива сталкивается с рядом сложных вопросов: 1) *терминологическая неоднозначность*: исследователи используют разные термины – «негативный императив», «запретительная форма», «прохибитив», – что требует четкого определения границ понятия; 2) *размытые границы*: как отличить строгий запрет от предостережения («Не ходи – упадёшь!») или совета, содержащего отрицание? Эта демаркация остается предметом дискуссий; 3) *прагматическая*

многогранность: запрет редко бывает «чистым». Он часто сочетается с оттенками угрозы, заботы, морального осуждения, что делает его сложным объектом для анализа; 4) *типологическое разнообразие*: в разных языках, и даже внутри одного языка в его диалектах, способы выражения запрета могут сильно варьироваться, что осложняет создание единой модели описания.

Новое исследование на материале хантыйского языка. Чтобы ответить на эти вызовы, ценные данные дают исследования конкретных языков, особенно таких как хантыйский, обладающий богатой диалектной палитрой. Целью одной из таких работ стало первое комплексное описание прохибитива во *всех основных диалектах* хантыйского языка (шурышкарском, казымском, сургутском, ваховском).

Научная новизна исследования заключается не только в широком диалектном охвате, но и в детальном анализе особой смысловой разновидности запрета – *превентива*. Это высказывания, которые предостерегают от потенциального, ещё не начавшегося действия («Смотри не упади!»), и их структура в хантыйском языке обладает своей уникальной спецификой.

В основе работы лежал *корпус из более 6000 побудительных высказываний*, собранных из живой речи носителей, фольклорных текстов и письменных источников. Методология объединила структурный, семантический и прагматический подходы, включая лингвистический эксперимент (например, синонимическую замену конструкций) и корпусный анализ.

Такое исследование позволяет *восполнить пробел* в описании грамматики хантыйского языка: а) *уточнить архитектуру* целого функционально-семантического поля побудительности, показав место запрета в системе воздействия на человека; б) *выявить и систематизировать* диалектные особенности выражения запрета; в) *разработать интегральную модель*, которая описывает, как грамматические, лексические и ситуативные средства взаимодействуют для передачи одной из самых социально важных речевых функций – запрета.

Изучение прохибитива – это не просто технический анализ грамматических форм. Это вклад в понимание того, как язык отражает и формирует социальные отношения, нормы поведения и

механизмы речевого воздействия, помогая нам глубже понять связь между речью, мышлением и культурой.

История научного осмысления прохибитива (отрицательной императивной конструкции) в хантыйском языкознании может быть охарактеризована как история *лакуны* — продолжительного отсутствия целостного и специализированного анализа данной грамматической категории.

Формирование исследовательского поля происходило поэтапно:

– *этап фрагментарных упоминаний (вторая половина XX – начало XXI в.)*. Прохибитив не выступал в качестве самостоятельного объекта изучения, а лишь эпизодически упоминался в трудах, посвящённых общей грамматике, морфологии или диалектологии хантыйского языка (работы В. Штейница, И.А. Николаевой, А.Д. Каксина). Учёные констатировали сам факт существования форм запрета, как правило, ограничиваясь указанием на использование отрицательной частицы *ал/аль* в сочетании с глагольной формой. Этот этап заложил лишь *эмпирическую базу* для последующего изучения, обозначив явление без его системного описания;

– *этап контекстуального рассмотрения в рамках исследований императива*. Значимым вкладом в общее понимание императивной модальности, в состав которой имплицитно входит и прохибитив, стало комплексное типологическое исследование А.В. Диденко (2006). Хотя в этой работе был систематизирован обширный диалектный материал по побудительным конструкциям, прохибитив не был выделен в отдельную проблему и не получил развёрнутой спецификации. Таким образом, категория оставалась *периферийным компонентом* в рамках более широкой темы;

– *этап осознания лакуны и постановки проблемы* (современный период). В последних работах (например, у Ю.А. Ковылина, 2017) отмечается недостаточность простого упоминания прохибитива. Современное состояние исследований характеризуется *переходом от констатации к проблематизации*. Акцентируется, что в науке отсутствуют: 1) детальное описание парадигматики прохибитива (его формальных средств выражения в разных диалектах); 2) анализ его синтагматических особенностей и

прагматических функций; 3) чёткое определение его категориального статуса (самостоятельное наклонение, подкатегория императива, полифункциональная конструкция).

Таким образом, изучения хантыйского прохибитива демонстрирует классический путь от *первичной фиксации явления* в составе более общих описаний к *оформлению научной проблемы*. На сегодняшний день прохибитив представляет собой *перспективную и неразработанную область* грамматики хантыйского языка, требующую специального исследования на основе полевых данных и в рамках современной функционально–типологической парадигмы. Его комплексное изучение необходимо для полноты описания ирреальной модальности и внесёт вклад в понимание запретительных стратегий в уральских языках.

Пользуясь случаем хочу выразить глубокую благодарность Ю.В. Норманской, А.В. Дыбо, Н.В. Орловой и другим своим коллегам за ценные критические замечания и поддержку.

Глава 1. ПОНЯТИЕ ПРОХИБИТИВА В ГРАММАТИКЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

В хантыйском языке существуют специализированные прохибитивные формы, являющиеся отрицательными коррелятами императивных форм. Необходимо заметить, что здесь отрицание не сводится к комбинации: «форма императива + обычное для данного языка отрицание». Ср. примеры хантыйского языка с отрицанием и прохибитивом:

(1) шур.: а) *Mǎnlǎn – ǎt mǎnlǎn*; б) *Mǎna! – ǎt mǎna!* [К. В. Г.].

а) mǎn-ǎ-ǎn   ǎt   mǎn-ǎ-ǎn
ехать–Praes–2Sg   PtcI.Neg   ехать–Praes–2Sg

‘Ты едешь’ – ‘Ты не едешь’.

б) mǎn-a   ǎt   mǎn-a
ехать–Imp.2Sg   PtcI.Proh   ехать–Praes–2Sg

‘Езжай!’ – ‘Не езжай!’.

(2) каз.: а) *Mǎnlǎn – ǎn mǎnlǎn*; б) *Mǎna! – ǎl mǎna!* [Т. Я. Н.].

а) mǎn-ǎ-ǎn   ǎn   mǎn-ǎ-ǎn
ехать–Praes–2Sg   PtcI.Neg   ехать–Praes–2Sg

‘Ты едешь’ – ‘Ты не едешь’.

б) mǎn-a   ǎl   mǎn-a
ехать–Imp.2Sg   PtcI.Proh   ехать–Imp.2Sg

‘Езжай!’ – ‘Не езжай!’.

(3) сург.: а) *Mǎnlǎn – ǎntǎ mǎnlǎn*; б) *Mǎna! – ǎl mǎna!* [А. Н. А.].

а) mǎn-ǎ-ǎn   ǎntǎ   mǎn-ǎ-ǎn
ехать–Praes–2Sg   PtcI.Neg   ехать–Praes–2Sg

‘Ты едешь’ – ‘Ты не едешь’.

б) mǎn-a   ǎl   mǎn-a
ехать–Imp.2Sg   PtcI.Proh   ехать–Imp.2Sg

‘Езжай!’ – ‘Не езжай!’.

(4) вах.: а) *Mǎnlǎn – ǎntǎ mǎnlǎn*; б) *Mǎnä – ǎl mǎnä* [С. В. Ю].

а) mǎn-ǎ-ǎn   ǎntǎ   mǎn-ǎ-ǎn
ехать–Praes–2Sg   PtcI.Neg   ехать–Praes–2Sg

‘Ты едешь’ – ‘Ты не едешь’.

б) mǎn-ǎ   ǎntǎ   mǎn-ǎ
ехать–Imp.2Sg   PtcI.Proh   ехать–Imp.2Sg

‘Езжай!’ – ‘Не езжай!’.

В примерах (1–4) группы (а) продемонстрированы формы, соотносимые друг с другом как утвердительные и отрицательные. В этих же примерах (1–4) группы (б) представлены побудительные формы, первая из которых характеризуется как императивная, а коррелятивная – как отрицательно–императивная (запретительная или прохибитивная). В данных группах показаны разные отрицательные формы: в группе (а) продемонстрирована обычная отрицательная форма с отрицательной частицей при индикативе; при этом в их «сферу действия может входить либо отдельное слово, либо предложение в целом (или предикат)» [Николаева 1995: 161–162; Ковылин 2017: 24–28; Хонти 1997: 81; Wagner–Nagy 2011: 58–63] с частицей шур. *ät*, каз. *än*, сург. *əntə* ‘не’. В группе (б) показана такая отрицательная форма, в которой «частица *al* ‘не’ употребляется только с формами глагольного императива» [Каксин 2007: 92; Ковылин 2017: 47; Гусев 2013: 59].

Предметом анализа в настоящей главе являются аналитические прохибитивные глагольные формы, аналогичные формам, представленным выше в группе (б) примеров (1–4) (шур. *mān–a – al mān–a*, каз. *mān–a! –al mān–a*, сург. *mən–a! –al mən–a!* ‘езжай’ – ‘не езжай’), полноправно являющиеся отрицательными коррелятами императивных форм, а также другие средства, выражающие императив опосредованно. Рассмотрим семантику этих форм и их типологию. Прежде чем подробно представить предмет нашего исследования, кратко рассмотрим вопрос о семантике отрицательных глагольных форм, в частности форм, которые употребляются в приведенных примерах: шур. (а) *mānl–ən –ät mānl–ən*, каз. *mān–λ–än –än mānl–än*, сург. *mən–λ–ən –əntə mən–λ–ən* ‘ты едешь’ – ‘ты не едешь’.

1.1. Семантика отрицательных глагольных форм в хантыйском языке

В лингвистических исследованиях не существует единой семантической трактовки отрицательных глагольных форм. Это связано не столько с расхождениями в понимании семантической природы отрицания [ср. Апресян 2010; Чейф 1975], сколько с различным формальным статусом отрицательных глагольных форм [Храковский 1986: 89].

Соответственно, в отрицательных предложениях, в отличие от утвердительных, сферу действия отрицания составляет все предложение, в которое оно введено. В русском языке таким оператором отрицания является частица *не* [ср. Гусев 2005: 56; Плунгян 2011: 438], в близкородственном хантыйскому венгерском языке –*net* [Гусев 2005: 56, 2013: 60]: *ir–sz* ‘ты пишешь’ –*net ir–sz* ‘ты не пишешь’. В хантыйском языке операторами отрицания являются отрицательные частицы типа *ät / äñ / äntə* ‘не’. Причем в отрицательных конструкциях хантыйского языка типа вышепредставленных в группе (а) используются те же глагольные формы, что и в утвердительных, и от них синтаксически зависит отрицательная частица [Храковский 1986: 90]:

(5) шур.: *Werłən – ät werłən* [К. В. Г.].

<i>wer–ł–ən</i>	<i>ät</i>	<i>wer–ł–ən</i>
делать–Praes–2Sg	Ptcl.Neg	делать–Praes–2Sg

‘Ты делаешь’ – ‘Ты не делаешь’.

(6) каз.: *Werłän – äñ werłän* [Т. Я. Н.].

<i>wer–ł–än</i>	<i>äñ</i>	<i>wer–ł–än</i>
делать–Praes–2Sg	Ptcl.Neg	делать–Praes–2Sg

‘Ты делаешь’ – ‘Ты не делаешь’.

(7) сург.: *Wärłən – äntə wärłən* [А. Н. А.].

<i>wär–ł–ən</i>	<i>äntə</i>	<i>wär–ł–ən</i>
делать–Praes–2Sg	Ptcl.Neg	делать–Praes–2Sg

‘Ты делаешь’ – ‘Ты не делаешь’.

В примерах (5–7) представлены формы индикатива. Так, в форме шур. *wer–ł–ən* (ср.: каз. *wer–ł–än*, сург. *wär–ł–ən*) ‘ты делаешь’, характеризуется реальный факт действия, а в конструкции шур. *ät wer–ł–ən* (ср.: каз. *äñ wer–ł–än*, сург. *äntə wär–ł–ən*) ‘ты не делаешь’ – реальный факт бездействия. В обоих случаях точка зрения Говорящего одинакова, т. е. индикатив означает, что заявляемый факт с точки зрения Говорящего действителен. Это оправданно, если учесть, что в категории наклонения выражается точка зрения Говорящего о реальности или нереальности сообщаемого факта [Храковский 1986: 90]. Следовательно, семантика изъявительного наклонения не требует комментария, т. к. представляет собой «нулевую модальность» истинного утверждения о положении дел в реально существующем (для собеседника) мире [Черемисина 1989: 10]:

(8) (а) шур.: *Nǎŋ werlǎn uxǎt* [К. В. Г.] – (б) шур.: *Nǎŋ ät werlǎn uxǎt!* [К. В. Г.].

nǎŋ	wer-l-ǎn	uxǎt	nǎŋ	ät	wer-l-ǎn	uxǎt
ты	делать–	нарта	ты	Ptcl.Neg	делать–	нарта
	Praes–				Praes–	
	2Sg				2Sg	

‘*Ты делаешь нарту*’. – ‘*Ты не делаешь нарту*’.

(9) (а) каз.: *Nǎŋ õxǎt werlǎn* [Т. Я. Н.] – (б) каз.: *Nǎŋ õxǎt äñ werlǎn!* [Т. Я. Н.].

nǎŋ	õxǎt	wer-l-ǎñ	nǎŋ	õxǎt	äñ	wer-l-ǎn
ты	нарта	делать–	ты	нарта	Ptcl.Neg	делать–
		Praes–				Praes–
		2Sg				2Sg

‘*Ты делаешь нарту*’. – ‘*Ты не делаешь нарту*’.

(10) (а) сург.: *Nüŋ wǎrlǎn äǧǎl* [А. А. Н.] – (б) сург.: *Nüŋ äntǎ wǎrlǎn äǧǎl!* [А. А. Н.].

nüŋ	wǎr-l-ǎn	äǧǎl	nüŋ	äntǎ	wǎr-l-ǎn	äǧǎl
ты	делать–	нарта	ты	Ptcl.Neg	делать–	нарта
	Praes–				Praes–	
	2Sg				2Sg	

‘*Ты делаешь нарту*’. – ‘*Ты не делаешь нарту*’.

Таким образом, очевидно, что смысловые различия между группами (а) и (б) примеров (8–10) сводятся к тому, что группа (б) семантически сложнее группы (а) с учетом смысла *отрицания*. Однако если учесть, что «всегда отрицается некоторое высказывание, то наиболее адекватной является трактовка отрицания как оператора» [Падучева 2009: 147], в соответствии с которой предложение типа (б) рассматривается как результат применения этого оператора к предложению типа (а).

При подобном подходе любой показатель отрицания, представленный в предложениях типа (б), понимается как экспонент оператора, применяемый к предложению типа (а). Соответственно, повествовательно–отрицательное предложение типа (б) будем трактовать как *семантико-синтаксический дериват* [по-

дробно см.: Падучева 2009: 146–147], образованный путем введения в исходное повествовательноутвердительное предложение типа (а) оператора отрицания.

Учитывая вышеизложенное, подчеркнем, что отрицательные предложения типа (б) (шур. *Nǎŋ ät wer-t-ən uxəl* ‘Ты не делаешь нарту’), являются производными по отношению к утвердительным предложениям типа (а) (шур. *Nǎŋ wer-t-ən uxəl* ‘Ты делаешь нарту’). Отрицательная частица шур. *ät*, каз. *ǎn* ‘не’, сург. *əntə* (или аналог типа шур. *ǎnta* / каз. *ǎnt* ‘не/ нет’), синтаксически зависящая гораздо чаще от глагола, является экспонентом оператора отрицания. При этом она имеет в своей сфере действия и предикат, и любой другой элемент предложения, но в любом случае помещается перед главным предикатом, в том числе в случае отрицания в предложении не предиката [Николаева 1995: 181]:

(11) шур.: *Ma anta takan ariləm* [Л. А. Г.].

ma anta takan ari-t-əm
я Ptcl.Neg сильно петь–Praes–1Sg

‘Я не пою громко’.

(12) шур.: *Nǎŋ xolpa ät mǎnlən!* [Л. А. Г.].

nǎŋ xolp-a ät mǎn-t-ən
ты сетки–Lat Ptcl.Neg идти–Praes–2Sg

‘Ты сети проверять не поедешь!’.

(13) каз.: *Ma sijaŋa ǎn ariləm* [Т. Я. Н.].

ma sijaŋ-a ǎn ari-l-əm
я звучно–Lat Ptcl.Neg петь–Praes–1Sg

‘Я не пою громко’.

(14) каз.: *Nǎŋ xolurpan wanti ǎn mǎnlǎn!* [Т. Я. Н.].

nǎŋ xolurp-l- wan-ti ǎn mǎn-l-ǎn
an
ты сетки–Pl- смотреть– Ptcl.Neg идти–Praes–
2Sg Inf 2Sg

‘Ты сети проверять не поедешь!’.

(15) сург.: *Ma süjeŋqə əntə arəγləm* [А. М. Д.].

ma süjeŋqə əntə arəγ-l-əm
я звучно Ptcl.Neg петь–Praes–1Sg

‘Я не пою громко’.

(16) сург.: *Nüŋ qalər l’ot’a əntə mǎnlən!* [А. М. Д.].

nüŋ qalər l’ot-t’a əntə mǎn-l-ən

ты	сеть	проверять–	Ptcl.Neg	идти–Praes–
		Inf		1Sg

‘Ты сети проверять не поедешь!’.

В представленных конструкциях встречаются два типа отрицательных частиц: первый – частица типа шур. / каз. *ǎnta* ‘не’ (шур. *ǎnta xǒlna*, каз. *ǎnta xulna* ‘еще не’) употребляется в *ограничительной функции* и участвует в формировании ограничительных отрицательных форм глагола [Каксин 2007: 104]; второй – частица типа шур. *ǎt*, каз. *ǎn*, сург. *ǎntǎ* ‘не’ выражает *побудительное значение* и располагается в препозиции к глагольной форме в индикативе.

1.2. Семантика прохибитивных глагольных форм в хантыйском языке

Прохибитивы на материале хантыйского языка рассматриваются в качестве отрицательных форм императива [см. Николаева 1995: 125]. При описании повелительного наклонения наравне с предостережением указывается и запрет. Отмечается, что «частица *al / ал* ‘не’ закреплена исключительно за императивом» [Каксин 2000: 12; 2007: 104]. Подробных описаний прохибитива на материале хантыйского языка не имеется. В настоящем разделе работы представлена попытка более детального представления запретительных форм и их своеобразных особенностей.

Рассмотрим семантику прохибитивных глагольных форм в хантыйском языке с учетом существующих достижений в лингвистике по данной проблематике. Согласно В. С. Храковскому, среди повествовательных предложений различаются соотносительные утвердительные (рус. *Сосед строит дом*) и отрицательные (рус. *Сосед не строит дом*). Такая же корреляция наблюдается и среди предложений типа *Сосед, строй дом* и *Сосед, не строй дом*. Предложения первого типа называются просто повелительными (побудительными, императивными), а второго – прохибитивными (запретительными, отрицательно императивными). Несмотря на формальное сходство соотносительных утвердительных и отрицательных предложений, семантические отношения между ними не являются идентичны семантическим отношениям между повелительными и прохибитивными предложениями [Храковский 1990: 210].

Прохибитивные предложения являются «семантико–синтаксическими дериватами исходных повелительных предложений, в которые введен оператор отрицания, представленный частицей *не*» [Храковский 1990: 210; Храковский 1986: 91]. Прохибитивная конструкция имеется в русском языке: при отрицании в императиве по–иному употребляются виды глагола. Так, при сравнении примеров (*ты купишь – ты не купишь; купи – не покупай*) обнаруживается, что отрицательный коррелят к *купи* выражен сочетанием *не покупай*, а не ожидаемым *не купи* (проявление превертива).

В русском языке, по мнению одних исследователей, только глаголы совершенного вида имеют особый прохибитив; глаголы несовершенного вида образуют отрицательный императив с сочетанием частицы *не* (общее правило) [Гусев 2005: 56; 2013: 59]. Согласно другой точке зрения, формальной особенностью прохибитивных предложений является употребление только императивных форм несовершенного вида, которые в сочетании с частицей *не* можно условно назвать прохибитивными [Храковский 1990: 211; Слесарева 2004: 752]. На данном этапе мы не будем полемизировать по данной проблематике [подробно см.: Храковский 1990; Бирюлин 1994: 65–98; Добрушина 1999; 2014; 2016; Рахилина 2013; Гусев 2005; 2013; Большакова 2005: 35–40; Ковылин 2013; Van der Auwera 2010; Wagner–Nagy 2011].

В венгерском языке при прохибитивной форме императива используется не регулярная отрицательная частица *net*, а специальная императивная *ne* [Гусев 2005: 57; 2013: 59], свидетельствующая о том, что в венгерском языке имеется прохибитивная конструкция с императивом запретительного глагола (ср. прохибитив венгерского языка: *ir-j* ‘пиши’ –*ne ir-j* ‘не пиши’). В примерах венг. *ir-j* ‘пиши’ –*ne ir-j* ‘не пиши’ или рус. *купи – не покупай* «смысл отрицания, применяемого не к утверждению, едва ли поддается простому объяснению» [Падучева 1974: 171]. Это означает, что смысл ‘волеизъявление’ не может входить в сферу действия оператора отрицания, который может, однако, присутствовать в повелительном предложении. Иными словами, «в прохибитивных предложениях сферу действия оператора отрицания составляет все предложение за исключением смысла ‘волеизъявление’, выражаемого императивной глагольной формой»

[Храковский 1990: 210; ср. Храковский 1986: 94; Мельчук 1998: 155–156; Гусев 2005: 55; 2013: 59].

Итак, если в повелительных предложениях выражено *волеизъявление* Говорящего относительно исполнения действия, адресованное слушающему, то в *прохибитивных* конструкциях выражается *адресованное слушающему волеизъявление говорящего о невыполнении / неисполнении действия* [ср. Храковский 1990: 211; Мельчук 1998: 155]. Таким образом, по уточнению В. А. Плунгяна, «побуждение направлено не на совершение, а на *не-совершение действия*», причем отрицательное побуждение не тождественно обычному отрицанию, которое представляет собой утверждение ложности соответствующего высказывания, а не разновидность побуждения [Плунгян 2011: 438–439].

Следовательно, каждая форма императивной парадигмы выражает адресованное слушающему волеизъявление говорящего касательно выполнения называемого действия. Соответственно, если прохибитив является отрицательным коррелятом императива, то каждая из форм парадигмы прохибитива передает адресованное слушающему волеизъявление говорящего относительно невыполнения этого действия. С другой стороны, *различия* рассматриваемых форм заключается в следующем:

– формы *императива* выражают *волеизъявление* относительно *выполнения действия*, например:

(17) шур.: Я, *щи*, *опса*, *лехытлайн!* [Лух Авт 2014 №19/967: 4].

я щи опс-а лехыт-л-ай-н

ну Ptcl сидеть-Imp.2Sg мыть-Præs-Pass-2Sg

‘Ну, все, садись, помогут (тебя)!’.

– формы *прохибитива* выражают *волеизъявление / запрет* относительно *невыполнения действия*, например:

(18) шур.: *Щи*, *Сэмды*, *ехатсан куртэна*. *Ин туп апщен хоца ал мана!* [Лух Авт 2014 №19/967: 4].

щи Сэмды ехат-с-ан курт-эн-а

Ptcl слепой приехать-Præt-2Sg деревня-2Sg-Lat

ин туп апщ-ен хоца ал ман-а

сей- только бра- Postp Ptcl.Proh идти-

час тишка- Imp.2Sg

2Sg

‘Все, Слепой, (ты) приехал в деревню. Сейчас только к младшему брату не ходи!’.

Следовательно, в сферу действия оператора отрицания в прохибитивном предложении входит все содержание последнего кроме смысла ‘волеизъявление’. В прохибитивной конструкции не отрицается побуждение, при этом сфера действия оператора отрицания относится не к побуждению (волеизъявлению), а к действию, относительно которого высказано побуждение. Из этого следует, что значение отрицания идентично как в повествовательных, так и в волеизъявительных предложениях. Наряду с этим, отличие заключается в том, что в повествовательных предложениях в сферу действия оператора отрицания входит либо содержание предложения полностью (семантически общеотрицательные предложения), либо не полностью (семантически частноотрицательные предложения) [Храковский 1986: 96; Ковылин 2017: 26].

Ввиду того, что в *сфере действия оператора отрицания прохибитивных предложений не входит смысл ‘волеизъявление’*, они всегда являются частноотрицательными. Соответственно, значение запрета не является неким новым специфическим значением по сравнению со значением волеизъявления, которое направлено на невыполнение действия [Храковский 1986: 106].

Таким образом, *семантическая оригинальность хантыйского прохибитива* проявляется в том, что в сферу оператора отрицания, формально выраженного *частицей*, располагающейся в позиции, входят, как правило, все элементы содержания прохибитивной формы (соответственно, конструкции), за *исключением волеизъявления*. Последнее остается вне сферы действия оператора отрицания [Храковский 1986: 106; Бирюлин 1994: 53]. Целесообразно предположить, что данное обстоятельство является основой типологического многообразия прохибитива в хантыйском языке.

1.3. Способы выражения отрицания в императиве хантыйского языка

На основе типологических данных семантическая самостоятельность отрицательного императива (*прохибитива*) подтверждается тем, что специализированный показатель прохибитива

(отличный от показателя отрицания) имеется во многих языках мира и является весьма распространенным феноменом [ср. Гусев 2005: 55–56; 2013: 59; Плу́нган 2011: 439; Храковский 1986: 96–105; Ковылин 2017: 47–50, 74–83].

Сочетание значений ‘императив’ и ‘отрицание’, обычно называемое прохибитивом, несомненно является лидером по нестандартности своего выражения. По типологическим данным, полученным В. Ю. Гусевым, примерно в 70% языков мира конструкция, выражающая запрещение, не равна сочетанию императива с обычным для данного языка отрицанием, но содержит особое отрицание (например, венг. *nem kersz* ‘ты не просишь’ – *ne kerj* ‘не проси’), особую (не императивную, а какую-либо иную) глагольную форму (ср. итальянский язык: *non piangere* ‘не плачь’, где *piangere* – инфинитив), кумулятивный показатель (ср. багвалинский прохибитив *t’arabi-se* ‘не беги’) [Гусев 2005: 56; 2013: 59; см. Кибрик 2001: 94–97].

В плане выражения различается морфологический (аффиксальный) и неморфологический (аналитический) показатели прохибитива. Аффиксальные показатели прохибитива представлены в дагестанских (лезгинский –*mir*, арчинский –*gi*), дравидийских языках (тамильский –*ātē-*), языках Нигер–Конго (догон –*gu*) и др. Специализированные аналитические отрицательные частицы, передающие значение запрета и отличающиеся от показателей обычного отрицания, представлены в армянском (*mi*), новогреческом (*min*), персидском (*mā*) языках. Они также прослеживаются в целом ряде австронезийских, нигеро–конголезских, шари–нильских и др. языках [Плу́нган 2011: 439; ср. Гусев 2003; 2013: 60; Мельчук 1998: 155].

Типологически данный способ может быть сопоставлен «с менее специализированными аналитическими прохибитивами, подобными тем, какие представлены, например, в английском (конструкция с *don’t*) или латинском языке (конструкция с императивом глагола *nōlle* ‘не желать’ и инфинитивом основного глагола, ср. *nōlī tangere* ‘не трогай’, букв. ‘не–желай трогать’)» [Плу́нган 2011: 439; Гусев 2005: 47; 2013: 59].

Неморфологический аналитический способ выражения запрета характерен для многих финно-угорских языков (финский, эстонский, вепсский, ижорский, карельский, водский, ливский)

[см. Зайцева 2002; Ипполитова 1954; Мосин 1989; Серебренников 1967; Пихлак 1978; Маркианова 1985 и др.; см. Терещенко 1963; 1979]. Близка хантыйской, аналогично венгерской, прохибитивная форма финского языка, ср. фин. *älä: älä kirjoita* ‘не пиши’, *älä puhu* ‘не говори’; *sinä nukut niin pitkään – älä nuku niin pitkään!* ‘Так долго спишь – не спи так долго’ [ср.: Храковский 1986: 106].

В хантыйском языке существует своеобразный *аналитический способ выражения запрета*, использующий конструкцию с императивом так называемого *запретительного глагола*, для которого не характерно употребление за пределами прохибитивных конструкций [Плунгян 2011: 439; Храковский 1986: 147; Ковылин 2017: 50]. В зависимости от формального статуса отрицательных глагольных форм существуют разные возможности выражения отрицания в хантыйском языке (см. подраздел 1.1. настоящей главы): отрицательная частица шур. *ät* / каз. *ән*, сург. *энтә* ‘не’ для индикатива, шур. *al* / каз. / сург. *al* / вах. *äl* ‘не’ для императива.

Исключение в общей тенденции обнаруживает сургутский диалект: кроме *энтә* ‘не’ при индикативе с глаголами изъявительного наклонения также используется частица *al* ‘не’. Однако исходя из записей К.Ф. Карьялайнена, в начале XX века частица *al* ‘не’ употреблялась не только с глаголами повелительного наклонения, но и с глаголами изъявительного наклонения в значении ‘чтобы кто-то не делал что-нибудь’ [устная информация М. Чепреги; также см. Karjalainen, Vértes 1964: 285–286]:

– индикативное употребление:

(19) сург.: *Пӱхам войӕккүл кәнччә қёл энтә вул* [Чепреги 2017: 115].

пӱх–	войӕк–					
ам	күл	кәнччә	қёл	энтә	ву–л	
сын–	зверь–					иметь–
1Sg	рыба	искать	Ptcl	Ptcl.Neg		Praes.3Sg

‘Мой сын не умеет охотиться’.

(20) сург.: *Ма нӱнӱт китләм, нӱн ал көрәхдән* [Чепреги 2017: 115].

ма	нӱн–	кит–л–эм	нӱн	ал		көрәх–л–
	ат					эн
я	ты–	отправить–	ты	Ptcl.Proh		упасть–
	Acc	Praes–1Sg				Praes–2Sg

‘Я тебя прогоню прочь, чтобы ты не упал’.

– прохибитивное употребление:

(21) сург.: *Ал кэрҕа!* [Чепреги 2017: 115].

ал кэрҕа–а

Ptcl.Proh упасть–Imp.2Sg

‘Не упади!’.

Схожие явления отмечал В. Штейниц на материале сынского говора шурышкарского диалекта. Аналогично индикативной форме, наблюдается сочетание с индикативом частицы *āl* ‘не’, располагающейся перед глагольной формой в настояще-будущем времени субъектного спряжения [Steinitz 1975: 22, 33, 37]:

– индикативное употребление:

(22) шур.: *Ñol āL lepəl* [Steinitz 1975: 30].

ñol āl lep–əl

нос Ptcl.Neg влезть–Praes.3Sg

‘Нос не влазит’.

(23) каз.: *Тыв ал йухтэс төп!* [Соловар 2014: 16]

тыв ал йухтэс төп

сюда Ptcl.Neg влезть–Praes.3Sg только

‘Только бы не пришел сюда!’

– прохибитивное употребление:

(24) шур.: *Ал löҕа!* [Steinitz 1975: 30].

al löҕа–а

Ptcl.Proh войти–Imp.2Sg

‘Не входи!’.

Необходимо подчеркнуть, что данная частица *ал* ‘не’ при индикативе в современном шурышкарском и казымском диалекте менее актуальна, чем частица *йт* с тем же отрицательным значением ‘не’. Частица *йт* ‘не’ более активно употребляется при индикативных, в том числе пассивных, формах, о которых в настоящей работе упоминалось выше.

В современном хантыйском языке центральная *прохибитивная* форма императива образуется неморфологическим, т. е. аналитическим способом. Прохибитивная конструкция сводится к комбинации «сочетание специальной императивной частицы шур., каз. *al*, вах. *äl* [ср. Терешкин 1961: 91], сург. *ал* ‘не’ + *им-*

перативная глагольная форма». Иными словами, сочетанием положительной формы императива с препозитивной запретительной частицей *al* / *äl* / *ał* выражается запрет, например:

(25) шур.: *Па ал йўва!* [К. В. Г.].

па ал йўв-а
еще PtcI.Proh идти–Imp.2Sg

‘Больше не приходи!’.

(26) каз.: *Ал тўвали!* [Каксин 2007: 104].

ał тўв-аlı
PtcI.Proh нести–Imp.2Pl.Obj

‘Не уноси (их)’.

(27) сург.: *Ос ал јõyta!* [А. Н. А.].

os ал јõyt-а
больше PtcI.Proh идти–Imp.2Sg

‘Больше не приходи!’.

(28) вах.: (Фольклорный текст: брат – сестре) – *Ал тәлила!*

[Альвы 2005: 34].

ал тәлил-а
PtcI.Neg кричать– Imp.2Sg

‘Не кричи!’.

Парадигма прохибитивной формы отрицательного императива в хантыйском языке включает только центральные формы 2 л. ед., дв. и мн. ч. в субъектном и объектном спряжении:

(29) шур.: *Neməłwerłi ал xolla!* [Л. А. Д.].

neməłwerłi (<*nem-əł- ał xoll-а
wer-łi)

зря (<*имя–3Sg–дело– PtcI.Proh плакать–
Carit Imp.2Sg

‘Не плачь зря!’; букв. ‘Без (именного/персонального) дела не плачь’.

(30) сург.: *Ал јиса алә јәтнам!* [А. Н. А.].

ал јис-а алә јәт-нам
PtcI.Proh плакать–Imp.2Sg просто хороший–Appr

‘Не плачь зря!’; букв. ‘Не плачь просто так’.

(31) каз.: *Кеҗка ал werałn луwti!* [Т. Я. Н.].

кеҗка ал wer-алn луw-ti
сердито PtcI.Proh делать–Imp.2Sg.Obj его–Acc

‘Не сердите ее!’.

(32) вах.: *Сэуы путым әл тууы!* [Терешкин 1961: 91].

сэу–ы   пуг–ым   әл   туу–ы
глина–Adj   котел–1Sg   Ptcl.Proh   нести–Imp.2Sg.Obj

‘Мой котел с глиной не уноси!’.

Отметим, что в зависимости от типа основы факультативные варианты форм те же, аналогичны лично-числовым формам глаголов с основой на согласный или гласный.

Итак, представим информацию о лично-числовых формах, участвующих в образовании отрицательных форм императива 2 л. на примере прохибитивной аналитической конструкции: шур. *al pōn–a* / каз. *al pun–a* / сург. *al pān–a* / вах. *äl pән–ä* ‘не клади’ в субъектном спряжении в таблице 1.

Таблица 1

**Лично-числовые формы прохибитива
субъектного спряжения**

Диалект Личо, число субъекта	шур. [ср. ОФУЯ 1976: 323]	каз. [ср. Каксин 2007: 104]	сург. [ср. Чепреги 2017: 88]	вах. [ср. Терешкин 1961: 91–92]
2 л. ед. ч.	<i>al pōn–a</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg ‘не клади’	<i>al pun–a</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg ‘не клади’	<i>al pān–a</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg ‘не клади’	<i>äl pән–ä</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg ‘не клади’
2 л. дв. ч.	<i>al pōn–atән</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du ‘не кладите’	<i>al pun–atән</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du ‘не кладите’	<i>al pān–itән</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du ‘не кладите’	<i>äl pән–itән</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du ‘не кладите’
2 л. мн. ч.	<i>al pōn–ati</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl ‘не кладите’	<i>al pun–ati</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl ‘не кладите’	<i>al pān–itәу</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl ‘не кладите’	<i>äl pән–itәу</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl ‘не кладите’

Далее представим информацию о лично-числовых формах, участвующих в образовании отрицательных форм императива 2 л. на примере прохибитивной аналитической конструкции: шур. *al pōn–i* / каз. *al pun–e* / сург. *al pān–e* / вах. *äl pән–i* ‘не клади (это)’ в объектном спряжении (табл. 2).

Лично-числовые формы прохибитива объектного спряжения

Диалект Лицо, число субъекта	шур. [ср. ОФУЯ 1976: 322]	каз. [ср. Каксин 2007: 76]	сург. [ср. Чепреги 2017: 89]	вах. [ср. Терешкин 1961: 90]
	при ед. ч. объекта			
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
2 л. ед. ч.	<i>at pōn-i</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.O bj	<i>al pin-e</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.Obj	<i>al pān-e</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.Obj	<i>äl pān-i</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.Obj
2 л. дв. ч.	<i>at pōn-aln</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Du.O bj 'не кла- дите'	<i>al pin-aln</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Du.Obj 'не кладите'	<i>al pān-ilən</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Du.Obj 'не кладите'	<i>äl pān-itən</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Du.Obj 'не кладите'
2 л. мн. ч.	<i>at pōn-aln</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Pl.O bj 'не кла- дите'	<i>al pin-aln</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Pl.Obj 'не кладите'	<i>al pān-ilən</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Pl.Obj 'не кладите'	<i>äl pān-itə</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Pl.Obj 'не кладите'
при дв. ч. объекта				
2 л. ед. ч.	<i>at pōn-aln</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.D u.Obj 'не кла- дите'	<i>al pin-ali</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.Du.O bj 'не кладите'	<i>al pān-iyəł-a</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.Du.O bj 'не кладите'	<i>äl pān-iyəla</i> Ptcl.Proh класьть– Imp.2Sg.Du.O bj 'не кладите'

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5
2 л. дв. ч.	<i>at pōn–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.D u.Obj 'не кла- дите'	<i>ał pun–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Du.O bj 'не кладите'	<i>ał pān–iyəl–in</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Du.O bj 'не кладите'	<i>äl pən–iyłən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Du.O bj 'не кладите'
2 л. мн. ч.	<i>at pōn–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Du .Obj 'не кла- дите'	<i>ał pun–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Du.O bj 'не кладите'	<i>ał pān–iyəl– ən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Du.O bj 'не кладите'	<i>äl pən–iyłən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Du.O bj 'не кладите'
при мн. ч. объекта				
2 л. ед. ч.	<i>at pōn–alən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg.Pl. Obj 'не кла- дите'	<i>ał pun–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg.Pl.Ob j 'не кладите'	<i>ał pān–il–a</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg.Pl.Ob j 'не кладите'	<i>äl pən–ila</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Sg.Pl.Ob j 'не кладите'
2 л. дв. ч.	<i>at pōn–alən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Pl .Obj 'не кла- дите'	<i>ał pun–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Pl.O bj 'не кладите'	<i>ał pān–il–in</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Pl.O bj 'не кладите'	<i>äl pən–ilən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Du.Pl.O bj 'не кладите'
2 л. мн. ч.	<i>at pōn–alən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Pl. Obj 'не кла- дите'	<i>ał pun–aln</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Pl.Obj 'не кладите'	<i>ał pān–il–ən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Pl.Obj 'не кладите'	<i>äl pən–ilən</i> Ptcl.Proh класть– Imp.2Pl.Pl.Obj 'не кладите'

Отметим, что в хантыйском языке использование отрицательного императива с другими отрицательными частицами (типа *ät / änta*) категорически не допускается [ср. Николаева 1995: 125; Каксин 2000: 12]. Более того, мы не рассматриваем представленные формы как «особое наклонение – прохибитив» [Николаева

1995: 125]. Постпозитивная запретительная частица шур. *al* / каз. / сург. *al* / вах. *äλ* 'не', действительно, выражает семантическую самостоятельность отрицательного императива, однако данное обстоятельство не является достаточным основанием для квалификации прохибитива как самостоятельной категории. Прохибитив в хантыйском языке является семантическим подвигом императива – повелительного наклонения. Наклонение здесь везде будет одно – повелительное, у которого имеются многочисленные подвиды, в том числе прохибитив и превентив, которые реализуются при помощи частицы прохибитива (Ptcl.Proh) и глагола в императиве.

В случае признания прохибитива самостоятельным наклонением в хантыйском языке следовало бы учесть тот факт, что «отрицательные формы всех других времен и наклонений глагола образуются прибавлением других аффиксов отрицания» [Патахова 2005: 57–77]. Подобное происходит в языках, в которых существует морфологический способ выражения отрицательного императива [Патахова 2005: 57; Мельчук 1998: 155–156; Плунгян 2011: 39; 2011: 439; Храковский, Володин 2002: 94; Гусев 2005; Большакова 2005: 40; Алиева 2010: 167].

Для хантыйского языка, следовательно, имеются основания предположить наличие прохибитивной формы, выражающей значение 'не делай Р' и представленной конструкцией: «особая отрицательная частица + форма императива 2 л.». Соответственно, в хантыйском языке особое наклонение – прохибитив – отсутствует.

1.4. Семантические особенности прохибитива в хантыйском языке

Как уже было продемонстрировано, в хантыйском языке отрицательное побуждение направлено не на совершение, а на *не-совершение действия*. Отрицательный императив или прохибитив является разновидностью императива. В хантыйском языке для выражения запрета используются конструкции с императивом так называемого запретительного глагола. Эту императивную форму в сочетании с частицей шур. *al* / каз. / сург. *al* / вах. *äλ* 'не' мы условно будем называть отрицательным императивом, точ-

нее – прохибитивом или прохибитивной формой. Соответственно, для дальнейшего изложения нашего материала в настоящем исследовании будем эквивалентно использовать термины *прохибитивная / отрицательная / запретительная форма*, выражающие понятие формы как синонимичные. Кроме того, используем термин *прохибитив* и *отрицательный императив* как синонимы для выражения значения.

Если в хантыйском языке квалифицировать волеизъявление относительно неисполнения действия как *запрет* «со значением не-разрешения» [Бирюлин 1994: 77–83], то в принципе *частные семантические интерпретации прохибитивных форм, выражающих запрет*, относятся:

– во-первых, к действию, которое в момент речи еще не совершается:

(33) шур.: *Tam χot petti unti joχli al aŋkərma!* [Steinitz 1975: 88].

tam	χot	pet-ti	unti	joχli	al	aŋkərma-
						a
этот	дом	скрыться–	Postp	об-	Ptcl.Proh	огля-
		Part.Praes		ратно		нуться–
						Imp.2Sg

‘Пока этот дом не скроется, ты не оглядывайся!’.

(34) вах.: *Mänöy ѳоѳэпа әл мәнә!* [Терешкин 1961: 66].

män-öy	ѳоѳэпа	әл		mән-ә
я–Abl	далеко	Ptcl.Proh		идти–Imp.2Sg

‘Не уходи далеко от меня!’.

– во-вторых, к действию, которое в момент речи уже совершается:

(35) шур.: *In wurśəkije tüt-n šaritti sāχat ūwti si pitas: – χujjən, χujjən, mənem nik al šaritaln! Ma ninan anši wešpi šupši wešpi opije tajlät, opem alläm!* [Steinitz 1975: 128, 129].

in	wurśək-	tüt-n	šarit-ti	sāχat	ūw-ti	si
	ije					
сей-	трясо-	огонь–	жарить–	Postp	кри-	же
час	гузка–	Loc	Part.Praes		чать–	
	Dim				Inf	
pit-as	χuj-	χuj-	mən-	nik	al	šarit-aln
	jən	jən	em			

статья– 3Sg	муж- чина– Du	муж- чина– Du	я– Acc	Prvb	Ptcl.Proh	жарить– Imp.2Du
----------------	---------------------	---------------------	-----------	------	-----------	--------------------

ma я	nin–an вы–Dat	anši шипов- ник	weš–pi лицо–Adj	šurši сморо- дина	weš–pi лицо–Adj
---------	------------------	-----------------------	--------------------	-------------------------	--------------------

op–ije сестра–Dim	taj–l–əm иметь–Praes– 1Sg	op–em сестра–1Sg	ał–l–əm показать–Praes– 1Sg
----------------------	---------------------------------	---------------------	-----------------------------------

‘Когда трясогузку огнем подпаливали, она кричать стала: – Мужчины, мужчины, меня не подпаливайте! Я для вас сестру с лицом шиповника, с лицом смородины, сестру покажу!’.

Запрет в одинаковой степени относится к *определенно-референтному действию*, например:

(36) шур.: *Nemłti xuw antum us, il esləpsa: kat xot, kat lopas. Luwel tuwət xujəl jastəl: – naŋ tam xota loŋa, ma joxəttəm unti put wera. ToxeL ulți xota, toxeL ulți lopasa al loŋa!* [Steinitz 1975: 116, 118, 120].

nemłti не- много	xuw долго	antum нет	u–s быть– Praet.3Sg	il Prvb	esl–əp–s–a отпустить– Mom–Praet– Pass.3Sg
------------------------	--------------	--------------	---------------------------	------------	--

kat два	xot дом	kat два	lopas ам- бар	luwel он– Dat	tuw–əm нести– Part.Praet	xuj–əl муж- чина– 3Sg	jast–əl сказать– Praes.3Sg
------------	------------	------------	---------------------	---------------------	--------------------------------	--------------------------------	----------------------------------

naŋ ты	tam этот	xot–a дом– Lat	loŋ–a войти– Imp.2Du	ma я	joxət–t–em прийти– Part.Praes– 1Sg	unti Postp
-----------	-------------	----------------------	----------------------------	---------	---	---------------

put котел	wer–a делать–Imp.2Du	toxeL туда	ul–ti быть–Part	xot–a дом–Lat
--------------	-------------------------	---------------	--------------------	------------------

toχeL ul-ti lopa-s-a al loŋ-a
туда быть-Part амбар-Lat Ptcl.Proh войти-Imp.2Du
‘Прошло немного времени, отпустил: (она)видит два дома, два амбара. Мужчина, который ее нес, говорит: – Ты в этот дом войди, до моего возвращения котел сварил. В тот дом, в том амбар не входи!’.

Запрет также относится и к неопределенно-референтному действию, ср.:

(37) шур.: *Pilip iki joχlal jelpi utL̄təlli*: – *Al numəsati, tata woš luχ*
χorpi kem χun! I torn ler, i warəs nuw moreməti at raχəl! [Steinitz 1975: 64].

Pilip	iki	joχ-l-al	jelpi	utL̄tə-l-li	al
Фи- липп	муж- чина	народ- Pl-3Sg	раньше	учить- Praes- 3Sg.Obj	Ptcl.Proh

numəs- ati	tata	woš	luχ	χorpi	kem	χun	i	torn
думать- Imp.2Pl	здесь	село	за- лив	по- хо- жий	при- мерно	ко- гда	один	травя

ler	i	warəs	nuw	moremə- ti	at	raχ-əl
ко- рень	один	куст	ветка	загнуть- Inf	Ptcl.Neg	можно- Praes.3Sg

‘Старик Филипп людям своим наставляет: – Не думайте, здесь не как в поселке (в населенной территории)! Ни одной травинки, ни одной веточки ломать нельзя!’.

Представленные выше примеры свидетельствуют о том, что императивному значению ‘запрет’ (= запрещение) соответствует такое значение признака, как ‘говорящий не хочет исполнения действия’ [ср. Бирюлин 1994: 79].

Необходимо заметить, что данное различие указанных интерпретаций прохибитива прослеживается преимущественно благодаря конситуации и контексту. Определенных глаголов, которые могли бы выражать конкретно прохибитивное значение, по всей видимости, в хантыйском языке не существует.

Тем не менее, особо следует отметить лексико-семантическую группу глаголов психологических и эмоциональных состояний. Лексемы данной группы гораздо чаще употребляются в прохибитиве, чем в императиве. Эту группу глаголов составляют следующие лексические единицы: шур. *líkašti*, каз. *likašti* [Т. Я. Н.], *kenka jiti* [М. Т. А.] ‘сердиться, рассердиться, злиться, разозлиться’, вах. *нурмэлтэма* ‘иметь зло на кого-либо’ [Терешкин, Сподина 1997: 98], сург. *девэтэлта* ‘ругать’ [Покачева, Песикова 2006: 97], вах. *льоүтэмтэ* ‘ругаться, браниться’ [Терешкин, Сподина 1997: 84], вах. *ныримтэхэлта* раздражаться, досадовать [Терешкин, Сподина 1997: 101]; шур. *pälti*, каз. *pälti, pälta* [А. А. Н.] ‘бояться’, шур. *numästi*, каз. *ňomästi* ‘думать, беспокоиться, позаботиться’, сург. *törasläta* [А. Н. А.] ‘беспокоить’, шур. *šukašti* ‘печалиться, страдать’ шур. *jöremäti*, каз. *йуремэти* [Соловар 2006: 88], сург. *jörəlyəyälta* [А. М. Д.] ‘забыть, забывать’, шур. *χuriti*, каз. *lawlästi*, сург. *qurñöwtiñə* [А. Н. А.] ‘опасаться’, шур. *jörašti* ‘брезговать’, *ňösarläti* ‘капризничать’, шур., каз. *amätti*, сург. *noq ñäləqta* [А. Н. А.], вах. *ньэлэқта* ‘радоваться, веселиться’ и т. п. Приведем примеры с подобными единицами.

(38) шур.: *Miñ ješowəl jöχətłəw, näj al päta!* [Л. А. Д.].

mij	ješowəl	jöχət–ł–əw	näj	al	päl–a
мы	скоро	прийти–	ты	Ptcl.Proh	бояться–
		Praes–1Pl			Imp.2Sg

‘Мы скоро придем, ты не бойся!’.

(39) сург.: *Min tamqätł jöyätłətmən nün al jisa!* [А. М. Д.].

min	tam–	jöyət–ł–	nün	al	jis–a
	qätł	ətmən			
мы	этот–	прийти–	ты	Ptcl.Proh	плакать–
	день	Praes–1Du			Imp.2Sg

‘Мы скоро придем, ты не плач!’.

(40) вах.: *Ал иса!* [Терешкин 1961: 72].

äl	ис–a
Ptcl.Proh	плакать–Imp.2Sg

‘Не плач!’.

(41) каз.: *Эви, ал дыкащ, муй вєр вєс, ин пирицмэсыйм...* [Тарлин 2012: 67, 87].

эви	ад	дыкащ–a	муй	вєр	вєс
-----	----	---------	-----	-----	-----

де- вочка	Ptcl.Proh	сердиться– Imp.2Sg	что	дело	быть– Praet.3Sg
--------------	-----------	-----------------------	-----	------	--------------------

ин	пирщэмэ–с–ый–м
сейчас	состариться–Praet–Pass–1Sg

‘Дочь, не обижайся, что было [то было], сейчас я состарился...’.

Очевидное преобладание в хантыйских конструкциях, представленных выше глаголов в прохибитивных формах над императивными следует объяснить с точки зрения семантики. Рассматриваемые глаголы называют состояния, полностью, либо частично неподконтрольные воле человека. Императивы этих глаголов выражают пожелание о том, что осуществление или неосуществление действия зависело бы не столько от воли слушающего (= исполнителя), сколько от целого ряда внешних и независимых от чьей-либо воли обстоятельств.

В таком случае, по мнению ряда исследователей, прохибитивы являются более употребительными, т. к. с точки зрения говорящего, запрещение пребывать в отклоняющемся от условной нормы эмоциональном состоянии, которое уже имеет место в момент речи, обычно сопровождается объяснением причин, в силу которых данное состояние является безосновательным и неуместным [Храковский 1986: 106–107, 149; Бичекуева 2008: 88–92].

Соответственно, вполне естественной представляется каузация прекращения подобного состояния или его предотвращение, если нежелательное состояние еще не настало. С точки зрения говорящего, волевое рассуждение слушающего (= исполнителя) и осмысление сложившейся ситуации должно способствовать устранению неуместного эмоционального состояния. Таким образом, высказывание запрета касательно пребывания в подобных состояниях, которые зачастую уже существуют в момент речи, с точки зрения прагматики оказывается вполне обоснованным. Помимо выражения говорящим пожелания о прекращении / ненаступлении некоего состояния происходит побуждение исполнителя взять контроль над ситуацией с целью достижения желаемого эффекта.

Важно также учитывать то, что запреты могут иметь разный характер: как общий, так и индивидуальный. В первом случае это выражается через разные социальные, моральные нормы и правила этикета, которые могут определять поведение конкретной личности в обществе; во втором – через конкретные директивы и указания, которые исходят от конкретного говорящего (= прескриптора), с целью сдерживать деятельность слушающего (= исполнителя) вопреки его желанию и в пределах объективной возможности. Такие предписания касаются и разрешений, о которых сказано выше. Вслед за Дж. Серлем, такие факторы названы помехами, т. е. предписаниями «делать Р – не-Р, за нарушение которых исполнитель может подвергнуться наказанию или санкции» [Бирюлин 1994: 84; ср. Гусев 2005]. Данное обстоятельство нередко удерживает исполнителя (= слушающего) и влияет на его поведение.

Со стороны говорящего для реализации значения не-разрешения важным является то, что он (= говорящий) обладает достаточной властью или полномочиями для того, чтобы подтвердить запрет, и может в данный момент противостоять просьбе исполнителя для того, чтобы снять помеху.

Таким образом, анализ *семантики прохибитива* свидетельствует о том, что через прохибитивные формы выражено *волеизъявление говорящего относительно невыполнения казулируемого действия*. Само же *волеизъявление отрицаться не может*. Семантическая особенность прохибитива заключается в том, что в *сферу действия оператора отрицания* входят все элементы плана содержания прохибитивной формы (и конструкции) *кроме волеизъявления*.

Семантическая структура прохибитива представлена следующим образом: *волеизъявление + отрицание + (пропозиция)*. Это позволяет утверждать, что *волеизъявление накладывается как на утверждение, так и на отрицание*, а не отрицание накладывается на утверждение (индикатив) и волеизъявление (императив).

Формальное своеобразие хантыйского отрицания проявляется в том, что экспоненты отрицания для императива одни, а для индикатива – другие, т. е. они материально разные. Следует отметить, что разные показатели отрицания обнаруживаются не в противопоставлении: «индикатив (прямое наклонение) – косвенные наклонения», а в противопоставлении: «императив – неимператив».

Необходимо подчеркнуть, что императив в хантыйском языке до настоящего времени описывался в рамках существующей традиции как одно из косвенных наклонений (противопоставляемых индикативу), что не представляло возможным охватить все имеющееся его разнообразие, в т. ч. и семантическое многообразие прохибитива.

Глава 2. ТИПОЛОГИЯ ПРОХИБИТИВНЫХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ

В дальнейшем изложении нашего материала мы последовательно представим прохибитивные формы: во-первых, формы общего вида активного залога (субъектного и объектного спряжения), составляющие ядро поля залоговости, в частности, первичные глагольные основы, сочетающиеся с положительной формой императива, имеющие в препозиции запретительную частицу шур. *at* / каз. / сург. *al* / вах. *äl*; во-вторых, другие формы, составляющие периферию функционально-семантической сферы прохибитива. Помимо этого отметим, что существуют залоговые ограничения, в частности образование прохибитива от пассивных форм и конструкций в хантыйском языке затруднено (подробно см. выше Глава 2. Подраздел 2.7.4.).

2.1. Залоговость в формировании хантыйского прохибитива

В исследуемом поле на материале хантыйского языка следует выделить три основные функционально-семантические сферы, опирающиеся на определенные, отчасти перекрещивающиеся средства выражения: 1) сфера активности /пассивности; 2) сфера транзитивности / интранзитивности; 3) сфера семантических микрополей прохибитива. Данные сферы обладают четкой спецификой, поэтому их можно рассматривать как самостоятельные, хотя и пересекающиеся функционально-семантические поля.

Основными линиями связи между указанными сферами являются следующие [ср. Виноградов 1972: 501–503; Бондарко 2005: 193–200].

1. Транзитивность / интранзитивность (прямая переходность / непереходность) глагола обуславливает соотносительность / несоотносительность актива / пассива: переходные глаголы по большей части образуют пассив, непереходные же обычно его не образуют.

2. Возвратные образования могут выступать в активе и пассиве, для невозвратных же возможен лишь актив.

3. Возвратные глаголы всегда непереходны.

В хантыйском языке нет возвратных глаголов, однако имеется ряд рефлексивных суффиксов, которые являются аналогами таких глаголов по содержанию.

2.1.1. Сфера активности / пассивности

Ядром функционально-семантического поля залоговости считается грамматическая категория залога, т. е. оппозиция «актив / пассив». Члены этой оппозиции могут являться формами одного слова, а «остальные языковые средства по мере убывания степени грамматикализации занимают периферию этого поля» [Бондарко 1976: 236; 2005: 186; Вальгамова 2003: 24–25].

В хантыйском языке в *выражении запрета с запретительной частицей* шур., каз. *āt* / сург. *əntə* ‘не’ употребляются только формы *активного залога*, с помощью которых выражается косвенное побуждение к несовершению действия (как в шур. *āt at jōχət-l* ‘пусть не приходит’):

(42) шур.: *Ajkeł tūwa, lūw χālewət āt at jōχət, paχāt at ijl!*

[К. В. Г.].

ajkeł	tūw-a	lūw	χālewət
новость	нести–Imp.2Sg	он	завтра

āt	at	jōχət-l	paχāt	at	ij-l
Ptcl.Neg	Ptcl	прийти–	после-	Ptcl	идти–
		Praes.3Sg	завтра		Praes.3Sg

‘Сообщи, он завтра пусть не приезжает, послезавтра пусть приезжает!’.

(43) сург.: *Nūŋ jasta lūwə lūw qaltot əntə jōγətλ pa qatəλnə lūwə jōγətλ!* [А. А. Н.].

nūŋ	jast-a	lūwə	lūw	qaltot	əntə	jōγət-λ
ты	сказать–	Ptcl	он	завтра	Ptcl.Neg	прийти–
	Imp.2Sg					Praes.3Sg

pa	qatəλ-nə	lūwə	jōγət-λ
другой	день–Loc	Ptcl.Neg	прийти–Praes.3Sg

‘Ты скажи он завтра пусть не приезжает, послезавтра пусть приезжает!’.

Частица шур. *at* ‘пусть’ всегда располагается перед глагольной формой настояще-будущего времени. Однако при этом в *западных* диалектах отрицательная частица *āt* ‘не’ помещается непосредственно перед частицей *at* ‘пусть’ (шур. *āt at jōχət-l* ‘пусть не приезжает’; букв. ‘не пусть приезжает’), а в *восточных* диалектах преимущественно данные частицы друг от друга могут отделяться другими словами (ср. сург. *liiwə liiw qalʔot əntə jōχət-l* ‘пусть он завтра не приезжает’).

Грамматически такие примеры представляют актив, при этом лексически передается пассивность носителя глагольного признака [ср. Яхонтов 1970: 45–48]. В подобных случаях, кроме собственно залога, эта сфера включает в себя такие явления периферийного характера, как «лексический пассив» [Бондарко 2005: 197]. Заметим, что в данных конструкциях, аналогично положительным императивным конструкциям, внимание сфокусировано на субъекте (= агенсе) каузируемого действия, что маркируется только формой актива [Храковский 1990: 92; ср. Гусев 2005: 106].

Для хантыйского пассива принципиальное значение имеет то, что формы страдательного залога употребляются при подлежащем, обозначающем не субъект, а объект (пациенс), т. е. тот предмет, который подвергается какому-либо воздействию. Глагол в функции сказуемого согласуется с подлежащим (объектом действия) в числе и лице. Агенса действия либо отсутствует, либо выступает в форме обстоятельства: в восточных диалектах в местном [ср. Чепреги 2017: 152], а в западных – в местно-творительном падеже [Каксин 2000: 69; 2007: 85].

При этом основной, доминирующей стороной оппозиции актива / пассива является сторона синтаксическая: морфологические образования находятся на службе синтаксических конструкций – активной и пассивной, а само бинарное противопоставление «актив / пассив» представляет собой противоположение синтаксических конструкций. По этой доминирующей стороне данная оппозиция в целом может быть определена как синтаксическая категория [ср.: Бондарко 2005: 188].

2.1.2. Сфера транзитивности / интранзитивности

Все «залоговые» модели глагольной основы зависят от семантики первичных основ, представленных в качестве двух основных разрядов – переходных и непереходных. Исходя из этого, категория переходности / непереходности (согласно международной терминологии: транзитивности / интранзитивности) представляет собой специфическую синтаксическую характеристику глагольной лексики любого языка и *определяет отношение глагольного действия к объекту* [Вальгамова 2003: 28–29; Десницкая 1984: 124].

В хантыйском языке под *переходностью* понимается *направленность действия субъекта на объект*; под *непереходностью* – *замкнутость действия / состояния в сфере субъекта*. Значения переходности / непереходности отражают категориальные значения залогового типа, соответственно, данная категория получает свое конкретное выражение и функционирование в сфере синтаксиса. При этом грамматическим признаком переходных глаголов является наличие при них прямого дополнения [Вальгамова 2003: 28–29].

По мнению А.В. Десницкой, противопоставление рассматриваемых категорий носит не грамматический, а лексический характер. Единственным критерием разграничения служит «возможность или невозможность постановки при них винительного падежа прямого дополнения» [Десницкая 1984: 133; ср. Бондарко 2005: 197].

В хантыйском языке переходность / непереходность первичных глагольных основ устанавливается по способу синтаксической связи с именем объекта, а также по морфологическому составу. Данная особенность присуща большинству урало-алтайских языков.

Грамматическими признаками хантыйских переходных глаголов, в том числе, и в прохибитивных конструкциях, являются [ср. Вальгамова 2003: 29; Терешкин 1961; Чепреги 2017; Черемисина 1989: 14–15; Николаева 1995: 124; Каксин 2007: 76, 80; Онина 2014: 39–40]:

а) наличие при глаголе прямого дополнения в форме основного падежа, маркированного лично-притяжательным суффик-

сом, который, в свою очередь, выражает принадлежность предмета лицу, обозначенному местоимением (которое может опускаться, в случае чего обладатель устанавливается по лично-притяжательному показателю):

(44) шур.: *Nǎŋ ernasen at pusi!* [Л. А. Д.].

nǎŋ ernas-en aɫ pus-i

ты платье-2Sg Ptcl.Proh стирать-Imp.2Sg.Obj

‘Ты платье не стирай!’.

(45) каз.: *Nǎŋ ernasen at puse!* [М. Т. А.].

nǎŋ ernas-en aɫ pus-e

ты платье-2Sg Ptcl.Proh стирать-Imp.2Sg.Obj

‘Ты платье не стирай!’.

(46) сург.: *Nüŋ järnasən aɫ pose!* [А. Н. А.].

nüŋ järnas-ən aɫ pos-e

ты платье-2Sg Ptcl.Proh стирать-Imp.2Sg.Obj

‘Ты платье не стирай!’.

б) личные местоимения, выступающие в форме винительного падежа (аккузатива):

(47) шур.: *Nǎŋ luwel at woçi!* [Т. И. Д.].

nǎŋ luw-el aɫ woç-i

ты его-Acc Ptcl.Proh звать-Imp.2Sg.Obj

‘Ты его не зови!’.

(48) каз.: *Nǎŋ luwti at woçe!* [М. Т. А.].

nǎŋ luw-ti aɫ woç-e

ты его-Acc Ptcl.Proh звать-Imp.2Sg.Obj

‘Ты его не зови!’.

(49) сург.: *Nüŋ lüwat aɫ wuçe!* [А. Н. А.].

nüŋ lüw-at aɫ wuç-e

ты его-Acc Ptcl.Proh звать-Imp.2Sg.Obj

‘Ты его не зови!’.

в) способность принимать показатели обоих типов спряжения:

– субъектного:

(50) шур.: *Öçšam at pöna!* [Л. А. Д.].

öçšam aɫ pön-a

платок Ptcl.Proh класть-Imp.2Sg

‘Платок не надевай!’.

(51) сург.: *Sumintaŋ aɫ pǎna!* [А. Н. А.].

sumintay aλ pān-a
 платок Ptcl.Proh класть–Imp.2Sg

‘Платок не надевай!’.

– объектного:

(52) шур.: Öḡšamen **at pōni!** [Л. А. Д.].

öḡšam-en aλ pōn-i
 платок–2Sg Ptcl.Neg класть–Imp.2Sg.Obj

‘Платок не надевай!’.

(53) сург.: Sumintayəp **aλ pāne!** [А. Н. А.].

sumintay-əp aλ pān-e
 платок–2Sg Ptcl.Proh класть–Imp.2Sg.Obj

‘Платок не надевай!’.

Прохибитивное значение, как и собственно императивное, в хантыйском языке выражается формами 2 л. всех трех чисел (ед., дв. и мн.). Выбор числа определяется числом адресата императива, т. е. агентивного участника [Кибрик 2003: 581, 593]. В прохибитивной конструкции, как уже было отмечено, специализированный показатель *at / aλ / äλ* ‘не’, выражающий *запрет*, располагается перед глагольной формой (см.: подраздел 1.3. настоящей главы). Лично-числовые показатели здесь те же, что и при императиве, соответственно, лично-числовая форма также употребляется при формировании прохибитивной, однако не играет главной роли в образовании, собственно, прохибитивного значения. Проиллюстрируем прохибитив 2 л. субъектного и объектного спряжения конкретными примерами.

2.1.2.1. Лично-числовые формы субъектного спряжения

1) 2 л. ед. ч.:

(54) шур.: *Талта еллы ханты хоята, муванг–йинканг ар хоята омасты муй янгхты порайн, нанг иса **ал евартыйя!*** [Енов 2014: 15, 16].

талта	еллы	ханты	хоят– а	мув– анг– йинк– анг	ар	хоят– а
от- сюда	дальше	ханты	чело- век– Lat	земля– Adj–	много	чело- век– Lat

вода–

Adj

омас–	муй	янгх–	по–	нанг	иса	ал	евар–
ты		ты	рай–н				тый–а
си–	что	хо–	пе–	ты	все–	Ptcl.Proh	заци–
деть–		дить–	риод–		гда		раться–
Inf		Inf	Loc				Imp.2Sg

‘С этих пор и на будущее запомни, что земля и вода на всех одна, и пока жив человеческий род, не смей его трогать!’.

(55) каз.: *Щи кўрәң юш эвалт ал мйна!* [Т. Я. Н.].

щи	кўр–әң	юш	хуват	ал	мйн–а
тот	нога–	до–	Postpr	Ptcl.Proh	идти–
	Adj	рога			Imp.2Sg

‘По этой пешеходной дороге не ходи!’.

(56) вах.: (Фольклорный текст: Отец – сыну; рано утром сын проснулся и пошел. Когда наступил полдень приходит домой, чтобы поесть. Сын говорит: – Этьта, столб, который ты не смог поставить, я поставил. – Отец отвечает) *Тә ти эт’тә выенкөл вертәнә* [Альвы 2005: 10]

Тә	ти	эт’тә	выенкөл	вертән–ә
да	это	эт’тә.обращение	вранье	делать–Imp.2Sg.

‘Да, ладно Этьта, **не обманывай**, я не смог поставить, а ты – тем более’ [Альвы 2005: 13]; букв. ‘Да, Этьта, вранье делай’.

(57) сург.: *Тем леки ал тәна!* [А. Н. А.].

tem	leki	ал	тән–а
этот	дорога	Ptcl.Proh	идти–Imp.2Sg

‘По этой дороге не ходи!’.

2) 2 л. дв. ч.:

(58) шур.: *In takan ал lowәtәtn!* [Т. И. Д.].

in	takan	ал	lowәtә–atn
сейчас	сильно	Ptcl.Proh	грести–Imp.2Du

‘Сейчас сильно не гребите (двое)’.

(59) каз.: *Lupa liwela, ал uwatn!* [Т. Я. Н.].

lup–а	liw–eл–а	ал	uw–atn
сказать–	они–2Du–	Ptcl.Proh	кричать–
Imp2Sg	Lat		Imp.2Du

‘Скажи им (=двоим), пусть не кричат (=они двое)’.

(60) вах.: (Фольклорный текст: Сэвсики¹ – дочерям) – <...> *нин тэм әл төхыәслитән тэм ку*. [Альвы 2005: 52]

нин	тэм	әл	төхыәсл–итән	тэм	ку
вы.двое	это	Ptcl.Proh	трогать–	это	муж-
			Imp.2Du		чина

‘*Вы не трогайте этого человека*’ [Альвы 2005: 53].

(61) сург.: *It jəmat аλ лолтилитән!* [А. А. Н.].

it	jəm-at	аλ	лолтил–итән
сейчас	хорошо–Ins	Ptcl.Proh	грести–Imp.2Du

‘*Сейчас сильно не гребите (двое)!*’.

3) 2 л. мн. ч.:

(62) шур.: *Unta аλ мәнати!* [Л. К. С.].

unt-a	аλ	мән-ати
лес–Lat	Ptcl.Proh	ходить–Imp.2Pl

‘*В лес не ходите!*’.

(63) каз.: *Аλ woχati* [Каксин 2007: 92]

аλ	woχ-ati
Ptcl.Proh	просить–Imp.2Pl

‘*Не просите!*’.

(64) вах.: (Фольклорный текст: Кынь², дух смерти, один из сыновей Верховного божества Торума – своим детям) *Әл мәхләхытәх тэм!* [Альвы 2005: 18].

Әл	тәхләх–ытәх	тэм
Ptcl.Proh	нести–Imp.2Pl	это

‘*Не шумите!*’ [Альвы 2005: 17].

(65) сург.: *Juyontnam аλ мәнитәу!* [А. М. Д.].

juyont-nam	аλ	мән–итәу
лес–Appr	Ptcl.Proh	ходить–Imp.2Pl

‘*В лес не ходите!*’.

¹ Сэвсики – злой лесной дух. На р. Вах и в других районах проживания восточных ханты доброжелательное существо, если не настраивать его против себя [Мифология хантов 2000: 219].

² Кынь – мифический фольклорный персонаж, один сыновей Верховного бога Торума, божество нижнего мира, дух смерти и болезней [Альвали 2005: 128, 129].

2.1.2.2. Лично-числовые формы объектного спряжения

В объектном спряжении императива противопоставляются два числа «прямого данного объекта» [Николаева 1995: 141]. Показателем этого спряжения являются форманты *-i* (ед. ч.), *-atn* (неединственное ч. – дв. и мн.), которые занимают конечную позицию в словоформе глагола и присоединяются после основы. Для выражения отрицательных требований или запрета, как и в субъектном спряжении, используется конструкция с императивом запретительного глагола:

1) 2 л. ед. ч. субъекта при ед. ч. объекта:

(66) шур.: *Tām perək arśena at miji!* [Л. А. Д.].

tām	перек	arśe-n-a	ał	mij-i
это	бу-	млад-	Ptcl.Proh	давать-
	мага	шая_сестра-		Imp.2Sg.Obj
		2Sg-Lat		

‘Эту бумагу младшей сестре не давай!’.

(67) каз.: *Tām perək urena ał mije!* [Т. Я. Н.].

tām	перек	ure-n-a	ał	mij-e
это	бумага	сестра-2Sg-	Ptcl.Proh	давать-
		Lat		Imp.2Sg.Obj

‘Эту бумагу сестре не давай!’.

(68) вах.: *səyы putым әл тууы!* [Терешкин 1961: 91]

səy-ы	путым	әл	туу-ы
глина-Adj	котел-1Sg	Ptcl.Proh	нести-Imp.2Sg.Obj

‘Мой котел с глиной не уноси!’

(69) сург.: *Ŧi nірәк һәңепа аł тәје!* [А. Н. А.].

Ŧi	nірәк	һәңе-n-a	ał	tәj-e
это	бу-	млад-	Ptcl.Proh	давать-
	мага	шая_сестра-		Imp.2Sg.Obj
		2Sg-Lat		

‘Эту бумагу младшей сестре не давай!’.

2) 2 л. ед. ч. субъекта при любом числе объекта:

(70) шур.: *Нын ал тетмалын лувел, ат иньщал шай!* [Енов 2014: 31, 37].

нын	ал	тетм-алын	лув-	ат	иньщ-ал	шай
			ел			

вы Ptcl.Proh трогать– он– Ptcl пить– чай
 Imp.2PL.Obj Acc Praes.3Sg

‘Не трогайте (=вы многие его), пусть он спокойно пьет чай!’.

(71) каз.: *Ал шөккаталән!* [Соловар 2014: 16].

ал шөккат–алын
 Ptcl.Proh трогать–Imp.2Du.Obj

‘Не мучайте (=вы его)!’.

(72) вах.: *сәүы пұтым әл тууылән!* [С.В. Ю.]

сәү–ы пұтым әл туу–ылән
 глина–Adj котел–1Sg Ptcl.Proh нести–Imp.2Du.Obj

‘Мой котел с глиной не унеси!’

(73) сург.: *Os тәүә кеҗка ал туwitәүлитәх!* [А. Н. А.].

os тәүә кеҗка ал туwitәүл–итәх
 больше сюда кошка Ptcl.Proh приносить–Imp.2Pl

‘Больше сюда кошку не приносите!’.

Согласно более строгому грамматическому подходу, лексико-синтаксическая оппозиция переходных / непереходных глаголов непосредственно примыкает к центральной зоне поля залоговости. Эта оппозиция являет противопоставление актива и пассива, поскольку детерминирует соотносительность или несоотносительность активного и пассивного оборотов. Кроме того, присутствует функциональная связь переходности / непереходности с возвратностью / невозвратностью. Указанные оппозиции образуют особую функционально-семантическую сферу внутри залоговости – сферу транзитивности / интранзитивности, при этом взаимодействуют и дополняют друг друга [Бондарко 2005: 198].

Однако представляется наиболее трудным провести грань между центром и периферией залоговости именно в рассматриваемой области. Лексико-синтаксическое противопоставление переходности / непереходности, основанное на сочетаемости / несочетаемости с прямым дополнением, обладает чертами как центральности, так и периферийности. К первым относится семантика данной оппозиции, которая является ключевой для залоговости. Кроме того, любой глагол так или иначе лексико-синтаксически определяется по отношению к этой оппозиции, которая характеризуется регулярностью функционирования. Что касается периферийности, ее проявление происходит в *зависимости*

переходности / непереходности от лексического значения и синтаксического поведения отдельных глаголов и глагольных групп, т. е. переходность в глагольной лексике является не интегрированной, а «рассеянной» [Бондарко 2005: 199].

С другой стороны, если в качестве определяющего принять не структурно-грамматический, а функциональный принцип, то центр залоговости следует понимать как функциональный комплекс, включающий оппозиции «актив / пассив» и «транзитив / интранзитив» (с учетом морфологического и лексико-синтаксического выражения последней) [Бондарко 2005: 199].

В качестве прохибитивных конструкций, в которых также выражается запрет, отметим:

(74) шур.: *Āt rāχəl!*

Āt	rāχ–əł
Ptcl.Neg	можно–Praes.3Sg

‘Нельзя!’.

(75) шур.: *Āt mosəl!*

Āt	mos–əł
Ptcl.Neg	надо–Praes.3Sg

‘Не надо!’.

В примере (711) выражается категоричный запрет, в примере (712) – более мягкая форма, выражающая запрет. Подобные запреты зачастую употребляются в различных выражениях типа:

(76) шур.: *Jeməŋ ətət ketəmtija āt rāχəl!* [К. В. Г.].

jem–əŋ	ət–ət	ketəmtij–a	āt	rāχ–əł
святой–	пред–	трогать–	Ptcl.Neg	можно–
Adj	мет–Pl	Lat		Praes.3Sg

‘Нельзя трогать святое!’.

(77) каз.: *Al ketma tam jeməŋ ut!* [М.Т. А.].

al	ketm–a	tam	jem–əŋ	ut
Ptcl.Proh	трогать–Imp.2Sg	это	святой–Adj	предмет

‘Нельзя трогать святое!’.

(78) шур.: *Owem läp pettija āt mosəl!* [С. Н. В.].

ow–em	läp	pet–tij–a	āt	mos–əł
дверь–	Prvb	закрыть–	Ptcl.Neg	необходимо–
1Sg		Inf–Lat		Praes.3Sg

‘Не надо двери закрывать!’.

(79) каз.: *Ant mosəl ow toχarti!* [М.Т. А.].

ant	mos-əλ	ow	toχar-ti
Ptcl.Neg	необходимо-Praes.3Sg	дверь	закрыть-Inf
<i>‘Не надо двери закрывать!’.</i>			

В данных конструкциях прохибитив выражен индикативной формой глагола преимущественно с суффиксом настояще-будущего времени *-l-* с отрицательной частицей *ət* ‘не’, например, *ət rāχ-əl*, *ət mos-əl*, переводимые как ‘нельзя; не надо’. Эти конструкции при определении отрицания являются ключевыми в запретительных предложениях, т. к. именно в них заложено значение отрицания, точнее – запрещения. Перевод шурьшкарской индикативной конструкции в казымскую императивную, очевидно, подтверждает использование первой в ее действительной возможности выполнять императивное значение, в частности, со значением запрета, представленного императивной конструкцией.

2.1.3. Сфера семантических микрополей прохибитива

Сфера семантических микрополей прохибитива основана на такой языковой интерпретации отношения понятия действия к логическому субъекту и логическому объекту, которая выражается прежде всего в словообразовательных разрядах глаголов. Представленные ниже разряды возвратных глаголов во многом аналогичны способам действия и занимают периферийное положение в функционально-семантическом поле залоговости. Несмотря на наличие грамматическое выявления (о чем свидетельствуют некоторые приведенные примеры), здесь преимущественно представлены лексико-грамматические разряды, не опирающиеся на специальную систему форм и отражающие отдельные разряды (подклассы) глагольной лексики.

Иначе говоря, периферийность словообразовательных залоговых разрядов по отношению к грамматике, в т. ч. к категории залога, обусловлена характером их языковой организации, т. к. здесь имеет место не интеграция категориальных значений в системе рядов грамматических форм, а весьма широкое «рассеяние» залоговых признаков по отдельным (также малым) группировкам лексики [Бондарко 2005: 200].

В хантыйском языке среди подобных средств, оказывающихся на периферии поля залоговости, представлены суффиксы лексико-грамматического словообразования, которые являют специфику лексического значения конкретной основы. С их помощью образуются формы залогового типа, характеризующие действие или состояние не только по отношению его к реальным субъектам и объектам, но и по отношению реальных субъектов и объектов к самому действию или состоянию [Басаков 1979: 21; Вальгамова 2003: 24–25; 73–94; ср. Земская 1979; 1981; Керт 1971; 1987а; 1987б].

Суффиксы, привносящие в глагольную основу значение субъектно-объектных отношений и выражающих с запретительной частицей *al* 'не' прохибитивное / запретительное значение, мы далее будем называть суффиксами залогового типа. При этом имеет место не только лексико-синтаксическая оппозиция переходных / непереходных глаголов, находящая выражение прежде всего в сочетаемости / несочетаемости с прямым объектом (или его количественная характеристика, выражаемая непосредственно в глагольной словоформе). Исследователями западных диалектов хантыйского языка также выявлены *аффиксы, образующие глаголы залоговой направленности*. Так, В. Штейницем установлены суффиксы *-t-*, *-alt-*, с помощью которых образуются «заставительные» глаголы, и суффиксы *-ijl-*, *-ś-*, *ańś-*, от которых образуются возвратные глаголы [Штейниц 1980: 43]. Е.А. Хелимским отмечены суффиксы *-t-*, *-lt-*, *-pt-* как транзитивирующие и отчасти как каузативные [Хелимский 1982: 106–107].

В казымском и среднеобском диалектах отмечается образование переходных глаголов от непереходных с помощью аффиксов *-al-*, *-ta-* и образование возвратных глаголов посредством формантов *-ля-*, *-ась-*, *-ыйт-*, *-ыйлт-*, *-аньсь-* [Сенгепов 1988: 99–100]. А. Д. Каксин отмечает суффиксы, образующие переходность действия (*-t*), переходность и каузативность (*-a-*, *-ta-*, *-alt-*, *-upta-*), непереходность, возвратность (*-ijl-*, *-ant-*), непереходность/переходность, невозвратность / возвратность, длительность (*-as-*, *-es-*) [2001: 23–24].

В шурышкарском диалекте С.И. Вальгамова выделяет следующие суффиксы этого функционального типа [Вальгамова 2003: 72–94]:

- собственно транспонирующий суффикс *-alə-*;
- суффиксы внутрикатегориального словообразования в функции транспонирующих: *-t- / -tə- / -ət-*, *-at-*, *-alt-* / *-altə-*, *-əpt-* / *-əptə-*, *-ij-* / *-j-*, *-lə-*, *-aś-*, *-amə-*, *-əm-*, *-ant-* / *-at-*, *-ś-* / *-śə-* / *-əs-*, *-as-*, *-as-*;
- суффиксы внутрикатегориального словообразования, формирующие значение: а) интранзитивности и рефлексивности действия: *-ś-* / *-śə-* / *-əs-*, *-ij-* / *-j-*, *-ańś-* / *-aś-*, *-ant-* / *-at-*, *ant-ij-*;
- б) транзитивности, каузативности действия: *-t- / -tə- / -ət-*, *-at-*, *-alt-* / *-altə-*, *-əpt-* / *-əptə-*.

Необходимо заметить, что фактически все перечисленные суффиксы являются способными принимать участие в прохибитиве. Однако в ряде случаев употребление некоторых из представленных аффиксов либо ограничено, либо преимущественно становится возможным в формировании прохибитивных конструкций. Поэтому далее в этом разделе проанализируем лишь те случаи, в которых образование прохибитива представляется своеобразным.

Как уже было отмечено, в хантыйском языке суффиксы залогового типа меняют способность управлять определенным количеством актантов, либо увеличивая эту способность (непереходность → переходность, переходность → каузативность), либо уменьшая ее (переходность → непереходность (рефлексивность)) [Чепреги 2017: 77–84; Каксин 2007: 44–50; Терешкин 1961: 76–80; ср. Теньер 1988: 250]. В хантыйском языке наиболее употребительными в формировании прохибитивной сущности являются аффиксы залогового типа – прежде всего аффиксы рефлексивности и каузативности.

2.1.3.1. Рефлексив

В настоящем подразделе хантыйские рефлексивные глаголы рассматриваются с точки зрения возможности их употребления с отрицательным императивом, а также описываются особенности их функционирования в прототипическом императиве, который предполагает, что «будущим Исполнителем действия Р является непосредственный адресат Говорящего, т. е. второе лицо» [Плунгян 2011: 438].

Рефлексивом (*Genus reflexivum*) в европейской лингвистической литературе называется *возвратный* залог [Энциклопедический словарь... 1890–1907; Малый энциклопедический словарь... 1907–1909]. Что касается рефлексивных глаголов (оппозиция возвратных / невозвратных), мы имеем в виду частные словообразовательные разряды глаголов типа собственно–возвратных или взаимно–возвратных, которые причисляем к периферии залоговости по отношению к собственно залогу несмотря на то, что данная оппозиция в целом принадлежит центральной зоне залоговости.

Эта точка зрения мотивирована обстоятельством, используемым при оценке степени грамматикализации оппозиции возвратных / невозвратных глаголов по признаку интранзитивности. Как отмечает А. В. Бондарко, в системе языка указанная оппозиция располагается над лексикой, т. к. в любом возвратном глаголе имеется признак интранзитивности; при этом реальное существование оппозиции связано с соотношением конкретных возвратных и невозвратных глаголов, вступающих в отношения производности [Бондарко 2005: 198].

В хантыйском языке мы имеем дело с лексико-грамматическими, в частности, со словообразовательными языковыми значениями, которые влекут за собой изменение лексического значения глагола. Соответственно, речь идет об оппозиции форм разных слов. В связи с этим оппозиция возвратных / невозвратных глаголов по признаку интранзитивности анализируется как занимающая периферийное положение по отношению к залогу, несмотря на то что в целом она рассматривается как относящаяся к центральной зоне залоговости (о чем свидетельствуют и некоторые примеры ниже).

Хантыйские рефлексивные глаголы, представляют семантически весьма разнородную картину [Бондарко 2005: 197], несмотря на малочисленность: так, в хантыйском языке выделяется порядка 200 глаголов [Вальгамова 2003: 31–32; 96–105], ср. в русском языке глаголов на *-ся* около 8000 [Недялков, Отаина 1981: 185]. Традиционно рефлексивами или рефлексивными глаголами в языкознании принято называть «лексические единицы, которые могут передавать значение полного или частичного референтного совпадения объекта действия с субъектом» [Недялков 1969:

247; Неद्याлков 1975: 21, 25–27]. Детально рассматривать проблему рефлексива мы не будем ввиду достаточной проработанной тематики [ср. Плунгян 2011: 251–307; Вахтин 1981; Храковский 1981; Князев 1996; Тестелец 2001: 432–434 и др.].

Следует отметить, что среди залоговых значений обычно особо выделяется актантная деривация, в частности, интерпретирующая деривация. Так, В.А. Плунгян считает рефлексивными «глагольные показатели, выражающие кореферентность каких-либо двух аргументов глагола», один из которых должен быть подлежащим [Плунгян 2011: 289–290].

На материале хантыйского языка некоторые явления рефлексивности, в частности, по признаку производности (производные и непроизводные), а также на синтаксическом уровне (где рефлексивный показатель маркирует понижение глагольной валентности, т. е. рецессию) представлены в работе [Вальгамова 2003; Молданова 2020: 80–83; Каксин 2007: 50]. Отмечается, что термином *возвратные глаголы, рефлексивные глаголы или рефлексивы* обозначаются лексические единицы, передающие значение полного или частичного референтного совпадения объекта действия с субъектом. При этом рефлексивные глаголы по признаку производности подразделяются на формально производные и непроизводные [Вальгамова 2003: 31]. Некоторые непроизводные рефлексивные глаголы употребляются в прохибитивных высказываниях, например:

(80) шур.: *Nāŋ ħŭw eltet at jemla, ħŭw – un!* [Л. А. Г.].

nāŋ	ħŭw	elt–el	ał	jeml–a	ħŭw	un
ты	он	Postp–	Ptcl.Proh	закры-	он	боль-
		3Sg		ваться–		шой
				Imp.2Sg		

‘Ты от него не закрывайся, он – пожилой!’.

В примере (717) речь идет об обряде избегания между мужчиной и женщиной в хантыйской культуре, когда женщина прикрывает свое лицо платком от мужчин, которые старше ее мужа (отец, братья, в том числе двоюродные братья, дяди) [см.: Лапина 1998].

В семантическом плане рефлексивный глагол в *субъектных* в прохибитивных рефлексивных конструкциях выражает значение партитивно-рефлексивное, если «рефлексивный глагол передает

ситуацию с объектом, являющимся частью субъекта действия» [Вальгамова 2003: 32; 100]. Данное значение, например, в шурышкарском и диалекте передается словообразовательным суффиксом –əʂ–, в казымском –aś–, на материале сургутского диалекта такой аналог не отмечается [Молданова 2020: 80; Ganschow 1965: 90]:

(81) шур.: *Uktenən ał nǎtəsa!* [ср. Вальгамова 2003: 100].

ul–t–en–ən	ał	nǎt–əʂ–a
жить–Part.Praes–2Sg–	Ptcl.Proh	выставиться–Refl–
Loc		Imp.2Sg

‘В жизни будь скромным!’; букв. ‘Когда живешь не выставляйся (как рукоять, как черенок)’.

Некоторые производные рефлексивные глаголы с суффиксами –əś, –aś используются в прохибитивных высказываниях:

(82) каз.: *nin ał seŋkaśatn!* [Т. Я. Н.].

nin	ał	seŋk–aś–atn
вы.двое	Ptcl.Proh	бить–Refl–Imp.2Du

‘Вы (=двое) не дерутесь!’

(83) шур.: *Nǎŋ ał kǔnsaśa!* [С. В. А.].

nǎŋ	ał	kǔns–aś–a
ты	Ptcl.Proh	царапать–Refl–Imp.2Sg

Не ври! Букв. ‘Ты не царапайся!’.

Данная рефлексивная конструкция фразеологизируется в значении: ‘ты не ври’ (букв. Не «заврись»):

(84) шур.: *Nǎŋ ał kǔnsaśa!* [Л. А. Д.].

nǎŋ	ał	kǔns–aś–a
ты	Ptcl.Proh	царапать–Refl–Imp.2Sg

‘Ты не обманывай!’.

(85) сург.: *Nüŋ ał lǎrəltəyta!* [А. Н. А.].

nüŋ	ał	lǎrəltəyt–a
ты	Ptcl.Proh	обманывать–Imp.2Sg

Букв. ‘Ты не обманывай!’.

Рассмотренные прохибитивные употребления свидетельствуют о том, что рефлексивные глаголы активно употребляются при образовании императивных конструкций. Зачастую рефлексивная (возвратная) конструкция является обратимой, т. е. имеет нерефлексивный вариант, содержащий транзитивный глагол, со-

относящийся регулярно с рефлексивным. Рефлексивные конструкции, не соотносящиеся систематически с нерефлексивными конструкциями, как было представлено, нередко фразеологизируются.

Необходимо подчеркнуть, что в хантыйском языке ситуация в императивных прохибитивных конструкциях остается аналогичной представленной в неимперативных: *присутствие отрицательной частицы ał / ał / äł 'не' в конструкции не влияет на способность управлять актантами*. Соответственно, назначение отрицательной частицы с императивной формой глагола заключается в выражении значения запрещения. Ср. примеры с идентичным рефлексивным суффиксом при:

– прохибитивном употреблении:

(86) шур.: *Näj h̄w-eł ńot-tij-a ał kaš-aś-a!* [Т. И. Д.].

näj	h̄w-eł	ńot-tij-a	ał	kaš-aś-a
ты	он-	помогать-	Ptcl.Proh	соглашаться-Refl-
	Acc	Inf-Lat		Imp.2Sg

‘Ты ему помогать не соглашайся!’.

(87) каз.: *Näj l̄w-eł ńotti ał kaš-aś-a!* [Т. Я. Н.].

näj	h̄w-eł	ńot-ti	ał	kaš-aś-a
ты	он-	помогать-	Ptcl.Proh	соглашаться-Refl-
	Acc	Inf		Imp.2Sg

‘Ты ему помогать не соглашайся!’.

– индикативном употреблении:

(88) шур.: *Näj h̄w-eł ńottija kaš-aślan!* [Т. И. Д.].

näj	h̄w-eł	ńot-tij-a	kaš-aś-l-an
ты	он-Acc	помогать-Inf-	соглашаться-Refl-Praes-
		Lat	2Sg

‘Ты ему помогать соглашаешься!’.

(89) шур.: *Näj h̄w-eł ńottija ät kaš-aślan!* [Т. И. Д.].

näj	h̄w-eł	ńot-tij-a	ät	kaš-aś-l-an
ты	он-	помогать-	Ptcl.Neg	соглашаться-Refl-
	Acc	Inf-Lat		Praes-2Sg

‘Ты ему помогать не соглашаешься!’.

(90) каз.: *Pa ŋi wuŋmaŋdan!* [Т. Я. Н.].

pa	ŋi	wuŋmaŋdan
снова	опять	завидовать-Refl-Praes-2Sg

‘Снова опять завидуешь!’.

2.1.3.2. Каузатив

Периферию функционально-семантической сферы прохибитива также составляют языковые средства лексико-грамматического словообразования, выражающие каузативное значение. Такие суффиксы, с одной стороны, выражают залоговую характеристику глагола [Вальгамова 2003: 26; Молданова 2020: 41–44], с другой – специфику лексического значения основы [подробнее об этом см.: Вальгамова 2003: 26–35; ср. Мельчук 1998: 163–195; Головки 1986].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой [1990], отмечено: «понудительный (побудительный) залог (каузатив) указывает, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, т. е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 160; ср. Ожегов 1997]. При пермиссивной каузации каузирующий субъект либо «делает так», «не делает так», чтобы каузируемый субъект (не) «выполнил» действие [ср.: Вальгамова 2003: 34].

В работе Ю.П. Князева [2007] при описании некоторых специфических особенностей императива особое место отводится каузативу / каузативности. Вслед за М.А. Шелякиным [1969: 187; 1983] и В.Ю. Гусевым [2002: 173 и др.] отмечается, что в первичной функции императива выражено действие, побуждаемое Говорящим и адресованное какому-либо лицу. Иначе говоря, используя императив, Говорящий своим высказыванием пытается каузировать совершение определенного действия [Князев 2007: 107–109]. Из этого следует, что императив, во-первых, близок к каузативу (ср. рус. *Закройте дверь!*), во-вторых, к перформативным высказываниям (ср. рус. *Прошу вас закрыть дверь*) [Касевич 1990: 85–90; Падучева 1985: 23]. Кроме того, связь с конкретным актом речи в определенной степени воздействует на значение грамматических категорий вида, времени, лица, залога, выражаемых в глагольных формах императива [Князев 2007: 108; Бондарко 1990в: 87–89; Бирюлин, Храковский 1992: 30–32].

К условиям успешности акта побуждения относится также выполнимость каузируемого действия, ориентация на которую отличает императив от оптата и предполагает его конкретную временную референцию (т. е. действие должно быть осуществлено в определенный момент) [Князев 2007: 112]. Следовательно, императив обозначает одновременно две ситуации: акт произнесения побудительного высказывания и каузируемое им действие. При этом роли их субъектов (обычно конкретных лиц) существенно различаются.

По мнению Ю.П. Князева, *субъект речевого акта* (т. е. Говорящий) характеризуется свойствами прототипического агенса, а *субъект каузируемого действия*, выполняя это действие, фактически подчиняется *чужой воле* (Говорящий влияет на его действия с помощью императивного высказывания), при нормальном развитии событий субъект действия так делать бы не стал. Таким образом, последний не является «полноценным» агенсом, сближаясь по своим свойствам с каузируемым участником. В свою очередь субъект речевого акта, осуществляя императивное высказывание, исходит из того, что в определенной степени контролирует субъекта действия и имеет право влиять на его действия [Князев 2007: 112].

Как отмечено Ю.Д. Апресяном, любой речевой акт подразумевает мотивировку [Апресян 1995: 362], соответственно, *намерение* относится в данном случае к речевому компоненту побуждения, т. е. говорящий произносит императивное высказывание осознанно [Князев 2007: 112]. Необходимо подчеркнуть, что в целом вопрос о желательности для Говорящего реализации каузируемой ситуации до конца не решен. Как утверждает В. Ю. Гусев, «желание или стремление говорящего, чтобы каузируемое действие осуществилось, является распространенной, но не обязательной импликацией повеления» [Гусев 2002: 174]. Однако «сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определенное действие» было включено в толкование значения императива [Апресян 1974: 22].

С другой стороны, с точки зрения семантических интерпретаций побудительных высказываний каузация может инициироваться Говорящим, либо являться реакцией на инициативу Слу-

шающего, причем как Говорящий, так и Слушающий может желать исполнения каузируемого действия может желать [Храковский 1986: 136].

По мнению Е.В. Падучевой, наличие компонента ‘я хочу’ в императивных высказываниях зависит от их конкретной иллокутивной функции (в контексте того, что иллокутивный речевой акт рассматривается с точки зрения его внеязыковой цели). В конструкциях типа: *могу я открыть окно? – Открывайте*, с функцией ‘разрешение’ рассматриваемый компонент ослабляется до ‘я ничего не имею против’ [Падучева 1996: 231], т. е. в данном случае «фактитивная каузация сменяется пермиссивной» [Недялков 1969: 28].

Соответственно, семантический компонент ‘желание’, равно как и его аналоги (‘стремление’ или ‘заинтересованность’) не является необходимым компонентом толкования значения императива. Однако его необходимо учитывать при описании функционирования императивных конструкций [Князев 2007: 113], т. к. одни и те же формы в значении императива и опатива весьма распространены в языках мира [ср. Гусев 2002: 175–183, 2005, 2013].

В хантыйском языке среди каузативных значений выделяются более общие: пермиссивная и фактитивная каузация [ср. Вальгамова 2003: 115]. Более подробно остановимся на пермиссивной каузации, т. к. именно в ней наиболее явно проявляются частные семантические интерпретации отрицательного императива, при котором «первоисточником изменений является каузируемый субъект» [Недялков 1969: 28].

2.1.3.3. Пермиссив / фактитив

В хантыйском языке наблюдаются отдельные пермиссивные явления, частности, каузативы, выражающие разрешение, которые традиционно принято называть пермиссивом [Бирюлин 1994: 77–99; Подлеская 1999; 2003; Гусев 2005: 81; Плунгян 2011: 280; Бирюлин 1994: 77–81]. При этом особая форма пермиссива (подробнее о грамматикализованном пермиссиве см. Гусев 2005: 81–84; 2013: 85–87) отсутствует, соответственно, ‘разрешение’ выражается посредством обычного императива, а не-разрешение – прохибитивной конструкцией. Как правило, при анализе пермиссива рассматриваются фактитивные интерпретации [ср.:

Подлеская: 2003: 125–126], соответственно, в настоящем разделе мы представим хантыйский пермиссив / фактитив.

По утверждению В.А. Плулунгяна, в языке возможно противопоставление нескольких каузативных показателей, в частности, выражающих значение непосредственной физической (*фактитив*) и опосредованной и/ или вербальной каузации; также могут быть представлены каузативы, выражающие разрешение (*пермиссив*) и др. Каузатив среди словообразовательных значений глагола является одним из наиболее часто выражаемых в языках мира, однако в некоторых языковых ареалах (например, в славянском) он практически не представлен [Плулунгян 2011: 280; ср. Недялков 1969].

В хантыйском языке при *фактитивной каузации* первоисточником или единственным источником изменений является *каузирующий субъект* (т. е. инициатива произношения принадлежит говорящему) [Недялков 1969: 28], например:

(91) шур.: **Ma** *h̄w-eł j̄ɔχət-ti parsem* [К. В. Г.].

ma	h̄w-eł	j̄ɔχət-ti	par-s-em
я	он-Асс	прийти-Inf	заставить-Praet-1Sg.Obj

‘Я велел ему прийти’.

(92) сург.: **Ma** *l̄üw-at pirt-em j̄ɔχət-ta* [А. А. Н.].

ma	l̄üw-at	pirt-em	j̄ɔχət-ta
я	он-Асс	заставить-Praet.1Sg.Obj	прийти-Inf

‘Я его заставил прийти’.

При *пермиссивной каузации* первоисточником трансформаций является *каузируемый субъект* (т. е. инициатором произношения является будущий слушающий). Роль же каузирующего субъекта сводится к допущению этих изменений или препятствованию им [Недялков 1969: 28]:

(93) шур.: **L̄üw** *ow-əl ät es-əl-s-əhi pet-tij-a* [К. В. Г.].

h̄w	ow-əl	ät	es-əl-s-əhi	pet-tij-a
он	дверь-	Ptcl.Neg	разрешить-	закрыть-
	3Sg		Praet-3Sg.Obj	Inf-Lat

‘Он не дал двери закрыть(ся)’.

(94) сург.: **L̄üw** *əntə äs-əl owpi j̄lə täw-ər-ta* [А. Н. А.].

l̄üw	əntə	äs-əl	owpi	j̄lə	täw-ər-ta
------	------	-------	------	------	-----------

он	Ptcl.Neg	разре-	дверь	Prvb	за-
		шить.Praet.3Sg.Obj			крыть-
					Inf

‘Он не дал двери закрыть(ся)’; букв. ‘Он не разрешил двери вниз закрыть’.

Для определения фактитивности / пермиссивности приобретенного значения необходимо также учитывать желание/нежелание субъекта совершить данное действие. При фактитивной каузации первоисточником или единственным источником изменений является *каузирующий субъект*, который «делает так», чтобы каузируемый субъект «выполнил действие» [Вальгамова 2003: 33; Неद्याлков 1969: 28]:

(95) шур.: *Näj h̄w-el woχsen?* [К. В. Г.].

näj	h̄w-el	woχ-s-en
ты	он-Асс	звать-Praet-2Sg.Obj

‘Ты его позвал?’.

(96) сург.: *Nüj lüw-at wuγ-ən?* [А. М. Д.].

nüj	lüw-at	wuγ-ən
ты	он-Асс	звать.Praet-2Sg

‘Ты его позвал?’.

По нашим наблюдениям, вопросно-ответная структура диалога достаточно легко позволяет опознавать в текстах императивные высказывания со значением разрешения / не-разрешения, которые представляются весьма прозрачными: в случае не-разрешения в таких конструкциях наблюдаются прохибитивные явления.

При пермиссивной каузации первоисточником трансформаций является *каузируемый субъект*, который либо «делает так», либо «не делает так» [Неद्याлков 1969: 28; ср. Вальгамова 2003: 33–34], например:

(97) шур.: *Näj łow-en jik-ən pa ał jisəltəj-i!* [Л. К. С.].

näj	łow-en	jik-ən	pa	ał	jisəltəj-i
ты	лошадь-	вода-	еще	Ptcl.Proh	пить-
	2Sg	Loc			Imp.2Sg.Obj

‘Ты лошадь водой больше не пей!’.

(98) сург.: *Nüj лаγ jəŋkat os ał jijnət’e!* [А. М. Д.].

nüj	лаγ	jəŋk-at	os	ał	jijnət’e
-----	-----	---------	----	----	----------

ты	ло-	вода-	больше	Ptcl.Proh	поить-
	шадь	Ins			Imp.2Sg.Obj

‘Ты лошадь водой больше не пои!’.

За представленными двумя основными значениями скрывается диапазон частных видов каузации – от физического приведения каузатором каузируемого субъекта в определенное состояние до непрепятствования действию по неведению, невниманию, халатности или неспособности воспрепятствовать [ср. Холодович 1969: 28; Недялков 1969: 28]. При этом императивные высказывания со значениями разрешения и не-разрешения представляются логически равноправными [Бирюлин 1994: 78–80].

В хантыйском языке типичными иллюстрациями императивных высказываний с анализируемыми, в т. ч. прохибитивными, значениями могут служить примеры со значением *разрешения и не-разрешения* совершать действие Р – не-Р. На материале хантыйского языка значение *разрешения* реализуется в конструкциях, где выражается:

– *разрешение + одобрение намерения адресата*, смысл которого сводится к ‘разрешать, допускать, не препятствовать’ [Мельчук 1998: 379]:

(99) шур.: *Хорэн адты!* – *Акел икийн партда* (А2, Б2, В1 – разрешение) [Лух Авт 2014 №13/691: 4].

хор-эн	адт-ы	ак-ел	икий-н	парт-д-а
олень-	нести-	дядя-	муж-	заставить-
2Sg	Imp.2Sg.Obj	3Sg	чина-	Praes-
			Loc	Pass.3Sg

‘Быка неси! – просит дядя’.

– *разрешение + безразличие <непротивление> к намерению адресата*:

(100) шур.: – *Хилые, хоты йисан, ма велты утцийм воем... – Вой муй ци? – ястал, мосал ки, уи!* (А2, Б2, В1 – разрешение) [Лух Авт 2014 №13/691: 4].

хил-	хоты	йи-с-	ма	вел-ты	утций-м	во-ем
ые		ан				
внук-	как	стать-	я	убить-	начинать-	зверь-
Dim		Praet-		Inf	Part.Praet	1Sg
		2Sg				

вой	муй	щи	яста–л	мос–ал	ки	у–и
зверь	что	все	гово- рять– Praes.3Sg	надо– Praes.3Sg	Ptcl	брать– Imp.2Sg.Obj
			Praes.3Sg			

‘– Внучек, что с тобой случилось, этого зверя я хотел добыть... – Это разве последний зверь? – говорит, – если надо, возьми!’.

Значение *не-разрешения* реализуется в конструкциях, подобных следующей:

(101) шур.: Я, сар, ма яңхлам. Яйңан, нын ситы хоты вератлатн, ищкия ал миясатан! [Лух Авт 2013 №24/650: 4].

я	сар	ма	яңх–л– ам	яй– ңан	нын	ситы	хоты
Ptcl	Ptcl	я	хо- дять– Praes– 1Sg	брат– Du	вы	так	как_ни- будь

верат–л–атн   ищкия–я   ал   мия–с–атан
мочь–Praes–2Du   холод–Lat   Ptcl.Proh   дать–Praet–2Du

‘Ну, схожу-ка я. Братья, вы как можете, холоду не поддавайтесь!’.

В фактитивно истолковываемых прохибитивных предложениях на материале хантыйского языка выражается *запрещение выполнять действие*:

(102) шур.: Pa атр ирҗа хй̄л ал мija! [К. В. Г.].

ра	атр	ирҗ–а	хй̄л	ал	миј–а
еще	собака	Postp–Lat	рыба	Ptcl.Proh	дать–Imp.2Sg

‘Больше собаке рыбу не давай!’.

(103) сург.: Атр қилат ос ал тәје! [А. Н. А.].

атр	қил–ат	ос	ал	тәј–е
собака	рыба–Ins	больше	Ptcl.Proh	дать–Imp.2Sg.Obj

‘Больше собаке рыбу не давай!’.

Иными словами, в прохибитивных конструкциях выражается *разрешение «не выполнять действие»* – не делать что-либо в данный момент или вообще, либо прекратить действие, которое уже происходит:

(104) шур.: Pa тйтҗух јөҗи ал төңәлта! [С. Н. В.].

ра tütjux jöχi ał łöŋ-əlt-a
 еще дрова домой Ptcl.Proh войти–Mom–Imp.2Sg
 ‘Больше дрова домой не заноси!’.

(105) сург.: *Ju jăqə os ał wəja!* [А. М. Д.].

juγ jăqə os ał wəj-a
 дрова домой больше Ptcl.Proh брать–Imp.2Sg
 ‘Больше дрова домой не заноси!’.

По мнению Л.А. Бирюлина, проблемой является определение статуса *разрешения* [Бирюлин 1994: 77]. При исследовании грамматических и семантических факторов, способствующих или препятствующих анализу императивных высказываний как пермиссивных, необходимо учитывать взаимосвязь между обязывающими, запрещающими, разрешающими и не-разрешающими рассуждениями, либо их независимость друг от друга. Выделение разных значений императива происходит на базе таких эксплицитных классификационных признаков, как ‘отношение между участниками коммуникативного акта’, ‘отношение Говорящего к действию’ и ‘отношение адресата к действию’. Таким образом, ‘разрешение’ описывается с помощью набора следующих признаков [подробнее см.: Бирюлин 1994: 78–79]:

- а) ‘адресат зависит от воли Говорящего’;
- б) ‘Говорящий считает исполнение действия целесообразным’;
- в) ‘адресат хочет исполнение действия’.

Вышепредставленному набору значений указанных признаков соответствует такое частное императивное значение, как запрещение (‘Говорящий не хочет исполнения действия’) [ср. Бирюлин 1994: 79]. Пермиссивно трактуемые прохибитивные предложения могут выражать как запрещение выполнять действие, так и разрешение его не выполнять [Храковский 1990: 212].

(106) шур.: *Aśi, ma nəŋ pilənən taśa jiləm? Anta, ał juwa!* [С. В. А.].

aśi ma nəŋ pił-en-ən taś-a ji-l-əm
 отец я ты Postp-2Sg- стадо–Lat идти–Praes-
 Loc 1Sg

anta ał juw-a
 Ptcl.Neg Ptcl.Proh идти–Imp.2Sg

‘Папа, я с тобой в стадо пойду? – Нет, не ходи!’.

(107) сург.: *At'i ma nūḡatinat qul qənc̣ta mən̄ləm?* – **Энтэ ал жүва!**
[А. А. Н.].

at'i	ma	nūḡati–nat	qul	qənc̣–ta	mən–λ–эм
отец	я	ты–Сом	рыба	искать–Inf	идти–Praes– 1Sg

энтэ	ал	jüw–a
Ptcl.Neg	Ptcl.Proh	идти–Imp.2Sg

‘Папа, я с тобой на рыбалку пойду? – Нет, не ходи!’.

В данных примерах выражено разрешение не выполнять действие, т. е. *запрет выполнять действие*.

Разрешение выполнять действие (*запрет не выполнять действие*) представлено в примерах ниже:

(108) шур.: *Asi, ma tāmχāt̄l χoḡra āt mǎnləm?* – **Ал мǎна!** [К. В. Г.].

aśi	m	tāmχāt̄	χoḡr	āt	mǎn–	aḷ	mǎn–a
	a	ḷ	–a		ḷ–эм		
оте	я	сего-	сеть	Ptcl.Ne	идти	Ptcl.Pro	идти–
ц		дня	–Lat	g	–	h	Imp.2S
					Praes		g
					–1Sg		

‘Папа, я сегодня сети проверять не поеду? – Не езжай!’.

(109) сург.: *At'i, ma temqatəḷ qoḡer λ'ot̄'a əntə mən̄ləm?* – **Ал мǎна!** [А. А. Н.].

at'i	ma	tem–	qoḡer	λ'ot̄–t'a	энтэ	mən–λ–
		qatəḷ				эм
отец	я	этот–	сеть	прове-	Ptcl.Neg	идти–
		день		рять–		Praes–
				Inf		1Sg

ал	mən–a
Ptcl.Proh	идти–Imp.2Sg

‘Папа, я сегодня сети проверять не поеду? – Не езжай!’.

Вопросительное предложение, в котором спрашивается разрешение, является вопросительно-отрицательным: *Asi, ma tāmχāt̄l χoḡra āt mǎnləm?* ‘Папа, я сегодня сети проверять не поеду?’; соответственно, ответное прохибитивное предложение: *Al mǎna* ‘Не езжай’, обозначает не запрет выполнять действие, а разрешение не выполнять действие [Храковский 1990: 212].

Разрешению соответствует следующий набор значений трех бинарных признаков – ‘импульс каузации’, ‘заинтересованность’ и ‘субординация’ [Храковский 1986: 140–141]:

а) ‘импульс каузации исходит от Слушающего’;

б) ‘исполнение каузируемого действия – в интересах Слушающего’;

в) ‘Говорящий ставит себя выше Слушающего’.

(110) каз.: (Фольклорный текст: Водяной – мужику; водяной³ принес золотой топор и спросил) – *Там нӓң даймэн? Икилэ лупэл: – Там дайэм ма дайэм, мийэ тив!* (A2, B2, B1 – разрешение) [СНХ 1995: 39].

тӓм	нӓң	дайм–эн	икилэ	луп–эл
это	ты	топор–2Sg	мужичок	говорить–Praes.3Sg

тӓм дайэм ма дайэм–эм, **мий–э** тив
 это топор я топор–1Sg **дать–Imp.2Sg.Obj** сюда
 ‘– *Это твой топор? Мужик отвечает: – Это мой топор. Давай сюда*’.

(111) каз.: (Фольклорный текст: отец – дочери; жил один человек, была у него дочь. <...> мужчина дочери своей сказал: – Доченька, **посмотри** мне голову. Дочь стала смотреть голову и увидела золотую гниду) – *Ацца, там сэн ма пудэтлэм? – Ал пудтэ, – ацэл лупэс.* (A2, B2, B1 – разрешение (не дуть) [СНХ 1995 : 21].

ацца	там	сэн	ма	пудэт–л–эм
отец	это	гнида	я	дуть–Praes–1Sg.Obj

ал	пудт–э	ац–эл	луп–эс
Ptcl.Proh	дуть– Imp.2Sg.Obj	отец–3Sg	говорить–Praet–3Sg

‘– *Батюшка, я сдуну эту гниду? – Нет, не дуй, – отец отвечает*’.

В рамках данного подхода специфика *пермиссивных* интерпретаций императивных высказываний заключается в том, что «инициатором является *Слушающий (Исполнитель)*, который обращается к Говорящему с просьбой о разрешении того или иного действия» [Бирюлин 1994: 79]. Для сравнения, в *фактитивных*

³ Йиңк ойка – Водяной дух.

интерпретациях отражаются ситуации, где инициатива произнесения императивного высказывания принадлежит *Говорящему* (*прескриптору*), который имеет право определять поведение Исполнителя [Бирюлин 1994: 95].

Схожее смысловое различие между фактитивными и пермиссивными императивными высказываниями отмечал еще О. Есперсен, который считал, что форма повелительного наклонения может выражать разрешение, не являющееся просьбой, поскольку Говорящим не выражается желание того, чтобы Слушающий совершил некое действие [Есперсен 1958: 364; Вежбицкая 1985: 263].

Помимо отмеченных выше особенностей пермиссивных высказываний с императивными формами следует указать на то, что в них, как правило, не используется местоименное подлежащее, допустимое в высказываниях с фактитивными императивами, ср.:

(112) шур.: *Nāŋ hūwel at kiti!* [К. В. Г.].

nāŋ hūw-el ał kit-i
ты он-Асс.3Sg Ptcl.Proh отправить-Imp.2Sg.Obj

‘*Ты его не отправляй!*’.

(113) сург.: *Nūŋ lūwat ał kite!* [А. Н. А.].

nūŋ lūw-at ał kit-e
ты он-Асс Ptcl.Proh отправить-Imp.2Sg.Obj

‘*Ты его не отправляй!*’.

2.2. Акциональность в формировании хантыйского прохибитива

В прохибитивных конструкциях часто оказываются *глаголы*, образованные с помощью *акциональных* суффиксов, которые являются одним из средств выражения аспектуальных значений хантыйского глагола. В хантыйском языке, подобно другим финно-угорским и тюркским языкам, эти средства называются *способами глагольного действия*, под которыми имеются в виду семантические аспектуальные понятия, связанные с несамостоятельной языковой семантикой, а именно с выражением дополнительных дери-вационных значений в глаголе. Формально эта семантика представлена грамматическими (морфологическими) внешними пока-

зателями. В таком понимании способы глагольного действия служат уточнению семантики процесса, прибавляя дополнительные значения к лексическому значению исходного глагола [Насилов 1989: 96–97; Насилов 1978; Щербак 1981; Вальгамова 2003: 35–47; Молданова 2020: 122–146; Плунгян 2011: 379].

Сочетание акциональных суффиксов со значениями исходных глагольных лексем не приводит к изменению их лексического значения, но добавляет значение определенного способа действия. Среди рассматриваемых (акциональных) значений выделяются значения, относящиеся к качественной и к количественной аспектуальности. К качественно-акциональным значениям относятся те, которые выражают фазовость действия, к количественно-акциональным – значения, передающие различные типы множественности действия.

При качественно-валентностных преобразованиях меняется статус актантов глагольной лексики при сохранении их количества; при количественно-валентностных – количество исходных валентностей [Серебренников 1960: 85–87; Храковский 1980: 9–12; 1981; 1987; Насилов 1989: 56–57, 96–97; Вальгамова 2003: 26, 39–46; Чепреги 2017: 77–84; ср. Кацнельсон 1987].

2.2.1. Качественно–акциональные значения

Среди качественно-акциональных значений в хантыйском языке *фазовость* действия передает начинательный способ действия. Различаются инхоативная и ингрессивная начинательность: *инхоативная начинательность* означает наступление, начало длительного действия, начального момента длительного времени признака [ср. Виноградов 1947: 519; 1969 1976: 273; Насилов 1989: 127–150; Вальгамова 2003: 39–40; 126, 145]. Глаголы, выражающие инхоативный начинательный способ действия могут трансформироваться в словосочетание «начать что-либо делать» [Вальгамова 2003: 39–40].

Глаголы с качественно-акциональным значением, использующиеся в *прохибитивных* конструкциях, трансформируются в формы со значением ‘не начать / запретить что-либо делать’. Сами конструкции в хантыйском языке весьма продуктивны, а употребляемые в них глаголы инхоативного типа имеют следующие значения:

1) однонаправленного движения:

(114) шур.: *Näj jet at šušma!* [Л. А. Г.].

näj	jet	ał	šuš–m–a
ты	далеко	Ptcl.Proh	шагать–Mom–Imp.2Sg

‘Ты далеко не ходи!’.

(115) сург.: *Nüñ qõqqənam ał tənəta!* [А. Н. А.].

nüñ	qõqqə–nam	ał	tən–əm–a
ты	далеко–Appr	Ptcl.Proh	шагать–Mom–Imp.2Sg

‘Ты далеко не ходи!’.

2) психофизиологического состояния:

(116) шур.: *Näj ħw eltel at pältama!* [Л. А. Г.].

näj	ħw	ełt–eł	ał	pält–am–a
ты	он	Postp–3Sg	Ptcl.Proh	испугаться–Mom–Imp.2Sg

‘Ты его не испугайся!’.

(117) сург.: *Nüñ lüwatiji ał qǎñt’əqinta!* [А. Н. А.].

nüñ	lüwati–ji	ał	qǎñt’əqint–a
ты	он–Abl	Ptcl.Proh	испугаться–Imp.2Sg

‘Ты его не испугайся!’.

Начинательные инхоативные глаголы в прохибитивных конструкциях образуются от неопределённых глаголов [Вальгамова 2003: 40; ср. Виноградов 1947: 519], которые называют действия, не стремящиеся к своему завершению: шур. *rupatti* ‘работать’, *otəsti* ‘сидеть’, *lǎriti* ‘вращаться’, *weratti* ‘мастерить’, *põlti* ‘дуть’ и т. п.

Помимо этого, в хантыйском языке данный смысл «передается удвоением императивной словоформы глагола и особой интонацией со значением ‘продолжай / не прерывай Р’» [Шиянова 2015: 113; Рахилина: 2013;], например: *opsa–opsa* букв. ‘сиди–сиди’ в смысле ‘продолжай сидеть, не вставай’, *tuten põli–põli* ‘огонь раздувай–раздувай’, в значении ‘не прекращай раздувать’ (ср. интонационный рисунок, Приложение 7):

(118) шур.: *Werata–werata!* [Л. А. Д.].

werat–a	werat–a
мастерить–Imp.2Sg	мастерить–Imp.2Sg

‘Мастери–мастери!’, в значении ‘не прекращай мастерить’.

Среди представленных выше глаголов, имеется ряд лексем, которые оказываются неупотребительными не только в императивных, но и в прохибитивных конструкциях. Это связано прежде всего с их лексической семантикой. Так, подобные примеры невозможны:

(119) шур.: **Nǎŋ ał śaśma!* [К. В. Г.].

nǎŋ ał śaś-m-a
ты Ptcl.Proh тихо_слышать–Mom–Imp.2Sg

‘*Ты не заслышь!*’.

(120) шур.: **Nǎŋ ał χulma!* [К. В. Г.].

nǎŋ ał χul-m-a
ты Ptcl.Proh тихо_слушать–Mom–Imp.2Sg

‘*Ты не услышь!*’.

2.2.2. Количественно-акциональные значения

В прохибитивных конструкциях употребляются преимущественно глаголы количественно-акционального значения, в частности, с глаголами, имеющими значение *моментального* способа действия, совершаемого мгновенно, в единый момент [Вальгамова 2003: 41], например:

(121) шур.: *Nǎŋ sora ił ał oləmta, oləŋŋ tüt-en χurta!* [Л. А. Д.].

nǎŋ sora ił ał ol-əmt-a
ты быстро Prvb Ptcl.Proh лечь–Mom–Imp.2Sg

oləŋ-n tüt-en χurt-a
начало–Loc огонь–2Sg тушить–Imp.2Sg

‘*Ты быстро не ложись (моментально), сначала лампу потуши!*’.

По аналогии довольно часто используются в прохибитивных формах глаголы *уменьшительного* или *раритетного* способа действия, которые «совершаются слегка, недолго, несерьезно» [Вальгамова 2003: 41]:

(122) шур.: *Nin śita ał lăkematn!* [Л. А. Г.].

nin śita ał lăk-em-atn
вы там Ptcl.Proh щекотить–Mom–Imp.2Sg

‘*Вы там не щекочите (друг друга)!.*’

(123) сург.: *Nin núl al lăqititən!* [А. Н. А.].

nin	núl	al	lăqiti-tən
вы	друг_друга	Ptcl.Proh	щекотить–Imp.2Sg

‘Вы не щекочите (друг друга)!’.

Заметим, что у всех разновидностей в представленных примерах есть одно общее свойство, которое не противопоставлено естественному языку, и, будучи употребленным в определенном контексте, способно получить вполне адекватную прохибитивную интерпретацию. В данных высказываниях представлены одноактантные глагольные модели, т. е. такие, которые содержат единственный актант – подлежащее. Однако содержательные отношения между подлежащим и глаголом –сказуемым, судя по грамматической форме глагола-сказуемого, представлены субъектно-безобъектным спряжением, представляющим действие, исходящее от субъекта.

В действительности допускается залоговая форма не только субъектного, но и объектного спряжения, как это представлено в конструкциях с отрицательным императивом, в которых реализуется семантический признак множественности [Храковский 1986: 18]:

(124) шур.: *Ńawrem neməłpǝrajn al kitilijaln!* *χăχsa urna!* [Л. А. Д.].

ńawre	neməłpǝraj	al	kit-ilij-aln	χăχs	urna
m	-n			-a	
ребен- нок	никогда– Loc	Ptcl.Pro h	отправить– Iter–	та- бак–	Postp –Lat
			Imp.2Sg.Ob j	Lat	

‘Ребенка никогда не отправляйте за сигаретами!’.

Отметим, что в данных прохибитивных высказываниях имеется иллюкутивная функция не-разрешения или запрета, чьей целью является не побуждать адресата к осуществлению действия в другой раз [Кобозева 2015: 270]. Сам факт выражения прохибитивной конструкции является попыткой Говорящего побудить адресата к несовершению действия.

В рассматриваемых высказываниях содержится *итеративный*⁴ тип множества ситуаций, истолковываемый, как некое множество, в котором, с одной стороны, происходит повторение некоторой ситуации с постоянным набором актантов, с другой – каждая повторяющаяся ситуация проявляется в определенный период времени, не включающий момент речи, либо другую точку отсчета [Храковский 1986: 49; Татевосов 2015: 104].

Увеличение или уменьшение интервалов между повторяющимися ситуациями соответствует некоторой условной норме и оценивается как нарушение «регулярности» или «сверхрегулярности». Эти отклонения являются признаками частных значений итеративного типа множественности / итератива. Соответственно, итератив с большим интервалом между повторяющимися ситуациями называется *дисконтинуативом*, а итератив с малыми интервалами – *фреквентативом* [Храковский 1986: 49; ср. Вальгамова 2003; Татевосов 2015: 104]. По мнению С.Г. Татевосова, общей для «итератива и фреквентатива является, по-видимому, собственно множественность, которая присутствует во всех употреблениях и у того, и у другого» [Татевосов 2015: 105]⁵.

В прохибитиве наиболее активными выступают значения множественности действия, представляющие так называемые непередельные глаголы. Эти глаголы обозначают такие действия, которые по своей природе и характеру проявления не имеют указанных пределов (т. е. лишены ограниченности), а именно:

1) постоянно-наличные действия: шур. *pusmeklāti* ‘взвешивать’, шур. *ālilāti*, каз. *āllati* ‘топить (печь много раз)’, шур. *ajəltantāti*, сург. *jastəmtəta* [А. Н. А.] ‘называться’, шур. *uləlāti*, сург. [А. Н. А.] *wāлта* ‘находиться’, вах. *вэлта* ‘жить; быть, иметься; существовать, находиться’, *валэнта* (пов. *валэнта*) *бывать валэнтэзэта* *начать бывать* [Терешкин, Сподина 1997: 24], каз. *wól’l’ati* ‘бывать’ [Т. Я. Н.];

⁴ Предложения с итеративом не только указывают на множественность подситуаций, но и на то, что между элементами множества имеются временные промежутки [Татевосов 2015: 102–106, 109, 296, 298].

⁵ Анализ показателей итератива, фреквентатива, а также аналогов в других языках выходит далеко за рамки наших текущих задач [ср.: Шлуинский 2005; 2006; Татевосов 2015].

2) действия-состояния (статальные): шур. *omæsti*, каз. *omăsti* [Т. Я. Н.], сург. *omæsta* [А. Н. А.] ‘сидеть’, шур. *uratti*, каз. *wuratti* [Т. Я. Н.] ‘проситься’, шур. *pusəŋləti*, каз. *pöşŋiti*, сург. *mulemləta* [А. Н. А.] ‘дымить’; но не глаголы типа: шур., каз. *lǎŋxati* ‘хотеть’, шур. *wörləti*, каз. *würləti* [М. Т. А.] ‘красоваться’;

3) многоактные: шур. *χōratti* ‘гавкать’, шур. *raŋmætti* ‘болтать (например, подолом платья)’, вах. *вэрэлтәүәлтә* ‘отдавать делать’, *выцәҗтылта* ‘давить’, *җахрәммәүәлта* ‘ловить, схватывать’ [Терешкин, Сподина 1997: 21, 22, 53], каз. *rǎŋəŋləti* [Т. Я. Н.] ‘сыпать’; шур. *χuxətləti*, сург. *kowətləta* [А. Н. А.] ‘бегать’, вах. *qoγəlilta* ‘шагать’ (*qoγəlta* ‘идти шагом’) [С. В. Ю.] и т. д.;

4) постоянно-узуальные (обычные) действия: шур., каз. *partti* ‘отправить, велеть, приказать’, каз. *partijliti* ‘отправлять, велеть, приказывать’, (Ср.: шур. *al partiliji* ‘не командуй; букв. не отправляй’), вах. *kummä* ‘послать, выслать’ [С. В. Ю.], шур. *šusəŋ-iliti*, каз. *šöšijliti* [М. Т. А.] ‘ходить, прогуливаться’ и т. п.;

5) повторяющиеся в один момент времени (итеративные): шур. *tijel-toxel šušəlijiti* ‘расхаживать (букв. туда-сюда похаживать)’, каз. *šöšijləti* [М. Т. А.] ‘ходить, прогуливаться’, вах. *kävscələxtä* ‘шататься’, *kömjätä* ‘качаться, вертеться’ [Терешкин, Сподина 1997: 38, 43], шур. *arilijiti* ‘напевать’, каз. *araməti* [Т. Я. Н.], сург. *arγəmta* [А. Н. А.] ‘запеть, запевать’, вах. *lulpəŋiqətəta* ‘запеть, начать петь’ (*lulpəŋita* (пов. *lulpəŋija*) петь, спеть), *qorəγtəγəlta* ‘лаять, залаять (на зверя)’ [С. В. Ю.] и т. д.

Приведем некоторые примеры с рассмотренными глаголами:

(125) шур.: *Neməŋwerli al pusəŋlija!* [Т. И. Д.].

nem-əŋ-wer-li	al	pusəŋ-lij-a
имя-3Sg-дело-Carit	Ptcl.Proh	дымить-Iter-Imp.2Sg

‘Зря не дыми!’.

(126) шур.: *Al tijeltoxel šušəlija!* [Т. И. Д.].

al	tijel-toxel	šuš-əlij-a
Ptcl.Proh	туда-сюда	ходить-Iter-Imp.2Sg

‘Не расхаживай туда-сюда!’.

(127) сург.: *Təγətōγə al jāŋqila!* [А. А. Н.].

təγə-tōγə	al	jāŋq-il-a
туда-сюда	Ptcl.Proh	ходить-Iter-Imp.2Sg

‘Туда-сюда не расхаживай!’.

Тем не менее, в прохибитивных конструкциях могут выступать не только неопределенные, но и некоторые предельные глаголы. В них идея времени не только «проявляется как внутреннее свойство действия и выражается в обозначении длительности или мгновенности, наличия или отсутствия внутреннего предела» [Маслов 1963: 5–7], но и является определяющим элементом «качественной» и существенным для части элементов «количественной» аспектуальности [Бондарко 1983: 80–81]. Для русского языка, как правило, в прохибитиве употребляются неопределенные глаголы, исключительно глаголы несовершенного вида, а в преентиве преимущественно предельные глаголы совершенного (или также несовершенного) вида [Храковский 1986: 103; Храковский 1990: 217; Гусев 2005: 55, 2013].

Для хантыйского языка так же, как и для других уральских языков, отношение действия к собственному внутреннему пределу не представляется универсальным семантическим признаком для характеристики сущности аспектуальности [Вальгамова 2003: 38; Чепреги 2017: 77; Молданова 2020: 133–141]. Различение глаголов по предельности / неопределенности охватывает небольшую их группу, большинство из этих глаголов индифферентны к нему. Одна и та же глагольная форма, исходя из контекста, выражает как совершенность, так и несовершенство действия, например: шур. *ewəłti*, каз. *ewəłti*, сург. *äwəłta* [А. Н. А.] ‘(по)верить’, шур. *üseməti*, сург. *wəčəytata* [А. М. Д.] ‘(за)жечь, (за)жигать’, каз. *lawəntti* ‘есть, съедать, питаться’ [М. Т. А.], шур. *leti* ‘(съ)есть’, вах. *läyilta* ‘съедать, поедать’ [С. В. Ю.].

(128) каз.: *Лйw пемхужата ән ewł* [М. Т. А.].

лйw	пемхужата	ән	ewł
-----	-----------	----	-----

он	никому	Ptcl.Neg	верить.Praes.3Sg
----	--------	----------	------------------

‘Он никому не верит’.

При этом сочетание акциональных суффиксов со значением исходных глагольных лексем в прохибитиве не приводит к изменению их лексического значения, но привносит значение определенного способа действия [Храковский 1980: 3–12]: конструкция с императивом запретительного глагола, образованная с отрицательной частицей *al/ał/äl* ‘не’, присовокупляет выражение запрета, подчеркивая тем самым семантическую самостоятельность прохибитива, ср:

(129) шур.: *Наң атадан ал олыдыя, хуланта!* [Лух Авт 2013 №31/657: 4].

наң	атадан	ал	ол–ыды–я	хулант–а
ты	ночью	Ptcl.Proh	спать–Iter–	слушать–
			Imp.2Sg	Imp.2Sg

‘Ты ночью не ложись (много раз), слушай!’.

Наконец, основным параметром *прохибитивности* во всех вышепредставленных запретительных конструкциях является выражение адресованного Слушающему волеизъявления Говорящего относительно *невыполнения* называемого *действия*. В прохибитивных конструкциях основную идею запрета выражает отрицательный императив, суть которого – *прекратить* совершаемое *действие* или не допустить реальных или возможных действий побуждаемого, которые в *прохибитиве* трансформируются в значение ‘не начать / запретить что–либо делать’.

Таким образом, в хантыйском языке прохибитив является одним из семантических подтипов императива. Прохибитивные конструкции являются семантико-синтаксическими дериватами исходных повелительных конструкций. В них введен оператор отрицания (представленный специальной императивной частицей шур. *al* / каз. / сург. *al* / вах. *äl* ‘не’), который присоединяется к *императивной* глагольной форме. Отрицательная частица *al* / *al* / *äl* / *äl* ‘не’ в прохибитивной конструкции употребляется только с формами глагольного *императива* (сург. *al tәp–a!* ‘не езжай!’). Прохибитив отличается от представленного побудительного значения, выраженного индикативной глагольной формой с оператором отрицания – частицей шур. *ät*, каз. *än*, сург. *әntә* ‘не’ (шур. *ät tән–t–әт* ‘не пойду’). Соответственно, формальное своеобразие отрицательного императива проявляется в том, что экспоненты отрицания материально являются разными: для императива одни, а для индикатива другие.

Кроме того, *различие* заключается в том, что 1) формы *императива* выражают *волеизъявление* относительно *выполнения действия*, 2) формы *прохибитива* выражают *волеизъявление / запрет* относительно *невыполнения* называемого *действия*. Если квалифицировать волеизъявление относительно неисполнения действия как *запрет* со значением *не-разрешения* [Бирюлин 1994:

77–83], то запрет относится к действию, которое в момент речи еще не совершается или уже совершается.

В прохибитиве чаще употребляются глаголы *психологических и эмоциональных состояний*. С точки зрения Говорящего, волевое рассуждение Слушающего (= Исполнителя) и осмысление сложившейся ситуации должно способствовать *устранению* неуместного эмоционального состояния как возникшей *помехи*. Следовательно, высказывать запрет относительно пребывания в подобных эмоциональных состояниях, которые часто уже существуют в момент речи, с *прагматической* точки зрения представляется вполне *обоснованным*.

В хантыйском языке в выражении *запрета* с отрицательной частицей *at / ał / äł* ‘не’ употребляются формы *активного залога*. Парадигма прохибитивной формы отрицательного императива в хантыйском языке включает центральные формы 2 л. ед., дв. и мн. ч. в субъектном и объектном спряжении. Что касается пассивной формы, то в хантыйском языке она плохо сочетается с императивом в принципе, в том числе и с прохибитивом. Исключение составляет ситуация, когда *пассивный залог* употребителен для формы 3 л. *косвенного императива*, содержащего форму настоящего-будущего времени индикатива смыслового глагола с частицей *at* ‘пусть’ и отрицательной частицей *ät* ‘не’, с помощью которых выражается косвенное побуждение к не-совершению действия. В этом случае в разных диалектах расположение компонентов происходит по-разному. Например, в западных диалектах отрицательная частица *ät* ‘не’ располагается непосредственно перед частицей *at* ‘пусть’ (шур. *ät at woχ-t-a* ‘пусть не позовут’ букв. ‘не пусть (будет) (по)зван’); шур.: *jasta, tamχatł ät at kitla* ‘скажи, сегодня пусть не отправят; букв. скажи, сегодня пусть не (будет) отправлен’; каз.: *Ant ał имэм имийән шиваэдэдийән!* ‘Пусть тетя тебя не увидит!’ [Соловар 2014: 31] букв. ‘Пусть тей (не будешь) увиден’). В восточных диалектах, как правило, данные частицы друг от друга отделяются другими словами (ср.: сург. *liiwə liiw qalɬot əntə jöyət-ł* ‘пусть он завтра не приезжает’). Грамматически подобные примеры представлены в активном залоге, поскольку в них содержится форма настоящего-будущего времени индикатива смыслового глагола (каз. *Ma хуцама на йнт ац йухэтэл* ‘Ко мне больше пусть не приходит’) [Соловар 2014:

78–79; ср.: Каксин 2007: 85]. Подобная конструкция употребляется с оттенком оптатаива.

Сферу *семантических микрополей прохибитива*, оказывающихся на периферии поля залоговости, выражают суффиксы лексико-грамматического словообразования, которые показывают специфику лексического значения глагольной основы и характеризуют действие или состояние по отношению его к реальным субъектам и объектам, а также по отношению реальных субъектов и объектов к этому действию или состоянию.

В прохибитивных высказываниях используются производные рефлексивные глаголы с суффиксами *-aś*, *-aś*. Нередко рефлексивная (возвратная) конструкция становится обратимой, т. е. имеет нерефлексивный вариант, содержащий транзитивный глагол, соотносящийся регулярно с рефлексивным глаголом. Те рефлексивные конструкции, которые не соотносятся с нерефлексивными конструкциями, часто фразеологизируются.

В хантыйском языке ситуация в императивных прохибитивных конструкциях остается аналогичной той, которая представлена в неимперативных образованиях. Однозначно во всех прохибитивных конструкциях решающее значение запрета принадлежит исключительно отрицательной частице. Присутствие специальной императивной частицы *al / aλ / äλ / äλ* 'не' в конструкции не влияет на способность управлять актантами.

В прохибитивных конструкциях употребляются глаголы, образованные с помощью *акциональных* суффиксов, которые являются одним из средств выражения аспектуальных значений. *Способы глагольного действия* представляют семантическое аспектуальное понятие, связанное с несамостоятельной языковой семантикой, через которое происходит выражение дополнительных деривационных значений в глаголе. При сочетании акциональных суффиксов со значениями исходных глагольных лексем их лексическое значение не меняется, к нему лишь добавляется значение определенного способа действия: качественной и количественной аспектуальности [Храковский 1980: 3–12].

В *прохибитивных* конструкциях наиболее употребительны глаголы с *качественно-акциональным* значением, выражающие однонаправленные движения. Эти глаголы образованы посред-

ством суффиксов *-m-*, *-am-*, которые представляют *фазовые* глаголы *инхоативного* типа (т. е. проявляющие начало длительного действия). Данные глаголы преимущественно образованы от *непредельных глаголов*, которые называют действия и к своему завершению не стремятся (шур. *omæsti* ‘сидеть’, *lāriti* ‘вращаться’, *weratti* ‘изготавливать, столярничать, выделявать’, *pōtti* ‘дуть’). Кроме того, данный смысл в запретительной конструкции часто передается *удвоением императивной словоформы* глагола и особой интонацией со значением ‘продолжай / не прерывай Р’ (шур. *opsa-opsa* букв. ‘сиди-сиди’ в смысле ‘продолжай сидеть, не вставай’).

В формировании *прохибитива* употребительными являются глаголы с *количественно-акциональным* значением. Данные глаголы в прохибитивной ситуации преимущественно образуются с помощью суффиксов: *-amt-* (значение *моментального* способа действия), *-em-* (значение *уменьшительного или раритетного* способа действия); *-ilij-* (семантический признак *множественности*).

Особую чувствительность к суффиксам лексико-грамматического словообразования в прохибитивных конструкциях проявляют северо-западные диалекты в отличие от восточных, которые оказываются более равнодушными к дополнительным *оттенкам* глаголов, образованных с помощью *акциональных* суффиксов, несмотря на то что подобные аффиксы в восточных диалектах исследователями регистрируются.

В связи с этим необходимо подчеркнуть ряд важных обстоятельств. Во-первых, для акциональных суффиксов отношение действия к собственному внутреннему пределу не представляется универсальным семантическим признаком для характеристики сущности аспектуальности. Во-вторых, при сочетании акциональных суффиксов со значениями исходных глагольных лексем их лексическое значение не меняется, к нему лишь добавляется значение определенного способа действия. В-третьих, в прохибитиве лишь присовокупляется выражение частной семантической интерпретации *запрета действия, которое уже осуществляется в момент речи*, привносимое конструкцией с императивом запретительного глагола, образованной с помощью отрицательной частицы *al / aλ / äλ* ‘не’.

Следовательно, особая отрицательная частица *at* / *aλ* / *äl* / *äλ* 'не', располагающаяся перед обычной *императивной* формой 2 л., будучи производной или непроизводной, не меняет или не продолжает изменять актантную структуру глагола, т. е. не оказывает влияния на изменение валентности глаголов при словообразовании. Такая же интерпретация относится к значениям способов глагольного действия или акциональным значениям качественной и к количественной аспектуальности.

В прохибитивных конструкциях имеется иллокутивная функция *не-разрешения или запрета действия, которое должно осуществляться после момента речи*, чьей целью является не побуждать адресата к осуществлению действия в другой раз. Сам факт произнесения прохибитивной конструкции является попыткой Говорящего побудить адресат к несовершению действия. Соответственно, назначение *отрицательной частицы с императивной формой глагола* заключено исключительно в выражении значения *запрета* независимо от того, имеются ли в наличии глагольные суффиксы, имеющие отношение либо к акциональности, либо к валентности глагола, которые присоединяются к глагольным основам, что тем самым подчеркивает семантическую самостоятельность прохибитива.

В формировании прохибитива участвуют частицы (шур. *at*, каз., вах. *äl*, сург. *aλ* 'не', шур., каз. *änta* сург., вах. *äntä* 'нет', *ät* 'не', *at* 'пусть') в сочетании с глаголом повелительного, изъявительного наклонения и пассива (в западных диалектах).

Для выражения прохибитива употребляются глагольные конструкции императива 2 л., индикатива 3 л., пассива 2 и 3 л.:

1) запретительная частица *at* / *äl* / *aλ* 'не' + субъектная лично-числовая форма *императива* 2 л. ед., дв., мн. ч. / объектная лично-числовая форма *императива* 2 л. при ед. ч. объекта (*Näj h'w etel at jemla, h'w – un* 'Ты от него не закрывайся, он – пожилой!'; *Tät nepek aršena at miji!* 'Эту бумагу младшей сестре не давай!');

2) отрицательная частица *anta* / *äntä* 'нет' + частица *at* / *äl* / *aλ* 'не' + субъектная лично-числовые формы *императива* 2 л. ед., дв., мн. ч. / лично-числовые формы *императива* объектного спряжения 2 л. при ед., дв., мн. ч. объекта (*anta, at juwa* 'нет, не ходи');

3) отрицательная частица *ăt* ‘не’ + частица *at* / *liiwă* ‘пусть’ + лично-числовые формы субъектного спряжения 3 л. *индикатива* ед., дв., мн. ч. и объектного спряжения *индикатива* 3 л. при ед., дв., мн. ч. объекта (шур.: *Lïw ăt at jöxätl* ‘Он пусть не приезжает’; *каз. Lïw ănt al juxätl* ‘Он пусть не приезжает’; сург. *liiwă liiw qaltot ăntă jöyätl* ‘пусть он завтра не приезжает’) с оптативным оттенком;

Следовательно, наиболее типичным способом выражения прохибитива в хантыйском языке является употребление глагольной конструкции императива и индикатива. При *императиве* употребляется прохибитивная частица *al* ‘не’ с лично-числовыми формами повелительного наклонения и при этой же форме допускается и отрицательная частица шур. / *каз. anta* ‘нет’. Прохибитив выражен индикативной формой глагола преимущественно с суффиксом настояще–будущего времени –*l*– с отрицательной частицей *ăt* ‘не’, например, *ăt răx–ăt*, *ăt mos–ăt*, переводимые как ‘нельзя; не надо’. Эти конструкции при определении отрицания являются ключевыми в запретительных предложениях, т. к. именно в них заложено значение отрицания, точнее –запрещения.

При *индикативе* в *западных* диалектах используется отрицательная частица *ăt* ‘не’ + частица *at* ‘пусть’ (ср. шур.: *Ajkel tïwa, liiw xəlewät ăt at jöxätl, raxätl at ijl!* ‘Сообщи, он завтра пусть не приезжает, послезавтра пусть приезжает!’). В *восточных* диалектах употребляется частица отрицания сург. *ăntă* ‘нет’ при *индикативе* (ср.: хант. *Nïñ jasta liiwă liiw qaltot ăntă jöyätl ra qatəlŋa liiwă jöyätl!* ‘Ты скажи он завтра пусть не приезжает, послезавтра пусть приезжает!’).

При пассиве в западных диалектах хантыйского языка используется такая же стратегия, как и при индикативе. Все отрицательные маркеры во всех исследованных диалектах, употребляющиеся для выражения запрета, предшествуют глагольной форме как при императиве, так и при индикативе; *отличие императива и прохибитива проявляется только в наличии отрицательного маркера последнего* [ср.: Ковылин 2017: 183]. Частично не совпа-

дают в исследуемых диалектах при сравнении индикатив и императив. При наличии разных суффиксов при индикативной и императивной форме глаголов наблюдаются идентичные отрицательные частицы.

На вопрос, почему прохибитив нельзя считать косвенным наклонением, можно ответить следующим образом. Если учесть, что *наклонением* называется словоизменительная грамматическая категория глагола, выражающая отношение Говорящего к содержанию высказывания и / или отношение ситуации к реальному миру (ее реальность, ирреальность, желательность), т. е. различные модальные значения, этим термином обозначается грамматическое средство выражения модальных значений. Те же значения могут быть эксплицированы лексически (например, с помощью модальных глаголов) [ср.: Добрушина 2014]. Отметим, что мы придерживаемся такого понимания модальности, при котором термины *модальность* и *наклонение* семантически не противопоставлены: наклонением считается любая грамматическая категория, граммы которой выражают модальные значения (в качестве базовых). Соответственно, *наклонение* – это просто «грамматикализованная модальность» [ср.: Плуноян 2011: 423]. Наклонение тесно связано с модальностью, оно является грамматическим средством выражения модальных значений.

Таким образом, под *прохибитивом* понимается обозначение отрицаемого повелительного наклонения, чье прагматическое значение заключается в выражении *запрета действия, которое уже осуществляется в момент речи или должно осуществиться после момента речи.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что **прохибитив** в хантыйском языке представлен как вид категорического социально обусловленного побуждения, направленного «сверху вниз». Он реализуется как отрицательная реплика-реакция, то есть Говорящий не позволяет адресату совершить действие в соответствии с намерением последнего. Более того, в прохибитивных формах и высказываниях, выражающих запрет, требуется непременно прекращение или невыполнение запланированного адресатом действия, при этом Говорящий, он же запрещающий, обладает этическим или нравственным правом запрещать.

В хантыйском языке для выражения запрета используются: прямой императив 2-го лица, средством выражения которого являются отрицательная частица *al* ‘не’ + лично-числовые формы либо субъектного спряжения с ед., дв., мн. ч. (типа шур.: *al mǎn-a* ‘не ходи’), либо объектного спряжения ед., дв., мн. ч. при ед., дв., мн. ч. объекта (типа шур.: *al wer-alǎn* ‘не делайте (это)’); отрицательная частица *ǎnta* / *ǎntǎ* ‘нет’ + частица *al* / *ǎl* / *aλ* ‘не’ + субъектная лично-числовые формы императива 2-го л. ед., дв., мн. ч. / лично-числовые формы императива объектного спряжения 2-го л. при ед., дв., мн. ч. объекта (*ǎnta*, *al jǎwa* ‘нет, не ходи’).

Средством выражения речевого акта запрещения также является представленный только в западных диалектах косвенный императив 3-го лица. Он выражен индикативом в настояще-будущем (~ прошедшем) времени, лично-числовыми формами пассивного залога 3-го л. ед., дв., мн. ч. (типа шур.: *Lǎw ǎt at jǎχǎtl*, ‘Он пусть не приезжает’).

У прохибитивных конструкций выделяются семантические интерпретации. К ним относятся: не-разрешение или запрет действия, которое должно осуществляться после момента речи (целью в данном случае является побуждать адресата к неосуществлению действия в другой раз); запрет действия, которое уже осуществляется в момент речи. Последнее значение выражается конструкцией с императивом запретительного глагола, образованной с помощью отрицательной частицы *al* / *aλ* / *ǎl* ‘не’.

Сам факт произнесения прохибитивной конструкции является попыткой Говорящего побудить адресата к несовершению действия. Прохибитив поддерживается преимущественно непредельными глаголами (шур. *pismekləti* ‘взвешивать’, шур. *äliłəti*, каз. *älləti* ‘топить (печь много раз)’, каз. *šöšijləti* ‘ходить, прогуливаться’, вах. *kävčäleutä* ‘шататься’, *kömlätä* ‘качаться, вертеться’, шур. *arilijiti* ‘напевать’, каз. *arəməti*, сург. *arəmta* ‘запеть, запевать’, вах. *lulpəniqətəta* ‘запеть, начать петь’), обозначающими такие действия, которые по своей природе и характеру проявления не имеют указанных пределов, лишены ограниченности. Назначение отрицательной частицы в сочетании с императивной формой глагола состоит исключительно в выражении значения запрета / запрещения независимо от того, имеются ли в слове глагольные суффиксы, выражающие семантику акциональности либо валентности глагола, что подчеркивает семантическую самостоятельность прохибитива.

Настоящая работа открывает новые исследовательские перспективы в области хантыйской императологии. Дальнейшее изучение побудительных конструкций представляется продуктивным в *прагматическом* аспекте (интерпретация в конкретных ситуациях общения), *социолингвистическом* (вариативность в зависимости от параметров коммуникативной ситуации) и в *теории речевых актов* (анализ косвенных побуждений, смягченных и усиленных форм директивов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова ; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1976. – 327 с.
2. Алиева, Н. Ф. Выражение объектных отношений глагола как универсальное свойство языков / Н. Ф. Алиева // Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М., 1969. – С. 129–134.
3. Алиева, Э. Н. Функционально–семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском и лезгинском) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02, 10.02.20 / Эльвира Низамиевна Алиева. – М., 2010. – 63 с.
4. Апресян, В. Ю. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием [Электронный ресурс] / В. Ю. Апресян. – Электрон. текстовые дан. // Диалог: международная конференция по компьютерной лингвистике : [сайт]. – М., 2010. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/3.pdf> (10.08.2015). – Загл. с экрана.
5. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
6. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
7. Баскаков, Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. Структура слова и механизм агглютинации / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1979. – 266 с.
8. Бирюлин, Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории / ред. В.С. Храковский. – 1992. – С. 5–49.
9. Бирюлин, Л. А. Семантика и прагматика русского императива / Л. А. Бирюлин. – Helsinki : Slavica Helsingiensia, 1994. – 229 с.
10. Бирюлин, Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / Л. А. Бирюлин. – СПб., 1992. – 43 с.

11. Бичекуева, Т. Ю. Императив в карачаево-балкарском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Танзиля Юсуфовна Бичекуева. – Нальчик, 2008. – 178 с.

12. Большакова, Т. М. Состав и функционирование прескрипций и прохибитивов в немецкоязычных текстах директивно-регулятивного типа (прагмалингвистический и социокультурный аспекты) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. М. Большакова. – СПб., 2005. – 200 с.

13. Бондарко, А. В. О значениях видов русского глагола / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1990а. – № 4. – С. 5–24.

14. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1983. – 208 с.

15. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А. В. Бондарко. – М. : Яз. славян. культур, 2005. – 624 с.

16. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – М. : Наука, 1976. – 255 с.

17. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1990в. – 263 с.

18. Вальгамова, С. И. Глагольное словообразование в хантыйском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Светлана Ивановна Вальгамова. – Новосибирск, 2003. – 220 с.

19. Вахтин, Н. Б. Рефлексив в эскимосском языке / Н. Б. Вахтин // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л., 1981. – С. 266–272.

20. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 251–275.

21. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.

22. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.

23. Головкин, Е. В. Морфологический каузатив в алеутском языке / Е. В. Головкин // Языки народов Севера Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 120–128.

24. Гусев, В. Ю. Типология императива / В. Ю. Гусев. – Москва: Языки славянских культур : ЯСК, 2013. – 334 с.

25. Гусев, В. Ю. Императив и смежные значения / В. Ю. Гусев // Семиотика и информатика. – 2002. – Вып. 37. – С. 173–206.

26. Гусев, В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Валентин Юрьевич Гусев. – М., 2005. – 297 с.

27. Десницкая, А. В. Сравнительное языкознание и история языков / А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1984. – 348 с.

28. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) : ок. 3600 слов / С. И. Вальгамова [и др.] ; под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. – Екатеринбург : Баско, 2011. – 208 с.

29. Диденко, А. В. Категория императива в угорских языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Анастасия Владимировна Диденко. – Томск, 2006. – 171 с.

30. Добрушина, Н. Р. Повелительное наклонение // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч.1. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С.161–210.

31. Добрушина, Н. Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения / Н. Р. Добрушина // Вопросы языкознания. – 2006. – № 2. – С. 28–67.

32. Добрушина, Н. Р. Ирреалис и императив / Н. Р. Добрушина // Типология и теория языка: от описания к объяснению : к 60-летию А. Е. Кибрика. – М., 1999. – С. 371–382.

33. Добрушина, Н. Р. Повелительное наклонение [Электронный ресурс] / Н. Р. Добрушина // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – На правах рукописи. – 2014. – URL: <http://rusgram.ru> (30.09.2017). – Загл. с экрана.

34. Енов, В. Е. Подарок менква. Сборник сказок. – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2014. – 72 с.

35. Енов, В. Е. Подарок менква (Менг ики мойлопса): ханты моньчат / В. Е. Енов. – Тюмень : Тюм. изд. дом, 2014. – 39 с.

36. Животиков, Л. К. Очерк грамматики хантыйского языка: среднеобской диалект / Л. К. Животиков ; под ред. Ю. Н. Русской. – Ханты–Мансийск, 1942. – 118 с.

37. Зайцева, Н. Г. Вепский глагол: сравнительно-сопоставительное исследование / Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск : Периодика, 2002. – 286 с.

38. Изотов, А. И. Интерпретация текста и его грамматических моделей (типологический аспект) : монография / А. И. Изотов [и др.]. – М. : МГОУ, 2013. – 240 с.

39. Изотов, А. И. Функционально–семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.03 / Андрей Иванович Изотов. – М., 2007. – 26 с.

40. Изотов, А. И. Чешский императив и императивность / А. И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. – М., 2005. – Вып. 31. – С. 165–168.

41. Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: дисс. ... д-ра филол. н.: 10.02.01 / Вера Евгеньевна Иосифова. – М., 2011б. 450 с.

42. Иосифова, В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Вера Евгеньевна Иосифова. – М., 2011а. – 34 с.

43. Казакова, А. С. Кумыкский императив в функционально-семантическом освещении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Аида Сатгыевна Казакова. – Махачкала, 2003. – 136 с.

44. Каксин, А. Д. Глагольное словообразование в хантыйском языке как система / А. Д. Каксин // *Linguistica Uralica*. – 2001. – № 1. – С. 23–29.

45. Каксин, А. Д. Казымский диалект хантыйского языка / А. Д. Каксин. – Ханты–Мансийск : Полиграфист, 2007. – 134 с.

46. Каксин, А. Д. Категория наклонения в хантыйском языке (формы и функции) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Д. Каксин. – Новосибирск, 1994. – 127 с.

47. Каксин, А. Д. Категория наклонения–времени в западных диалектах хантыйского языка / А. Д. Каксин. – Томск : Изд–во Том. ун–та, 2000. – 122 с.

48. Каксин, А. Д. Категория наклонения–времени в хантыйском языке / А. Д. Каксин // Узловые проблемы современного финно-угроведения : материалы I Всерос. науч. конф. Финно-угроведов (Йошкар-Ола, 14–18 нояб. 1994 г.). – Йошкар-Ола, 1995. – С. 325–327.

49. Каксин, А. Д. Модальность и средства ее выражения в хантыйском языке / А. Д. Каксин. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. – 328 с.

50. Каксин, А. Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.02 / А. Д. Каксин. – Саранск, 2011. – 51 с.

51. Каксин, А. Д. Наклонения в хантыйском языке (модальные и эпистемологические) / А. Д. Каксин // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. – Piliscsba, 2010. – Ps II. Summaria acroasium in sectionibus. – S. 162–163.

52. Калинина, Л. И. Материалы по хантыйскому языку (васюганский диалект) / Л. И. Калинина // Языки и топонимия Сибири – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1966. – Т. V.

53. Корди, Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е. Е. Корди. – Л. : Наука, 1988. – 168 с.

54. Корди, Е. Е. Оптатив и императив во французском языке / Е. Е. Корди. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 220 с.

55. Кошкарева, Н. Б. Рабочая тетрадь к семинарским занятиям по курсу «Современный русский язык (синтаксис сложного предложения)» : учеб.–метод. пособие / Н. Б. Кошкарева. – Новосибирск : НГУ, 2011. – 138 с.

56. Кошкарева, Н. Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. – Новосибирск, 2005. – С. 169–195.

57. Кошкарева, Н. Б. Хӑнты ясаӑн путӑртлӑв = Поговорим по-хантыйски / Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2004. – 282 с.

58. Крекич, Й. Побудительные перформативные высказывания / Й. Крекич. – Szeged : JGYTF Kiado, 1993. – 241 с.

59. Кузнецова, А. И. Очерки по селькупскому языку / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. – М. : МГУ, 1980. – 411 с.

60. Лапина, М. А. Этика и этикет хантов / М. А. Лапина. – Томск : ТГУ, 1998. – 115 с.

61. Лельхова, Ф. М. Структурно-семантические типы словосочетаний в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) / Ф. М. Лельхова ; под ред. В. Н. Соловар. – Ханты-Мансийск : Доминус, 2011. – 129 с.

62. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – 685 с.

63. Лыскова, Н. А. Посессив как глубинный падеж / Н. А. Лыскова // Финно-угроведение. – 1998. – № 1. – С. 12–24.

64. Лыскова, Н. А. Семантика лично-числовых форм имени и глагола в обско-угорских языках / Н. А. Лыскова, Л. В. Лысков // Вестник Югорского государственного университета. – 2006. – Вып. 2. – С. 80–86.

65. Лыскова, Н. А. Семантика падежа в обско-угорских языках / Н. А. Лыскова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 248 с.

66. Лыскова, Н. А. Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках (семантический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.07 / Нина Алексеевна Лыскова. – Йошкар-Ола, 1997а. – 45 с.

67. Лыскова, Н. А. Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках (семантический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.07 / Нина Алексеевна Лыскова. – СПб., 1997б. – 313 с.

68. Лыткин, В. И. Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки / В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. – М. : Наука, 1976. – 464 с.

69. Майтинская, К. Е. Венгерский язык. Ч. 2. Грамматическое словообразование / К. Е. Майтинская. – М. : АН СССР, 1959. – 227 с.

70. Майтинская, К. Е. Венгерский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. Морфология / К. Е. Майтинская. – М. : АН СССР, 1955. – 304 с.

71. Майтинская, К. Е. Обско-угорские языки / К. Е. Майтинская // Языки народов СССР. – М., 1966. – Т. 3 : Финно-угорские языки. – С. 316–318.

72. Маслова, А. Ю. Коммуникативно–семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Алина Юрьевна Маслова. – СПб., 2009. – 40 с.

73. Маслова, А. Ю. Средства выражения категории побудительного значения в сербо-хорватском языке в сопоставлении с русским : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Алина Юрьевна Маслова. – СПб., 1998. – 22 с.

74. Могутаев, М. К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект) / М. К. Могутаев. – Томск : ТГПУ, 1996. – 348 с.

75. Молданова, И. М. Словообразовательные модели хантыйского глагола: семантика и функционирование (на материале казымского диалекта): дис. ... канд. филол. наук. Ханты-Мансийск, 2020. – 243 с.

76. Молданова, С. П. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский : ок. 4000 слов : пособие для учащихся нач. шк. (казым. диалект) / С. П. Молданова, Е. А. Немысова, В. Н. Ремезанова. – 2-е изд., перераб. – Л. : Просвещение, 1988. – 270 с.

77. Нахрачева, Г. Л. Семантика и функционирование глаголов деструктивного действия в хантыйском языке (на материале шурьшкарского диалекта) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Галина Леонидовна Нахрачева. – Ханты-Мансийск, 2014. – 166 с.

78. Нгуен, Т. М. Аспекты функциональной морфологии: функционально–семантическая категория побудительности в русском и вьетнамском языках : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Туэт Минь Нгуен. – М., 2000. – 56 с.

79. Немысова, Е. А. Словообразование глаголов усть-казымского говора / Е. А. Немысова // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1965. – Вып. 269. – С. 247–256.

80. Николаева, И. А. Обдорский диалект хантыйского языка / И. А. Николаева. – М. ; Гамбург : [б. и.], 1995. – 256 с.

81. Онина, С. В. Лексика хантыйского языка и принципы ее описания / С. В. Онина. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2014. – 208 с.

82. Онина, С. В. О некоторых функциях местоимения лув 'он, она' в хантыйском языке / С. В. Онина // Материалы III Югорских чтений / под ред. Н. В. Лукиной. – Томск, 2001. – С. 140–145.

83. Осипова, О. А. Проект учебно-методического пособия «Язык и культура васюганских ханты» / О. А. Осипова, А. А. Ким // Междисциплинарное изучение этносов Сибири : сб. науч. тр. – Томск, 2001а. – С. 107–113.

84. Осипова, О. А. Суффиксы залогового и видового значения в васюганском диалекте хантыйского языка / О. А. Осипова, Н. Н. Шаламова // *Linguistica Uralica*. – 2001б. – Т. 37. – С. 34–36.

85. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 22–129.

86. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.

87. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 609 с.

88. Падучева, Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке / Е. В. Падучева // русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 52–79.

89. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1974. – 171 с.

90. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. – 3-е изд. – М. : Либроком, 2009. – 296 с.

91. Падучева, Е. В. Семантика вида и точка отсчета. В поисках инварианта видового значения / Е. В. Падучева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1986. – Т. 45, № 5. – С. 413–424.

92. Падучева, Е. В. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 464 с.

93. Падучева, Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 2. – С. 17–42.

94. Пазухин, Р. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма / Р. Пазухин // *Studia Rossica Posnaniensia*. – 1974. – № 6. – Р. 85–95.

95. Папп, Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык / Ф. Папп // *Новое в зарубежной лингвистике*. – 1985. – Вып. 15. – С. 546–553.

96. Патахова, П. Д. Функционально-семантическая категория побудительной модальности в аварском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Патимат Джабраиловна Патахова. – Махачкала, 2005. – 157 с.

97. Пихлак, А. И. Аспектуальность в эстонском языке (в сопоставлении с русским) / А. И. Пихлак // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. – Тарту, 1978. – Вып. 439. – С. 24–42.

98. Плунгян, В. А. Общая морфология / В. А. Плунгян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 383 с.

99. Плунгян, В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие / В. А. Плунгян. – М. : РГГУ, 2011. – 672 с.

100. Подлеская, В. И. Пермиссив и гортатив: данные русского дискурса в типологическом контексте [Электронный ресурс] / В. И. Подлеская. – Электрон. текстовые дан. // Институт лингвистических исследований РАН : [сайт]. – М., 2003. – URL: http://iling.spb.ru/typo/materials/gc03pdf/podlesskaja_spb2003.pdf (15.12.2014). – Загл. с экрана.

101. Подлеская, В. И. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация / В. И. Подлеская // *Типология и теория языка: от описания к объяснению: к 60-летию А. Е. Кибрика*. – М., 1999. – С. 255–273.

102. Покачева, Е. Р., Песикова, А. С. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект) / Е. Р. Покачева, А. С. Песикова. – Ханты–Мансийск: Полиграфист, 2006. – 124 с.

103. Рахилина, Е. В. Кондуктор, нажми на тормоза... [Электронный ресурс] / Е. В. Рахилина. – Электрон. текстовые дан. // *Диалог: международная конференция по компьютерной лингвистике* : [сайт]. – М., 2013. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/RakhilinaEV.pdf> (03.09.2015). – Загл. с экрана.

104. Ругин, Р. П. Счастливые деньки на Шум-Югане : кн. для дополнит. чтения в 3–4 кл. хант. шк. : (шурышкар. диалект) / Р. П. Ругин. – Л. : Просвещение, 1990а. – 159 с.

105. Ругин, Р. П. Шум ехан сюнянг хатлат / Р. П. Ругин. – Л. : Просвещение, 1990б. – [б. с.]

106. Русская, Ю. Н. Самоучитель хантыйского языка / Ю. Н. Русская. – Л. : Учпедгиз, 1961. – 256 с.

107. Рябчикова, З. С. Соматическая лексика в системе хантыйского языка / З. С. Рябчикова // Вестник Югорского государственного университета. – 2006. – Вып. 2. – С. 104–107.

108. Сельдюкова, А. Т. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект) / А. Т. Сельдюкова. – М. ; Калуга : Эйдос, 2011. – 276 с.

109. Сенгепов, А. М. Хантыйский язык : учеб. для учащихся пед. училищ / А. М. Сенгепов, С. П. Молданова, Е. А. Немысова. – Л. : Просвещение, 1988. – 224 с.

110. Серебренников, Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1967. – 264 с.

111. Серебренников, Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Б. А. Серебренников. – М. : АН СССР, 1960. – 300 с.

112. Сказки народа ханты: Хāнти ёх моньшат: Книга для чтения в младших и средних классах (казымский диалект) / сост. Е. Е. Ковган, Н. Б. Кошкарёва, В. Н. Соловар; под ред. Е. А. Немысовой, Е. К. Скрибник. – СПб.: Алфавит, 1995. – 143 с.

113. Скамейко, Р. Р. Словарь хантыско-русский и русско-хантыйский : ок. 4000 слов : пособие для учащихся нач. шк. (шурышк. диалект) / Р. Р. Скамейко, З. И. Сязи. – 2-е изд., дораб. – СПб. : Просвещение, 1992. – 271 с.

114. Слепенкова, Р. К. Арем-моньцем ел ки манл = Если моя песня-сказка дальше пойдет : фольклор. творчество Евдокии Егоровны Молдановой из д. Ванзеват / Р. К. Слепенкова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2003. – 220 с. – (Живое слово ; вып. 2).

115. Слесарева, И. П. Употребление императива в переносном значении / И. П. Слесарева // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный : учеб. пособие / под ред. А. В. Величко. – 2-е изд. – М., 2004. – С. 743–759.

116. Соловар, В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. – Ханты-Мансийск; Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 348 с.

117. Соловар, В. Н., Черемисина, М. И. Выражение отрицания в хантыйском языке // *Linguistica Uralica* 1. 30; 1994. – С. 35–46.

118. Соловар, В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) / В. Н. Соловар. – Новосибирск : Любава, 2009. – 264 с.

119. Талигина А.Р., Соловар, В. Н. Семантика и функционирование частиц в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалекта) // *Вестник угроведения. Ханты-Мансийск*, 2014. –Т.4. –№1. –С. 63–87.

120. Татевосов, С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события / С. Г. Татевосов. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 368 с.

121. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр., вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

122. Терешкин, Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект / Н. И. Терешкин. – М. ; Л. : АН СССР, 1961. – 204 с.

123. Терешкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин ; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, 1981. – 544 с.

124. Терешкин, Н. И. Хантыйский язык / Н. И. Терешкин // *Языки народов СССР*. – М., 1966. – Т. 3 : Финно-угорские и самодийские языки. – С. 319–342.

125. Терещенко, Н. М. Нганасанский язык / Н. М. Терещенко. – Л. : Наука, 1979. – 322 с.

126. Терещенко, Н. М. Способы выражения прямого дополнения в ненецком языке в связи с характером объекта / Н. М. Терещенко // *Congressus internationalis Fenno-ugristarum* (Budapest, 20–24 szept. 1960). – Budapest, 1963. – С. 263–268.

127. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. – М. : РГГУ, 2001. – 798 с.

128. Типология императивных конструкций / под ред. В. С. Храковского, Л. А. Бирюлина. – СПб. : Наука, 1992. – 301 с.

129. Фильченко, А. Ю. Инфинитные глагольные формы в системе васюганского диалекта хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Фильченко Андрей Юрьевич. – Йошкар-Ола, 2002. – 177 с.

130. Функционально–типологические аспекты анализа императива : докл. конф. (Л., окт. 1988 г.) : в 2 ч. / под ред.: Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский. – М. ; Л. : Ленингр. отд-ние ин-та языкознания, 1990.

131. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду. – М. : Прогресс, 1985. – 431 с.

132. Хелимский, Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация) / Е. А. Хелимский. – М. : Наука, 1982. – 162 с.

133. Холодович, А. А. Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив / А. А. Холодович. – Л. : Наука, 1969. – [б. с.].

134. Хонти, Л. О связях уральских и алтайских языков / Л. Хонти // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск, 1985. – С. 159–172.

135. Хонти, Л. Хантыйский язык / Л. Хонти // Языки мира. Уральские языки. – М., 1993. – С. 301–319.

136. Храковский, В. С., Бирюлин Л. А. Повелительные предложения. Проблемы теории // В. С. Храковский (ред.) Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. – С.5–50.

137. Храковский, В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. // ТИК 1989. Типология итеративных конструкций / под ред. В. С. Храковского. – Л.: Просвещение, 1989. – 224 с.

138. Храковский, В. С. Диатеза и референтность / В. С. Храковский // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л., 1981. – С. 5–38.

139. Храковский, В. С. Кратность. Фазовость / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 124–179.

140. Храковский, В. С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений / В. С. Храковский // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1980. – Вып. 537. – С. 3–12.

141. Храковский, В. С. Повелительность / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 185–231.

142. Храковский, В. С. Семантика и типология императива: русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – Л. : Наука, 1986. – 272 с.

143. Храковский, В. С. Семантика и типология императива: русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 272 с.

144. Цыпанов, Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке / Е. А. Цыпанов ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Сыктывкар : УрО РАН, 2005. – 284 с.

145. Цыпанов, Е. А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция / Е. А. Цыпанов ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. – Екатеринбург : УрО РАН, 1997. – 212 с.

146. Чейф, У. Значение и структура языка / У. Чейф ; пер. с англ. Г. С. Щура. – М. : Прогресс, 1975. – 423 с.

147. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Н. Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 282 с.

148. Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка за 100 лет / М. Чепреги // Языки и культура народов ханты и манси : материалы междунар. конф., посвящ. 10-летию Науч.-исслед. ин-та обско-угор. народов (Ханты-Мансийск, 27–30 нояб. 2001 г.). – Томск : Изд-во Том. Ун-та, 2004. – Ч. 2 : Филология. – С. 104–114.

149. Чепреги, М. Сургутский диалект хантыйского языка / М. Чепреги; пер. с венг. Т. А. Ефремовой; отв. ред. А.С. Песикова. – Ханты-Мансийск, 2017. – 276 с.

150. Черемисина, М. И. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем / М. И. Черемисина, В. Н. Соловар // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. – Новосибирск, 1991а. – С. 66–82.

151. Черемисина, М. И. Предложение в хантыйском языке : метод. указания и лаб. работы к курсу «Общ. языкознание» / М. И. Черемисина, В. Н. Соловар. – Новосибирск : НГУ, 1990. – 88 с.

152. Черемисина, М. И. Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке : метод. указания и лаб. работы к курсу «Общ. языкознание» / М. И. Черемисина, Н. Б. Кошкарева. – Новосибирск : НГУ, 1991б. – 95 с.

153. Черемисина, М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем / М. И. Черемисина. – Новосибирск : Наука, 2004. – 896 с.

154. Черемисина, М. И. Хантыйский глагол : метод. указания и лаб. работы к курсу «Общ. языкознание» / М. И. Черемисина, Е. В. Ковган. – Новосибирск : НГУ, 1989. – 51 с.

155. Шал, Э. Фонетика обско-угорских языков / Э. Шал // Основы финно-угорского языкознания: марийский, пермские и угорские языки. – М. : Наука, 1967. – С. 253–276.

156. Шаламова, Н. Н. Выражение способов действия в вах-ва-сюганском диалекте хантыйского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Надежда Николаевна Шаламова. – Томск, 2001. – 149 с.

157. Шаламова, Н. Н. Выражение способов действия в вах-ва-сюганском диалекте хантыйского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Надежда Николаевна Шаламова. – Йошкар-Ола, 2001. – 20 с.

158. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Елена Владимировна Шелестюк. – Челябинск, 2009. – 299 с.

159. Шелякин, М. А. Категория вида и способы действия русского глагола: теоретические основы / М. А. Шелякин. – Таллинн : Валгус, 1983. – 216 с.

160. Шелякин, М. А. Употребление вида в повелительном наклонении русского языка / М. А. Шелякин // Fremdsprachenunterricht. – 1969. – № 9. – С. 374–380.

161. Шепелева, Н. М. Побудительная модальность и способы ее выражения в современном эрзянском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Наталия Михайловна Шепелева. – Саранск, 2005. – 161 с.
162. Шипош, М. Хантыйский язык / М. Шипош // Сородичи по языку. – Будапешт, 2000. – С. 339–344.
163. Шиянова, А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) : монография. – Тюмень: Формат, 2015. – 156 с.
164. Шиянова, А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Анастасия Антоновна Шиянова. – Ханты-Мансийск, 2012. – 180 с.
165. Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шлуинский Андрей Болеславович. – Москва, 2005. – 372 с.
166. Штейниц, В. Хантыйский (остяцкий) язык / В. Штейниц // *Ostjakologische Arbeiten*. – Budapest, 1980. – Bd. 4 : Beiträge zur sprachwissenschaft und ethnographie. – С. 5–62.
167. Штейниц, В. К. Хантыйский (остяцкий) язык / В. К. Штейниц // Языки и письменность народов Севера. – Л., 1937. – С. 193–227.
168. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол) / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1981. – 184 с.
169. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. – СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1890–1907.
170. Ядобчева–Дресвянина, В. Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Валентина Яковлевна Ядобчева–Дресвянина. – СПб., 2004а. – 19 с.
171. Ядобчева–Дресвянина, В. Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Валентина Яковлевна Ядобчева–Дресвянина. – СПб., 2004б. – 189 с.

172. Яхонтов, С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» / С. Е. Яхонтов // Советская этнография. – 1970. – № 2. – С. 110–120.

173. Ahlqvist, A. Über die Sprache der Nord-Ostjaken / A. Ahlqvist. – Helsingfors : Finnische Literaturgesellschaft, 1880. – 210 s.

174. Aikhenvald, A. Imperatives and Commands / A. Aikhenvald. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 500 s.

175. Alcázar, A. The Syntax of Imperatives / A. Alcázar. – Cambridge University Press, 2014. – 221 s.

176. Brusila, H. Imperatiivit keinona osoittaa puhujia ja vastaanottajia Maija Vilkkumaan sanoituksissa : Pro gradu – tutkielma / H. Brusila. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2012. – 71 s.

177. Csepregi, M. Szurguti osztják chrestomathia / M. Csepregi. – Szeged : JATE Finnugor Tanszék, 2011. – 146 s. – (Studia Uralo-Altaica Supplementum ; 6).

178. Dobrushina, N. Inclusive imperative / N. Dobrushina, V. Goussew // Clusivity: Typology and Case Studies of Inclusive–Exclusive Distinction. – Amsterdam ; Philadelphia, 2005. – P. 189–221. – (Typological Studies in Language ; Vol. 63).

179. Englebert, A. Mange: L’impératif français, du mythe à réalité / A. Englebert. – Bruxelles : Éditions de l’Université de Bruxelles, 2010. – 158 s.

180. Filchenko, A. Yu. Aspects of the Grammar of Eastern Khanty / A. Yu. Filchenko. – Tomsk: TSPU–Press, 2008. – 551 p.

181. Frota, S. Intonation in Romance / S. Frota, P. Prieto. – Oxford University Press, 2015. – 458 p.

182. Ganschow, G. Die Verbalbildung im Ostjakischen / G. Ganschow. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1965. – 152 s.

183. Gulya, J. Eastern Ostyak chrestomathy / J. Gulya. – Bloomington : Indiana University, 1966. – 207 s.

184. Härtsiä, H. Naistenlehdén imperatiivit, lukijapaikka ja tekstilaji : Pro gradu – tutkielma / H. Härtsiä. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2013. – 92 s.

185. Helasvuo, M.–L. Direktiivisyyden rajankäyntiä. Lauranto, Yrjö: Direktiivisyyden rajoja. Suomen kielen vaihtokauppasyntaksia. Helsinki: Helsingin yliopisto 2015. 347 s. / M.–L. Helasvuo // Virittäjä. – 2016. – № 2. – S. 304–306. – URL: <http://journal.fi/virittaja/article/view/55500/20400>.

186. Honti, L. Chrestomathia Ostiacica: (osztják nyelvjárásí szöveggyűjtemény nyelvtani vázlattal és történeti magyarázatokkal) / L. Honti. – Budapest : Tankönyv Kiadó, 1984. – 285 p.

187. Honti, L. Die ob–ugrischen Sprachen. V. Die ostjakische Sprache / L. Honti // The Uralic Languages : Description, History and Foreign Influences. – Leiden, 1988. – P. 172–196.

188. Honti, L. Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Wogulischen / L. Honti // Veröffentlichungen der Societas Uralo–Altaica : Materialien des ersten Intern. Symp. zur Dialectologie der uralischen Sprachen (Hamburg, 4–7 Sept. 1984) / Hrsg. von W. Veenker. – Wiesbaden, 1985. – S. 231–250.

189. Honti, L. Nordostjakisches Wörterverzeichnis / L. Honti. – Szeged: Univ. Szegediensis de Attila Jozsef Nominata, 1982. – 211 s. – (Studia Uralo–Altaica ; Vol. 16).

190. Jakab, L. A felszólító módjel kérdéseihöz / L. Jakab. – Debrecen : KLTE, 1964. – 16 s.

191. Jary, M. Imperatives / M. Jary. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 326 s.

192. Järveläinen, P. Opi käyttämään raippaa!: Lukijan ohjailu uuden tyylin ratsastuksenoppaassa : Pro gradu – tutkielma / P. Järveläinen. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2009. – 83 s.

193. Järvisalo, H. Imperatiivi– ja passiivilause direktiiveinä työpaikkakontekstissa Helsingin yliopisto. Suomen kielen, suomalais–ugrialaisten ja pohjoismaisten kielten ja kirjallisuuksien laitos : Suomen kieli, oppiaron myöntänyt laitos. Opinnäyte: Pro gradu – tutkielma / H. Järvisalo. – Helsingin yliopisto, Suomen kielen, suomalais–ugrialaisten ja pohjoismaisten kielten ja kirjallisuuksien laitos, 2016. – 65 s.

194. Kara, F. Északi–osztják határozók / F. Kara. – Budapest : [s. n.], 1911. – 82 p.

195. Karjalainen, K. F. Ostjakisches Wörterbuch. Vol. 1 / K. F. Karjalainen. – Helsinki : Suomalais–Ugrilainen Seura, 1948a. – 560 s. – (Lexica Societatis Fenno–Ugricae ; Vol. 10, T. 1).

196. Karjalainen, K. F. Ostjakisches Wörterbuch. Vol. 2 / K. F. Karjalainen. – Helsinki : Suomalais–ugrilainen Seura, 19486. – 561 s. – (Lexica Societatis Fenno–Ugricae ; Vol. 10, T. 2).

197. Karjalainen, K. F., Vértes, E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten. – Helsinki: Suomalais–Ugrilainen Seura, 1964. – 341s. – (Suomalais–Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 128.).

198. Kaufmann, M. Interpreting Imperatives / M. Kaufmann. – London : Springer Science & Business Media ; New York : Dordrecht, 2012. – 269 s.

199. Kiuru, S. Agricolan imperatiivimuotojen vaihtelu / S. Kiuru // Palavasta rakkaudesta äidinkieleen : Silva Kiurun tutkimuksia suomen kirjakielen historiasta. – 2009. S. 84–101.

200. Ladefoged, P. A Course in Phonetics (fifth edition) / P. Ladefoged. – Boston: Thomson / Wadsworth, 2006. – 310 p.

201. Lauranto, Y. Direktiivisyyden rajoja : suomen kielen vaihtokauppasyntaksia (väitöskirja) / Y. Lauranto. – Helsinki : University of Helsinki, 2015. – 277 s.

202. Lauranto, Y. Direktiivisyyden rajoja suomen kielen vaihtokauppasyntaksia : Väitöskirja / Y. Lauranto. – Esitetään Helsingin yliopiston humanistisen tiedekunnan suostumuksella julkisesti tarkastettavaksi. – Helsinki, 2015. – 70 s. – URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/154288/direktii.pdf?sequence=1>.

203. Lauranto, Y. Imperatiivi, käsky, direktiivi : arkikeskustelun vaihtokauppakielioppia / Y. Lauranto. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. – 198 s.

204. Lauranto, Y. Optatiivirakenne ja direktiiviksi kieliopillistuminen / Y. Lauranto // Puhe ja kieli. – 2012. – № 32:4. – S. 183–216. – URL: <http://journal.fi/pk/article/view/7622/5898>.

205. Lauranto, Y. Suomen kielen imperatiivi – yksi paradigma, kaksi systeemiä / Y. Lauranto // Virittäjä. – 2013. – № 2. – S. 156–200. – URL: <http://journal.fi/virittaja/article/view/8312/6285>.

206. Löcsei, A. Északi–vogul mondattani kérdések / A. Löcsei // Nyelvtudományi Közlemények. 47. – Budapest, 1930. – L. 301–364.

207. Metslang, H. Imperatiivist ja direktiivsusest ning nende dün-aamikast eesti ja soome keeles / H. Metslang // Lähivertailuja 16 : Soome–eesti kontrastiivseminar. – 2006. – S. 111–134.

208. Mielikäinen, A. Olkoot, hoitakoovat ite! Kolmannen persoonan imperatiivi / A. Mielikäinen // Kielikello : Kielenhuollon tiedotuslehti 4. – 2008. S. 13–16.

209. Miestamo, M. Negative Declaratives and Negative Imperatives: Similarities and Differences / M. Miestamo, J. van der Auwera // *Linguistics Festival*. – 2007. Pp. 59–77.

210. Onina, Sz. Szinjai hanti társalgási szótár (nyelvtani vázlattal és szójegyzékkel) / Sz. Onina. – Budapest : ELTE Finnugor Tanszek, 2009. – 87 p. – (Budapesti finnugor füzetek ; Vol. 20).

211. Paasonen, H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan / H. Paasonen. – Helsingfors : Societe Finno-Ougrienne, 1926. – 334 s.

212. Pakka, H. Uudistu tai kuole!: Eräs rinnastuskonstruktio ja sen monet tehtävät : Pro gradu – tutkielma / H. Pakka. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2009. – 74 s.

213. Pápay, J. Északi–osztják nyelv tanulmányok / J. Pápay. – Budapest : [s. n.], 1962. – 33 p.

214. Pápay, J. Ostjakische Heldenlieder = [Остяцкий героический эпос] : Aus József Pápay's Nachlass : на нем. яз. / J. Pápay. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1972. – 503 s. – (Pápay–Bibliothek ; 1).

215. Plungian, A. V. Irrealis and modality in Russian and in typological perspective / A. V. Plungian // *Modality in Slavonic languages: New perspectives*. – München : Sagner, 2005. – P. 187–198.

216. Radanovics, K. Északi–osztják nyelv tan / K. Radanovics. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1961. – 44 s. – (Nyelvtudományi értekezések ; Vol. 31).

217. Rédei, K. A felszólító módjel eredete a magyarban / K. Rédei. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1977.

218. Rédei, K. Nord–ostjakische Texte (Kazym–Dialekt) mit Skizze der Grammatik / K. Rédei. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. – 139 s.

219. Rédei, K. Northern Ostyak Chrestomathy / K. Rédei. – Bloomington ; The Hague : Indiana University : Mouton & Co, 1965. – 132 p. – (Indiana University Publications Uralic and Altaic Series ; Vol. 47).

220. Rédei, K. Uralisches etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1988. – Bd. 1–2.

221. Rouhikoski, A. Laita, laitatko vai laitat? Kolmen direktiivirakenteen variaatio asiakaspalvelutilanteessa / A. Rouhikoski // *Virittäjä*. – 2015. – № 2. – S. 189–222. – URL: <http://journal.fi/virittaja/article/view/41518/15874>.

222. Salo, M. *Passive and Reflexive Categories in Languages of the Volga Region: An Areal Typological Study* / M. Salo. – Helsinki : Univ. of Helsinki, 2015. – 240 s.

223. Steinitz, W. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 2. Zur Ostjakischen und wogulischen Volksdichtung, Der Versbau der ostjakischen (und wogulischen) Lieder* / W. Steinitz. – Stockholm : [s. n.], 1940. – 208 s. – (Õpetatud Eesti Seltsi toimetused ; 31).

224. Steinitz, W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache = Дialeктологический и этимологический словарь хантыйского языка* / W. Steinitz. – Berlin, 1966. – S. 229–1120.

225. Steinitz, W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache* / W. Steinitz. – Berlin : Akademie-Verlag, 1966–1993. – Vol. 1–15.

226. Steinitz, W. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 1. Grammatische Einleitungen und Texte mit Übersetzungen* / W. Steinitz. – Tartu : [s. n.] , 1939. – 460 s. – (Õpetatud Eesti Seltsi toimetused ; 31).

227. Steinitz, W. *Zu den samojedischen Lehnwörtern im Ob-Ugrischen* / W. Steinitz // *Ural-Altäische Jahrbucher*. – Wiesbaden, 1959. – Bd. 31. – S. 426–453.

228. Steinitz, W. *Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis* / W. Steinitz. – Leipzig : Otto Harrassowitz. – 1950. – 169 s.

229. Sundberg, P. *Näe unta silmät auki: Imperatiivin puhefunktiot ja lupaus matkailumainonnassa: Pro gradu – tutkielma* / P. Sundberg. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 2008. – 70 s.

230. Tolvanen, E. *Lukijan suora puhuttelu suomalaisissa ja ruotsinsuomalaisissa viranomaisksteissä* / E. Tolvanen // *Virittäjä*. – 2016. – № 1. – S. 5–29. – URL: <http://journal.fi/virittaja/article/view/49565/18472>.

231. Wágner-Nagy, Beáta. *On the typology of negation in Ob-Ugric and Samoedic languages : monograph* / Beata Wagner-Nagy. – Helsinki : Soc. finno-ougrienne, 2011. – 336 p.

232. Wurff, W. van der. *Imperative Clauses in Generative Grammar: Studies in Honour of Frits Beukema* / W. van der Wurff. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Pub, 2007. – 352 s.

Приложение 1. Список сокращений

1	1-е лицо	Pers	показатель лица
2	2-е лицо	Pl	множественное число
3	3-е лицо	Poss	посессив
Abl	аблатив (исходный падеж)	Postp	послелог
Acc	аккузатив (винительный падеж)	Praes	настоящее время
Adj	прилагательное	Praet	прошедшее время
Appr	апроксиматив (общенаправительный падеж)	Pred	предикатив
Carit	каритив (лишительный аффикс)	Prev	превентив
Com	комитатив (совместный падеж)	Proh	прохибитив
Comp	компаратив (аффикс сравнительной степени)	Pron	местоимение
Conj	конъюнктив	Prvb	преверб
Conv	деепричастие	Ptcl	частица
Caus	каузатив	Refl	рефлексив
Dat	дательный падеж	S	субъект
Dim	диминутив (уменьшительный аффикс)	Sg	единственное число
Du	двойственное число	Subj	субъектное спряжение
Fut	будущее время	Transl	транслатив (превратительный падеж)
Imp	императив; повелительное наклонение	V	глагол
Ind	индикатив	Voc	вокатив
Inf	инфинитив	вах.	ваховский диалект хантыйского языка
Ins	инструменталис (творительный падеж)	венг.	венгерский
Iter	итератив	дв.	двойственный (о числе)
Carit	каритив (лишительный аффикс)	ед.	единственный (о числе)
Lat	латив (дательно-направительный падеж)	ИФ	иллокутивная функция
Loc	локатив (местно-творительный падеж)	каз.	казымский диалект хантыйского языка
Mom	моментальный аффикс	л.	лицо
Mult	мультипликатив	манс.	мансийский язык
Neg	отрицание	мн.	множественный (о числе)
Num	показатель числа	обд.	обдорский диалект хантыйского языка
O	объект; дополнение	рус.	русский
Obj	объектное спряжение	сург.	сургутский диалект хантыйского языка
Part	причастие	фин.	финский
Pass	пассив	ч.	число
		хант.	хантыйский язык
		шур.	шурьшкарский диалект хантыйского языка
		юг.	юганский диалект хантыйского языка

Приложение 2. Список текстовых источников и их условные обозначения

1. *Альвы 2005*: Ал'вы. / сост. и перев. Л.Е. Куниной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 144 с.
2. *БАС 2004*: Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М., СПб. : Наука, 2004.
3. *ДСХЯШП 2011*: Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2011. – 208 с.
4. *Енов 2014*: Енов В. Е. Подарок менква (Менг ики мойлопса): ханты моньщат. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2014. – 39 с.
5. *Лонгортова 2011*: Лонгортова В. П. «Щўньэм – Щя́ња йǒхан» «Мое вдохновение Сыня река» / Лонгортова В. П. Салехард: ГУП ЯНАО «Изд-во Красный Север», 2011. – 128 с.
6. *Лонгортова 2017*: Лонгортова З. П. «Ими Хилы» / Лонгортова З. П. Салехард: ГУ «Северное Изд-во», 2017. – 132 с.
7. *Лух Авт*: Лух Авт (Ангальский мыс) : [газ. окр. центра на хант. яз.] / учредитель Департамент внутр. политики Ямало-Ненец. авт. окр. – 2001–2014. гг. – Салехард. – 4 полосы. – Еженед.
8. *Молданов 2012*: Хǎнты путэр: книга для дополнительного чтения по хантыйскому фольклору для 5-9 классов средней школы. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. – 188 с.
9. *ОФУЯ 1976*: Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей. – М. : Наука, 1975. – 347 с.
10. *Песикова 2010*: А. С. Песикова – А. Н. Волкова: Книга для чтения (сургутский диалект): 4 класс. – Ханты-Мансийск, 2010.
11. *Пятникова 2016*: Сказки, песни хантов полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. – Ханты-Мансийск: Ижевск : Принт-2, 2016. – 344 с.
12. *Рачинская 2011*: Рачинская, М. А. Словарь образных слов и выражений хантыйского языка (казымский и шурышкарский диалекты) / М. А. Рачинская, З. С. Рябчикова. – СПб. : Алмаз-Граф, 2011. – 80 с.
13. *Скамейко, Сязи 1992*: Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурышкарский диалект). СПб., 1992. – 271 с.

14. *СНХ 1995*: Сказки народа ханты: Х̄анти ёх моньшат: Книга для чтения в младших и средних классах (казымский диалект) / Сост. Е. Е. Ковган, Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар; под ред. Е. А. Немысовой, Е. К. Скрибник. – СПб.: Алфавит, 1995. – 143 с.
15. *Соловар 2006*: Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. – СПб.: Мирал, 2006. – 336 с.
16. *Соловар 2014*: Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООР «Формат», 2014. – 386 с.
17. *Тарлин 2012*: Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / пер. с ханты языка П. Т. Тарлина. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. – 132 с.
18. *Терешкин 1961*: Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч.1. Ваховский диалект. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 204 с.
19. *Терешкин 1981*: Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л.: Наука, 1981. – 544 с.
20. *Терешкин, Сподина 1997*: Терешкин Н. И., Сподина В. И. Хантыйско-русский русско-хантыйский словарь (ваховский диалект). – Нижневартовск, 1997. – 178 с.
21. *ТСРЯ 1935–1940*: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1935 – 1940.
22. *Чепреги 2017*: Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник /авт.-сост. Марта Чепреги; под ред. А. С. Песиковой; пер. на русский язык: Т. А. Ефремова, А. С. Песикова. – Тюмень: Формат, 2015. – 118 с.
23. *Pápay 1963*: Osztyak (chanti) hösénekek. Reguli A. és Pápay J. hagyatéka. III. Kötet (1 füzet). Zsirai M. hagyatékából. Közzéteszi Fokos Dávid. Budapest: Akadémiai kiadó. 1963. – 170 S.
24. *Pápay 1972*: Ostjakische Heldenlieder aus József Pápay's Nachlass. Herausgegeben von Istvan Erdélyi. Budapest: Akadémiai kiadó. – 1972. – 503 S.
25. *Rédei 1968*: Rédei K. Nord-ostjakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skisse der Grammatik. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1968. – 139 S.
26. *Reguly 1944*: Reguly, A. Ostjak hösénekek : in 3 vol. / A. Reguly, J. Papay. – Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1944–1965. – Vol. 1-3. – 488 s.

27. *Reguly 1965*: Reguly, P. Osztyák (chanti) hoséneke. Reguly A. es Pápay J. hagyatéka. III. Kötet (2. fuzet). Zsirai M. hagyatékának felhasználásával kozzétési Fokos Dávid / P. Reguly. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1965. – 416 s.

28. *Steinitz 1975*: Steinitz, W. Ostjakologische Arbeiten. In 4 Bd. – Bd. 1. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten texte / W. Steinitz. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1975. – 468 s.

29. *Steinitz 1976*: Steinitz, W. Ostjakologische Arbeiten. In 4 Bd. Bd. 2. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten : kommentare / W. Steinitz. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1976. – 320 s.

30. *Steinitz 1989*: Steinitz, W. Ostjakologische Arbeiten. In 4 Bd. Bd. 3. Texte aus dem Nachlass / W. Steinitz. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1989. – 641 s.

31. *Steinitz 1939*: Steinitz, W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. T. 1. Grammatische Einleitungen und Texte mit Übersetzungen / W. Steinitz. – Tartu : [s. n.], 1939. – 460 s. – (Õpetatud Eesti Seltsi toimetused ; 31).

Приложение 3. Список информантов и экспертов

- А. А. Н. Ачимов Андрей Николаевич, 1961 г. р. (сургутский диалект)
- А. М. Д. Ачимова Маргарита Дмитриевна, 1963 г. р. (сургутский диалект)
- А. Н. А. Ачимова Наталья Андреевна, 1989 г. р. (сургутский диалект)
- К. А. Д. Каксин Андрей Данилович, 1963 г. р. (казымский диалект)
- К. Л. Н. Каюкова Людмила Николаевна, 1987 г. р.
К. Л. Н. (сургутский диалект)
Кунина Любовь Егоровна, 1961 г. р. (ваховский диалект)
- К. А. В. Куртямов Артем Валерьевич, 1974 г. р. (шурьшкарский диалект)
- К. В. Г. Куртямов Валерий Гаврилович, 1941–2020 (шурьшкарский диалект)
- Л. А. Г. Лонгортова Анна Гавриловна, 1935–2019 (шурьшкарский диалект)
- Л. А. Д. Лонгортова Анастасия Даниловна, 1945 г. р. (шурьшкарский диалект)
- Л. К. С. Лонгортов Константин Семенович, 1943 г. р. (шурьшкарский диалект)
- Л. Ф. М. Лельхова Федосья Макаровна, 1968 г. р. (шурьшкарский диалект)
- М. Е. К. Молданова Евдокия Кузьминична, 1934 г. р. (казымский диалект)
- М. Е. М. Молданова Евгения Михайловна, 1982 г. р. (казымский диалект)
- М. И. М. Молданова Ирина Максимовна, 1983 г. р. (казымский диалект)
- М. Т. А. Молданов Тимофей Алексеевич, 1957 г. р. (казымский диалект)
- П. В. Е. Паньшина Вера Егоровна, 1963 г. р. (ваховский диалект)
- С. В. А. Сандрин Валерий Андреевич, 1965 г. р. (шурьшкарский диалект)

- С. В. Ю. Сигильетов Виталий Юрьевич, 1993 г. р. (ваховский диалект)
 С. Н. В. Сандрина Нелла Владимировна, 1972 г. р. (шурьшкарский диалект)
 Т. И. Д. Талигин Иван Данилович, 1943–1921 (шурьшкарский диалект)
 Т. Я. Н. Гарлин Яков Никифорович, 1967 г. р. (казымский диалект)
 Ш. У. Н. Шульгина Ульяна Николаевна, 1958 г. р. (казымский диалект)

Приложение 4. Текстовые прагматические функции побуждения (сокращенный вариант филологического анализа)

В настоящем разделе представлен пример анализа хантыйских текстов на предмет выявления способов выражения побуждения. Данное изложение не следует считать исчерпывающим. Представляется, что изучение способов выражения побуждения в отдельных текстах заслуживает особого внимания и может быть выполнено в рамках отдельной научно-исследовательской работы.

Текст 1

Urti pa лeχu (Дядя и племянник) [Пятникова 2016: 200–203]

Казымский диалект хантыйского языка; Белоярский р-он; 2003; записала Р.К. Слепенкова, перевод на русский язык Р.К. Слепенкова; информант Б.Н. Русмиленко.

Хантыйский язык	Русский язык
<i>Urti pa лeχu</i>	Дядя и племянник
1.	1.
1. <i>Kāt χu ulləŋəŋ, urtī pa лeχu.</i>	1. Живут двое мужчин, дядя и племянник.
2. <i>Urti unta jāŋχəl, laŋki, woj wel.</i>	2. Дядя охотится, белок, зверей добывает.
3. <i>А лeχujəl joχ piləŋ jāŋχəl, ošəŋ woj ant wel, šiməl mōlti kətəŋ.</i>	3. А племянник с мужчинами ходит [в тайгу], мало [добывает].
4. <i>Imōltijəŋ лeχujəl nōməs ūs.</i>	4. Однажды племянник подумал:
5. - <i>Urtem χōši jaŋ]χləm sar, urtem piləŋ piltašləm unta.</i>	5. - Схожу-ка к дяде, буду на пару с дядей на охоту ходить.
6. <i>Urtel χōši jōχtəs.</i>	6. Пришел к дяде.

7. <i>Urteł jastəs:</i>	7. Дядя говорит:
8. - <i>Ja, mänłəmən, ja[ŋ]χłəmən.</i>	8. – Ну, пойдём, сходим.
9. <i>Xălewət aləŋ mänłəmən.</i>	9. Отправимся завтра утром.
2.	2.
10. <i>Mănsəŋən.</i>	10. Пошли.
11. <i>Unta jəχətəsəŋən, ləpəs χăr wərsəŋən.</i>	11. В тайгу пришли, сделали из лапника лежанку для ночлега.
12. <i>Alŋa urteł ləpəs:</i>	12. Утром дядя говорит:
13. - <i>Năŋ tijelłt măna, tăta unten səχənti tăχija al măna, śăta un ŋəŋəm ul.</i>	13. – Ты иди в ту сторону. Туда, где тайга кончается, не ходи, там есть большое болото.
14. <i>Ŋəŋma ełən, jellli jeməŋ təχet.</i>	14. Выйдешь к болоту, а дальше святые места.
15. <i>Śi mănəs welpəsłəti.</i>	15. Дядя отправился промышленять.
16. <i>Jetən χus kemən tul, lűw jəχətəl – ŋăl-wet laŋki.</i>	16. Вечером дядя приносит около двадцати [белок], а он придет – четыре-пять белок [принесет].
17. <i>Urteł peli śi ləpəl:</i>	17. Говорит дядя:
18. - <i>Tăm iti talti śuśti tōrasa śi jis.</i>	18. – Вот так впустую ходить уже надосело.
19. <i>Kūr weləm χəłati śi pitəs.</i>	19. Мышцы ног устать стали.
20. <i>Năŋ pa a māj χōta śi arat woj welłən?</i>	20. А ты где так много зверей добываешь?
21. <i>Urteł ləpəl:</i>	21. Дядя говорит:
22. - <i>Pa χōti, χəśti mosəl.</i>	22. – А как же, надо уметь.
3.	3.
23. <i>Alŋa nəχ kiləsəŋən.</i>	23. Утром встали.
24. <i>A leχu əłman pŋməs wəŋəs:</i>	24. А племянник, пока спал, наду- мал:
25. - <i>Urtem at mănəl, ma lűw jűpelən śăr mänłəm.</i>	25. – Пусть дядя уйдет, я пойду [следом] за ним.
26. <i>Lesəŋən-ja[n]śsəŋən, in urteł śi śuśməs.</i>	26. Поели, попили. Дядя пошел.
27. <i>Urteł mănəm juśən isi śi mănəs.</i>	27. Отправился по следам дяди.
28. <i>(Śi ewəlłt, urteł i tăm əłəm ləpəs χăr lotəl ewəlłt jəłta təłle.)</i>	28. (Дядю от места ночлега стал по следу вести.)
29. <i>Nemasija təłta mănəl, mănəl, śălta śi jeməŋ al'ti ŋəŋməla nik etəs.</i>	29. [Дядя] специально оттуда пойдет, идет. И потом к болоту выходит, где святое место.
30. <i>Pa peləkən piti əŋ, śij mănəs.</i>	30. На другой стороне темный лес, на это святое место, туда [дядя] направился.
31. <i>Jəłta təłle.</i>	31. Следом идет [племянник].
32. <i>Śi ūŋla jəχtəs, jena, laŋki pa sesi ar.</i>	32. В тот лес пришли, и правда, там белок и ловушек много.
33. <i>Ja, śi śuśiləs, śuśiləs.</i>	33. [Племянник] ходил по тайге.

Семантика и типология прохибитива в хантыйском языке

34. <i>Jǒχli šušti pitās, uertel pila jāχa uftansəŋən, ši jeməŋ ūrlən.</i>	34. Обратно направился, с дядей встретились на святом месте.
35. - <i>Pa nāŋ mǒlχatəl lǒrlən: tāŋ, tāta jeməŋ tāχi.</i>	35. – Так ты вчера мне говорил, что здесь святое место.
36. <i>Nāŋ pa mǒja jā[ŋ]χlən?</i>	36. А ты почему здесь ходишь?
37. <i>Ši jeməŋ ūrlən leχǒjəl šušilās, wetχǒšjan laŋki welās, āntq wet, wetχǒšjan, a urtel pǒχləl tel tewəlməl.</i>	37. Племянник охотился на этом священном месте, добыл пятнадцать белок. А дядя много белок натолкал за пазуху.
4.	4.
38. <i>Šālia jǒχi jǒχətsəŋən, lewman jetən əmāsləŋən, urtel hǒχmās:</i>	38. Пришли домой. Сидят едят, дядя говорит:
39. - <i>Лехǒ, mānem tǒrəm asi partās u[n]t wǒj weltija, a nāŋ, – jastās, – parsajən χǒp, ǒχəl wertija.</i>	39. – Племянник, мне Небесный отец назначил промыслять зверей, а тебе, – говорит, – назначил лодки, сани делать.
40. <i>Ma küš werləm, nāŋ itena ānt χǒšləm.</i>	40. Я хоть и мастерю, но так, как у тебя, у меня не получается.
41. <i>Хǒj mǒj wertī pa χǒšəl, šit werəl.</i>	41. Кто что умеет делать, то и пусть делает.
42. <i>Ma welpəsləti χǒšləm, nāŋ pa pǒrmasət wertī χǒšlən.</i>	42. Я охотиться умею, а ты умешь инвентарь изготавливать.
43. <i>Šimās ǒt wera, ma ānt χǒšləm nāŋ kemena.</i>	43. Так их и делай, я не умею так, как ты.
44. <i>Лехǒjəl hǒχmās:</i>	44. Племянник ответил:
45. - <i>Ši, nǒχ ši wǒškaləm.</i>	45. – Ладно, перестану [охотиться].
46. <i>Ma χǒp werləm, ǒχəl wertī pitləm.</i>	46. Я лодки буду делать, сани буду делать.
47. <i>Tām iti jaŋən-wetχǒšjanəŋ wǒj ākətmən mǒj wer tiwəl.</i>	47. Вот так, по десять-пятнадцать зверей добывая, никуда не годится.
48. <i>A nāŋ jā[ŋ]χlən, χǒlʹmaŋ kemən tǒlən wǒj.</i>	48. А ты на охоту и приносишь по тридцать штук.
49. <i>I šiti ši wersətən.</i>	49. Так и сделали.
50. <i>Лехǒjəl neməlt χǒta ānt jāŋχəl, jǒχ pilən werəntti pitās.</i>	50. Племянник никуда не ходит, стал мастерить из дерева с мужчинами.
51. <i>In tāŋ χātəl unti ǒχəl werman ul.</i>	51. До сегодняшнего дня живет, делает сани.

Как абсолютное большинство фольклорных текстов, текст «Дядя и племянник», имея назидательный характер, прививает адресату надлежащие модели поведения. Последнее означает направленное на адресата косвенное побуждение поступать так, а не иначе. В данном случае посыл сводится к тому, что каждый должен

заниматься своим делом, тем, что ему предназначено свыше. Общая функция текста находит выражение в сюжете и диалогах персонажей (*не всегда вербализуемых*). Очевидно, что **Дядя** (далее в примерах *Д.*) и **Племянник** (далее в примерах *П.*) имеют разные статусы: первый старше, опытнее, мудрее, чем второй. Второй при этом не является антигероем: он неопытен, но не глуп, готов и способен учиться; к концу текста также выясняется, что есть вещи, которые он умеет делать лучше других. В итоге Дядя побуждает Племянника к правильной линии поведения; ту же линию поведения призван усвоить адресат фольклорного текста. Рассмотрим, как сказанное отражается в конкретных высказываниях и *в целом в структуре текста*.

Статусное неравенство персонажей репрезентируется в выборке высказываний, в которых прямо или косвенно выражена **побудительность**: *Племянник*, младший по статусу, *не может вербализовать* свои желания и тем более *побуждать старшего* к чему бы то ни было.

В репликах **Племянника** выражается:

– **самопобуждение** (в рамках автокоммуникации):

1П: *Urtem χōsi ja[ŋ]χλэм sar, urtem pilэн piltaśлэм unta.*

urt-em χōsí ja[ŋ]χ-λ-эм sar
дядя-1Sg Postp ходить-Praes-1Sg Ptcl

urt-em pil-эн piltaś-λ-эм unta
дядя-1Sg Postp-Loc быть_в_паре-Praes-1Sg лес-Lat

‘Схожу-ка я к дяде, буду на пару с дядей!’.

Маркер побудительности – глагол, выражающий самопобуждение в 1 л. ед. ч. с частицей *sar* ‘-ка’; он (1П) это не говорит, а думает: *однажды племянник подумал*.

– **намерение поступить определенным образом**, не высказываемое вслух (он «надумал»), а именно:

2П: *A лехи олман нōмәс wегәс:*

-Urtem at mәнәл, ma lūw jūpelэн sār mәнлэм.

A лехи ол-ман нōмәс wег-әс
но племянник спать-Conv мысль делать-Praet.3Sg

urt-эм at mән-әл, ma
дядя-1Sg Ptcl идти-Praes.3Sg я

lǔw	jǔp-елэн	sār	mǎn-λ-эм
он	Postp-3.Sg	Ptcl	идти-Praes-1Sg

‘Племянник пока спал **надумал**: – Пусть дядя уйдет, я пойду [следом] за ним’.

Конструкция с опосредованным побуждением с «**пусть**» также относится к автокоммуникации. Иными словами, племянник говорит это себе, а не дяде; **дядя** никакого побуждения в свой адрес не слышит, не воспринимает; дядя ничего не слышит.

В речевой партии **дяди** высказываний, содержащих **побудительность**, значительно **больше**; кроме того, все они обращены к другому, реальному адресату. Таким образом, **Дядя**:

– **выражает согласие в ответ на не представленную в тексте, но подразумеваемую просьбу племянника взять его с собой:**

1Д: **Ja ‘ну’** – маркер властных отношений; *mǎnλэтэн, ja[η]χлэтэн* ‘пойдем сходим’ – совместное действие.

Urtel χōsi jōxtas. Urtel jastas:

- Ja, mǎnλэтэн, ja[η]χлэтэн.			
urt-ел	χōsi	jōxt-эс	urt-ел
дядя-3Sg	Postp	прийти-Praet.3Sg	дядя-3Sg

jast-эс:	ja	mǎn-λ-эмэн,	ja[η]χ-λ-эмэн
говорить- Praet.3Sg	Ptcl	идти-Praes.1Du	ходить-Praes1Du

‘Пришел к дяде. Дядя говорит:

– **Ну, пойдём, сходим. ...**’

Как мы уже отметили, если частица *ja* ‘ну’ располагается в позиции и употребляется в акцентирующей функции, то она становится *вводно-междометным компонентом* высказывания, который также характеризуется самостоятельной интонацией (в т. ч. более высокой степенью интенсивности элементов). Сам **Говорящий доминирует** в ситуации и контролирует факторы общения, определяя его направление. Кроме того, частица *ja / ѵа* ‘ну’ в побудительном высказывании выражает противоположное мнение Говорящего: ‘**Говорящий считает, что Слушающий знает, что ему необходимо осуществить действие X**’ [см.: об этом: Глава 1. §2 п. 2.6]. Это очевидно при призыве к совместному действию, в котором выражается побуждение к выполнению действия совместно с Говорящим:

mǎnλэтэн, ja[η]χлэтэн ‘пойдем сходим’:

mǎnλəməŋ	ja[ŋ]χλəməŋ
идти-Praes.1Du	ходить-Praes.1Du

В случае употребления глагола в изъявительной форме, выражающей побуждение, частица в хантыйских диалектах (шур. / сург. / каз. *ja* ‘ну’) вносит в побудительное предложение информацию о том, что Говорящий считает, что Слушающий не знает, что ему нужно осуществить действие X. Приведенное междометие выражает побуждение Слушающего к действию и произносится с акцентирующим оттенком, скорее в значении ‘но’, в чем выражается непринужденное понукание. Таким образом проявляется статусное неравенство: Племянник *молча* просит, *Дядя не возражает, не препятствует желанию*;

– *предлагает действовать определенным образом*:

2Д: ... *Хǎlewət aλəŋ mǎn-λ-əməŋ*.

χǎlewət	aλəŋ	mǎn-λ-əməŋ
завтра	рано	идти-Praes.1Du

‘... *Отправимся завтра утром*’;

– *инструктирует*:

3Д: – *Nǎŋ tijel̄t mǎna, tǎta unten sǒχənti tǎχija aλ mǎna, śata un nǒgrəm ul. Nǒrma etλən, jell̄li jeməŋ tǎχet.*

nǎŋ	tijel̄t	mǎn-a,	tǎta	unt-en	sǒχən-ti
ты	сюда	идти- Imp.2Sg	здесь	лес- 2Sg	завершиться- Part.Praes

tǎχij-a	aλ	mǎn-a	śata	un	nǒgrəm	u-λ
ме- сто- Lat	Ptcl.Proh	идти- 2Sg	там	боль- шой	бо- лото	быть- Praes.3Sg

nǒgrm-a	et-λ-ən	jell̄li	jem-əŋ	tǎχe-t
болото-Lat	выйти-Praes- 2Sg	дальше	святой- Adj	место-Pl

‘– *Ты иди в ту сторону. Туда, где тайга кончается, не ходи, там есть большое болото. Выйдешь к болоту, а дальше святые места*’.

Здесь используется прямой императив 2 л. ед. ч. (*mǎn-a* ‘иди’, *aλ mǎna* ‘не ходи’). Помимо этого, в конструкции содержится индикативная форма глагола *et-λ-ən* ‘выйти-Praes-2Sg; выйдешь’, которая

содержит формант настоящего-будущего времени *-λ-* и показатель *-ən*, указывающий на 2 л. ед. ч. При этом *футуральная* форма индикатива обозначает *действие*, которое либо должно происходить, либо *будет происходить после момента речи*. Данное обстоятельство в хантыйском языке обуславливает *экспансию форм настоящего-будущего времени* в сферу *императива*, что зачастую используется для обозначения *будущих действий*. Необходимо отметить также и другие семантические и формальные особенности повелительных конструкций, которые имеют фактитивную интерпретацию. *Говорящий* в таких случаях является тем, кто дает *повеление*, а *Слушающий* бесспорно воспринимает это распоряжение как инструкцию, которую необходимо немедленно выполнить [подробнее об этом см.: Глава 2. § 1. п. 1.2];

– *поучает*:

4Д: *Urtel lõpəl*: – *Pa χōti, χōsti mosəl*.

urt-ελ	lõp-эл	pa	χōti	χōsti	mosəl
дядя-	быть-	Ptcl	как	уметь-	надо-
3Sg	Praes.3Sg			Inf	Praes.3Sg

‘*Дядя говорит*: – *А как же, надо уметь!*’.

В конструкции глагол с ограниченной парадигмой *mosəl* ‘надо-Praes.3Sg’ является маркером значения необходимости, которое представляет собой один из смысловых компонентов побудительности. Здесь также модальная частица *pa* в значении ‘а’ употребляется в целях усиления обращения и имеет отношение к непосредственной реакции к сказанному [см.: Глава 1. § 2 п. 2.6.];

– *наставляет*:

5Д (Дядя – племяннику): *Šǎлта jōχi jōχətsəŋən, lewman jetən əməsλəŋən, urtel hōχməs*:

-Λεχρ, mǎnem tɔrəm asi partəs u[n]t wəj welɬija, a nǎŋ, – jastəs, – parsajən χρρ, ǫχəl wertija. Ma küs werλəm, nǎŋ itena änt χōšλəm. Χōj mōj wertu pa χōšəl, šit werəl. Ma welpəsλəti χōšλəm, nǎŋ pa pōrmasət wertu χōšλən. Šiməs ǫt wera, ma änt χōšλəm nǎŋ kemena.

šǎлта	jōχi	jōχət-s-əŋən,	lew-man	jet-ən
затем	домой	прийти-Praet-	кушать-	вечер-
		2Du	Conv	Loc
əməs-λ-əŋən	urt-ελ	hōχm-əs	λεχρ	mǎ-nem
сидеть-	дядя-	заговорить-	племян-	я-Dat
Praes-2Du	3Sg	Praet-3Sg	ник	

tq̄r̄əm	aśi	part-əs		u[n]t	woj	wel-tij-a
небо	отец	велеть-3Sg	Praet-	лес	зверь	добывать-Inf-Lat
a	n̄ŋ	jastə-s		parsaj-ən	χəp	ōχəl
a	ты	говорить-Praet-3Sg		просить-2Sg	лодка	нарта
						добывать-Inf-Lat
ма	kūš	wer-λ-əm,	n̄ŋ	it-en-a	ǎnt	χəš-λ-əm
я	хоть	делать-Praes-1Sg	ты	один-2Sg-Lat	Ptcl.Neg	уметь-Praes-1Sg
Xoj	mōj	wer-ti		pa	χəš-əl	
кто	что	делать-Inf		Ptcl	уметь-Praes-3Sg	
śit	wer-əl.		ma	welpəsλə-ti		χəš-λ-əm
это	делать-Praes-3Sg		я	добывать_зверя-Inf		уметь-Praes-1Sg
n̄ŋ	pa	pōrmas-ət	wer-ti	χəš-λ-ən	śiməs	ōt
ты	Ptcl	вещь-Pl	делать-Inf	уметь-Praes-1Sg	такой	предмет
wer-a		ma	ǎnt	χəš-λ-əm	n̄ŋ	kem-en-a
делай-Imp.2Sg		я	Ptcl.Neg	уметь-Praes-1Sg	ты	?-2Sg-Lat

‘Пришли домой. Сидят, едят, дядя говорит: – Племянник, мне Небесный отец назначил промышлять зверей, а тебе, – говорит, – назначил лодки, сани делать. Я хоть и мастерю, но так, как у тебя, у меня не получается. Кто что умеет делать, то и пусть делает. Я охотиться умею, а ты умеешь инвентарь изготавливать. *Так их и делай, я не умею так, как ты*’.

В данном монологе с финальным *5Д* (а именно, *Śiməs ōt wera, ma ǎnt χəšλəm n̄ŋ kemena* ‘Так их и делай, я не умею так, как ты’ в сочетании с предикатом *-wer-a* ‘делай-Imp.2Sg; *делай*’ и объектом – (*śiməs*) *ōt* ‘(такой) предмет’) грамматическая форма императива

означает прямое побуждение к физической деятельности конструктивного характера.

Примечательно, что вслед за этим ключевым высказыванием текста следуют согласие младшего участника коммуникации следовать предложенной модели поведения (*Śi, nōχ śi wōškalem...* ‘ладно...’) и весьма позитивный финал, свидетельствующий о благополучии племянника, последовавшего совету старшего. Для читателя это урок, который он призван воспринять.

Интересным представляется наличие в предыдущей конструкции *целевого супина* (*инфинитива цели*), ср.: *Аехр, т̄анет т̄ор̄ат а̄си part̄as u[n]t w̄j wel̄tij-a, a n̄η, – jast̄as, – parsaj̄ən χ̄р, ̄о̄х̄эл wertij-a* ‘Племянник, мне Небесный отец назначил промыслять зверей, а тебе, – говорит, – назначил лодки, сани делать’. Сочетание существительного в номинативе с нефинитной глагольной формой с показателем дательного-направительного падежа при инфинитиве (*w̄j wel̄tij-a* ‘(чтобы) зверя добывать’ и *χ̄р, ̄о̄х̄эл wertij-a* ‘(чтобы) лодку, нарты делать’) выражает дополнительное значение цели при глаголах действия. Объект супина – *w̄j* ‘зверь’, *χ̄р, ̄о̄х̄эл* ‘лодка, нарты’-выражен в конструкции прямым дополнением. Основной посыл данной конструкции: у человека в жизни есть цель согласно его таланту и предназначению.

Таким образом, в анализе отражена семантика и прагматика (функция и интенция) текста, а также его вписанность в традиционную хантыйскую культуру; иерархичность, немногословие (лаконичность речи, непроговариваемые смыслы). Успешность побудительного высказывания достигается воплощением ряда условий. Для достижения коммуникативной цели высказывания и *получения запланированного результата* (состоятельности перлокутивного эффекта) *в речевой ситуации волеизъявление говорящего направлено на изменение поведения адресата*. Важным в понимании иллокуции (*выражения коммуникативного намерения*) является интенция адресанта (дяди), который является центральной категорией прагматики в координатах речевого акта на оси «отправитель-высказывание-получатель». Адресат (племянник) интерпретирует интенцию правильно (в рамках запланированного результата) и реагирует на нее. На выбор речевой единицы в фазе иллокуции влияют экстралингвистические факторы, которые определяют ситуа-

цию общения. Говорящий для согласованности действий учитывает социальную информацию (пол, возраст, социальное положение), черты характера и ситуативные характеристики, связанные с ролевыми позициями коммуникантов, что также зависит от степени их знакомства и неформального характера общения, места и времени.

Текст 2

Semli (Сленой) [Лух Авт 2014 № 19/697: 4].

Шурышкарский диалект хантыйского языка; Шурышкарский р-он; 2014; записала В.Ю. Рохтымова; перевод на русский язык С.В. Онина 2017; информант Э.К. Куртямов.

Хантыйский язык	Русский язык
1. <i>Semli xu ul, šiti šič ajlla – Semli.</i>	1. Живет слепой мужчина, так его называют – Слепой.
2. <i>Apšel pilən ullatən.</i>	2. Живет с младшим братом (его).
3. <i>Sem nuša xōjat, sema pitmal telən semli.</i>	3. Слепой он с самого рождения.
4. <i>Antel, ašel ulmanən, lin lüvel täjšätən.</i>	4. Пока были живы родители, они его содержали.
5. <i>Pärsätən pa apšelən täjti pitsa.</i>	5. Когда они умерли, то он стал жить с младшим братом.
6. <i>Apšel šemja täjäl.</i>	6. У брата есть семья.
7. <i>Jajäl täjšälli, täjšälli, törasa jis.</i>	7. Жили вместе, но однажды Слепой надоел младшему брату.
8. <i>Numəsəl: «Mij jajəm vantəti, lapətti, lumətləti, kim tutləti mosəl».</i>	8. Младший брат думает: «Что хорошего кормить, одевать и водить его на улицу».
9. <i>Atəm nōməsən jōxətsa.</i>	9. Плохая мысль пришла.
10. <i>Katra vanti sojəp jovəlmilət</i>	10. В старину невод бросали.
11. <i>As pūjələn tanxa ullət.</i>	11. Они (=братья) возможно живут у реки Обь.
12. <i>Jajäl pela jastəl:</i>	12. Брату младший брат говорит:
13. <i>– Jaj, sojəp jovəlmiti xošlən?</i>	13. Брат, умеешь неводить?
14. <i>Jajäl jōxli jastəl:</i>	14. Брат отвечает:
15. <i>– Aje, mija änt xošləm?</i>	15. – Братишка, почему я не умею?
16. <i>Vošəm jovəlmiti kemən ma veritləm.</i>	16. Бросать сети (в воду) я могу.
17. <i>Ja, änta ki, jəxləmən, ma lovatləm, nāj sojəp jovla.</i>	17. – Если умеешь неводить, тогда съездим, я буду грести, а ты невод бросай!
18. <i>Šič mänlətən.</i>	18. Отправились неводить.

Семантика и типология прохибитива в хантыйском языке

19. <i>Šuſtan pūlan apšel ũlli pa sojəp vanašək jārəpləlli.</i>	19. Пока шли, братишка укоротил невод.
20. <i>Jajəl pəratti nōməs verəs χōti, ſiti ſi verəs.</i>	20. Решил убить брата, так и сделал.
21. <i>Łovəltəl, łovəltəl, sojəpəl χōlal, ſəlta takan łovəltməł.</i>	21. Гребет, гребет, невод резко закончился, а братишка только сильнее гребет.
22. <i>Jajəl jinſka rəkənəl.</i>	22. Брат (его) в воду падает.
23. <i>Šikuš ũvəl, ũvəl:</i>	23. Хоть и кричит, кричит:
24. <i>Ajje, Ajje, nāſ χōta ullən, mānem nōχ tali.</i>	24. – Братишка, братишка, где ты, вытащи меня из воды.
25. <i>Apšel ſiti ſi mānəs.</i>	25. Братишка так и уехал.
26. <i>Semli ſi tula, ſi tula.</i>	26. Слепой плывет, так и несет (его) вода.
27. <i>Semli vanti, neməlti lūvelən ānt niła.</i>	27. Он – слепой, ничего ему не видно.
28. <i>Numəsəl: «Mətti jūχ pūl kūš kepa joša lulaſ at pitəl».</i>	28. Думает: «Хоть бы какое-нибудь дерево попало бы».
29. <i>Ōvəſ jōχan vanti, ſi tula, il-nōχ etlijəl.</i>	29. Речка с сильным течением, все несет (его), только верх-вниз показывается.
30. <i>Imōltijən mōlti likməš, jošəla χojəs, tōχi katləmtəs, pa jelli tula.</i>	30. Вдруг что-то под руки попало, схватился и течение его дальше понесло.
31. <i>Ita numəsəl:</i>	31. А сам думает:
32. <i>«Pana kuš kepa lulaſ at tulajəm»</i>	32. «На берег хоть бы вынесло».
33. <i>I pōrajən kūrəl χōlti χojəs, mūw ſašəl.</i>	33. Однажды нога его чего-то коснулась, кажется, земля.
34. <i>Ūti vaſkti pitəs.</i>	34. Стал ползти на берег.
35. <i>Ši vaſkəs, ſi vaſkəs, jinſkəl χolas.</i>	35. Полз, полз и вода закончилась.
36. <i>Sorəm tāχaja jōχtəs.</i>	36. Приполз на сухое место.
37. <i>χār tāχajən taſſa, ſikem wot xojał, eləl potla, sōχləl jinſket χōti.</i>	37. Оказалось открытое место, так ветер насквозь продувает, совсем замерз, ведь вещи мокрые.
38. <i>χōlna ješa ũti vaſkəs.</i>	38. Еще немного от берега отполз.
39. <i>Amūj ſip χōša χojəs, ſip ilpijən jāχa ſūſkərlijəs, il ōləš.</i>	39. Вдруг на прикрытое место наткнулся, там он свернулся и попытался уснуть.
40. <i>Numəsəl: «χālləm ki, ſi χālləm, χōti neriləm, jajemən vōškisajəm».</i>	40. Между тем думает: «Сдохну – так сдохну, что поделаешь, братишка меня все равно бросил».
41. <i>Jəm χūw ſiti ſūſkərləman ōləš, imōltijən χuləl: mūw ſi kūmiti pitəs.</i>	41. Долго так свернувшись, лежал, однажды слышит: земля загремела.
42. <i>Tūr sij χuləl:</i>	42. Голос слышит:
43. – <i>Semli, ullən?</i>	43. – Слепой, живой? (букв. Слепой, живешь?)

44. – <i>Ulləm, – jastəl, – χōti neriləm. χälləm ki – χälləm, äntom ki – äntom, turəmən χälti parsajəm ki, al pa χälləm.</i>	44. – Живой, – говорит, – что подела- ешь, сдохну – так сдохну, если нет, то нет. Если Богом предназначено сдохнуть, возможно, сдохну.
45. – <i>Łojti werittlən?</i>	45. – Встать сможешь?
46. – <i>χōj ujətəl, mosəj werittəm.</i>	46. – Кто знает, может могу.
47. <i>Nōχ loja.</i>	47. – Вставай!
48. <i>Šukələn nōχ ūratəs.</i>	48. С трудом вверх поднялся.
49. <i>Mānem χullen?</i>	49. – Меня слышишь?
50. – <i>Pōtren šikuš šasəl.</i>	50. – Слышу твой голос.
51. <i>Pōtrem ki šasəl, šuša.</i>	51. Если голос мой слышен, то ша- гай!
52. <i>Pōtər šōmaja šušti pitəs.</i>	52. Навстречу пошел, где был слы- шен голос.
53. <i>Šušəs, šušəs.</i>	53. Шагал, шагал.
54. <i>Łela, – χuləs, – nōχ, lova!</i>	54. – Садись, – вдруг услышал, – вер- хом на лошадь!
55. <i>Ma mīj širən nōχ telləm, sōχlam jijket, šikem iskijən potsajəm, nōχ lelti mīj šas təjləm?</i>	55. – Как я сяду наверх, моя одежда мокрая, так замерз, разве я смогу за- лезть?
56. <i>Närtijən šārəmsa pa aχojən nōχ wōškəsa.</i>	56. Вдруг схватили и наверх бросили.
57. – <i>Oməslən?</i>	57. – Сидишь?
58. – <i>Oməsləm!</i>	58. – Сижу!
59. – <i>Takan šaka.</i>	59. – Крепко держись!
60. <i>Šalta ši mānti pitəs.</i>	60. Затем решил отправиться.
61. <i>Oləjən mūw elti mǎnmal šasəs, šilta ši χōti mūw elti sōχna.</i>	61. Сначала по земле слышно было ехал, затем – над землей.
62. <i>Šiti māns, māns.</i>	62. Так ехал, ехал.
63. <i>Juχət lovəl il lojəs.</i>	63. Затем лошадь остановилась.
64. <i>Tūr sij pa šasəl:</i>	64. Голос опять послышался:
65. – <i>Semli, ullən?</i>	65. – Слепой, живой?
66. – <i>Ulləm.</i>	66. – Живой.
67. – <i>Il oχla.</i>	67. – Слезай!
68. – <i>Som änt təjləm il oχəlti.</i>	68. – Не могу слезть.
69. <i>Šalta il ši oχəltisa.</i>	69. Затем помогли спуститься.
70. – <i>Šuša, – änt niiti χōjatəl jastəl.</i>	70. – Шагай, – сказал человек, кото- рого он не видит.
71. <i>Šušti pitəs, numəsəl: «Tǎm ilampa änta mūw, a mīj elti šušləm?»</i>	71. Шагнул и думает: «Кажется это не земля, кажется, я сверху шагаю».
72. – <i>Jūwa, jūwa, – χuləl.</i>	72. – Иди сюда, иди сюда – слышит он.
73. <i>Šušəs, šušəs pa tūr sij pa χuləs:</i>	73. Шел, шел и снова услышал голос.
74. <i>Ja, ši, il ompsa, lōχittləjən.</i>	74. – Ну, все садись, тебя помогут!

Семантика и типология прохибитива в хантыйском языке

75. <i>Šálta kät xəjatən alemisa pa aχólta tusa.</i>	75. Вдруг двое схватили и куда-то по-тащили.
76. <i>Nəχ ləχitsa, isi təχajəla tusa.</i>	76. Вымыли, обратно на то же место отвели.
77. <i>Pāsān surija oməssa:</i>	77. За стол посадили.
78. – <i>Šaj inša, – jastəsa.</i>	78. – Чай пей! – сказано было.
79. <i>Šaj inšmal jürijən, il öltiti pitsa.</i>	79. После чая спать укладывать стали.
80. – <i>Ja, ši, il öla, – türsij šasət, – in il öltilaj.</i>	80. – Ну, ложись, – говорит голос. – Теперь спать уложат тебя.
81. <i>Semli numəsəl: «Pa jəm kuš kepa, xənem teləŋ, il ölttilajəm».</i>	81. Слепой думает: «Хорошо, что поел и спать укладывают».
82. <i>In, il ölten jelpijən, ti jāŋxa.</i>	82. – Теперь перед тем, как спать будешь, подойди сюда.
83. <i>Numəsəl: «A müj xəjat?»</i>	83. Думает: «Что за человек?»
84. <i>Tür sij xəša mänəl.</i>	84. Идет навстречу голосу.
85. <i>Vana jöχtəs.</i>	85. Приблизился.
86. <i>Semŋəllal elti wošxemisä.</i>	86. Кто-то погладил по глазам, по лицу.
87. – <i>Ši, tämiti il öla, aləŋsəχat nəχ kilən.</i>	87. – Все, так ложись спать, утром встанешь.
88. <i>Aləŋsəχat nəχ werləs.</i>	88. Утром проснулся.
89. <i>Semlat pünšsalli pa wantəl, semlat niti pitmel.</i>	89. Глаза открыли видит, что прозрел.
90. <i>Möχti ši pa xərpi.</i>	90. Совсем другое дело.
91. <i>wantəl: a müj nöwi xətən, kät pelək əl šulpiltən, ə χutililtən.</i>	91. Видит: то ли в белом доме, то ли с двух сторон сверкает, то ли светится.
92. <i>Imöltijən xəjatət jöχətsət.</i>	92. Однажды снова люди пришли.
93. <i>Woχsajən, – jastələt, – lumətlija.</i>	93. – Иди сюда, – говорят, – одевайся.
94. <i>Lumətlijəs.</i>	94. Оделся.
95. <i>Aχölta leŋki pa tusa.</i>	95. Опять куда-то повели.
96. <i>Ompsä, – jastilət. – Nöwi lovəŋ χu xəša opsa!</i>	96. – Садись, – говорят, – Садись к человеку с белым конем.
97. <i>Lova nəχ ompsəs.</i>	97. Сели верхом.
98. <i>Ši nöwi lovəŋ χu pilən mänti pitsətən.</i>	98. С этим человеком на белом коне поехали.
99. <i>Mäntsətən, mäntsətən.</i>	99. Ехали, ехали.
100. <i>Ita nömpsələn numəsijəl: «Aχölta tulajəm, xəj ujətəl».</i>	100. Слепой размышляет: «Куда же меня везут, кто знает?».
101. <i>Kurtəla jöχətsətən.</i>	101. В его деревню вернулись.
102. <i>Kurt šänš peləkən il öχəlti partsa.</i>	102. За деревней слезть велели.
103. – <i>Ši, Semli, jöχətsən kurtena, in tup apšən xəša əl mäna.</i>	103. – Все, Слепой, вернулся в деревню свою, сейчас только к бра-тишке <i>не ходи!</i>

104. – <i>Xõj xõša pa ma ulți pitlēm? – Semli inšasəl.</i>	104. – У кого я жить буду? – спрашивает Слепой.
105. – <i>Šit nāŋ weren, nāŋ širenən welpəs wera, xõtās ula, apšen xõša ki mǎnlǎn, atəm pitəl.</i>	105. – Это твое дело, сам занимайся охотой, как можешь, живи, если к братишке пойдешь, будет плохо.
106. <i>Jastām jasŋem ši.</i>	106. Это то, что я могу тебе сказать.
107. <i>Šitələn lowəŋ xujəl mǎnmal.</i>	107. Человек с конем после этих слов сразу уехал.
108. <i>Kurtəla mǎnəs.</i>	108. Пошел в деревню.
109. <i>И ompsas, oməsł, numəsəl: «xõłta lõŋtija?»</i>	109. Сел, сидит и думает: «куда же войти?»
110. <i>Šeŋk nüša xõjat xõša lõŋəs.</i>	110. Вошел к очень бедному человеку.
111. <i>Nüša xõjat wantsəlłi, «xõj ši?»</i>	111. Бедный человек посмотрел: «Кто это?»
112. <i>Semli xı seməŋa jis pa jǎma lumətțisa.</i>	112. Слепой прозрел и хорошо одет.
113. <i>Šiti ajəłta nüša xõjat pitən ulți pitəs, rupitti pitəs, welpəsłiti pitəs.</i>	113. Так и стал жить с бедным человеком, работать стал, охотиться стал.
114. <i>Imõłtjən numəsəl:</i>	114. Однажды думает:
115. <i>«Ajjem xõša jǎŋləm, ajjem a müj werəl, aŋt'em, ašem xot wantlem.»</i>	115. «К братишке схожу, чем же занимается? Дом отца-матери посмотрю».
116. <i>Tõxi jõxətəl, wantəl: ajjel takan ũna inšti pitmal.</i>	116. Приходит туда, видит: братишка сильно пить стал, оказывается.
117. <i>Müj šitilimal, aŋt'el, ašel elti xǎšəm pörmasət, xõł una sǎxat tinimal.</i>	117. Все, что зарабатывал, все, что оставалось от родителей, все пропил.
118. <i>Tup ńań kemən, ũrajən mõłti tǎjəl.</i>	118. Только с трудом имеет на хлеб и самое необходимое.
119. <i>Semli šijelt wantman, numəsəl:</i>	119. Слепой глядя в ту сторону думает:
120. <i>«Ja, ši, mõłxətəl mǎnem sojəp tǎjən wõškəsli, in ulți širəl ǎntom.»</i>	120. «Ну, все, вчера меня сбросил с концом невода, сам сейчас жить не умеет».
121. <i>Šitələn šašən mǎnəs.</i>	121. Развернулся и ушел.
122. <i>Pa apšel sema ǎnt etlijəs, lüw širələn ulți pitəs.</i>	122. Больше братишке на глаза не показывался, стал жить своей жизнью.

В сказке «Слепой» выражен запрет в интересах героя, который следует трактовать как запрет-предостережение:

-*Ši, Semli, jõxətəsən kurtəna, in tup apšen xõša at mǎna.*

ši, sem-li, jõxət-s-ən kurt-en-a
 все глаз-Carit прийти-Praet-2Sg деревня-2Sg-Lat

in	tup	apś-en	χōś-a	al	mǎn-a
сей- час	только	младший- 2Sg	Postp- Lat	Ptcl.Proh	идти- Imp.2Sg

«Все, Слепой, вернулся в деревню свою. **Сейчас** только к **братишке** не ходи!»

Запрет состоит в том, чтобы *in* ‘сейчас’ не идти к брату. Далее говорящий предупреждает Слепого, что в случае нарушения *atəm pitəl* ‘будет плохо’.

Šit nǎŋ weren, nǎŋ širenən welpəs wera, χōtaś ula, apśen χōśa ki mǎnlən, atəm pitəl.

šit	nǎŋ	wer- en,	nǎŋ	šir-en- ən	welpəs	wer-a,	χōtaś
это	ты	дело- 2Sg	ты	воз- мож- ность- 2Sg-Loc	до- быча	делать- Imp.2Sg	как_ни- будь

uł-a,	apś-en	χōś-a	ki	mǎn-l- ən,	atəm	pit-əl
жить- Imp.2Sg	млад- ший- 2Sg	Postp- Lat	Ptcl	идти- Praes- 2Sg	плохо	быть- Praes- 3Sg

‘Это твое дело, сам занимайся охотой, как можешь, живи, если к братишке пойдешь, будет плохо’.

Для *Sem-li* ‘Слепого’, *адресата* этого сложного речевого действия, говорящим является неведомый ему покровитель, по воле которого он был спасен от смерти, прозрел, доставлен в родную деревню. Этот *покровитель* сначала является герою в виде:

- голоса (*türsij* ‘голос’);

Ja, ši, il ðla, – türsij śaśəl, – in il ðtilajən.

ja	ši	il	ðl-a	türsij	śaś-əl
Ptcl	все	Prvb	спать- Imp.2Sg	голос	чуть_слышать- Praes.3Sg

in	il	ðti-l-aj-ən.
сейчас	Prvb	уложить-Praes-Pass-2Sg

‘Ну, ложись, – говорит *голос*. – Теперь спать уложен (будешь)’.

-затем человеком на белом коне (*nõwi lovəŋ χu* ‘человек с белым конем’):

Ompsa, – jastilat. – Nõwi lovəŋ χu χõsa opsa!

omps-a	jasti-l-ət	nõwi	low-əŋ	χu	χõs-a
сидеть-	говорить-	бе-	лошадь-	муж-	Postp-
Imp.2Sg	Praes-3Pl	лый	Adj	чина	Lat

‘Садись, – говорят, – Садись к человеку с белым конем’

Для наблюдателя, «понимающего, в чем дело», **адресантом** является «за миром смотрящий» – сын Верховного божества Торума⁶. Об этом говорят его атрибуты (скачет на белом коне) в сочетании с сюжетом сказки (он видит, кто в чем нуждается, и восстанавливает справедливость):

Ši nõwi lovəŋ χu pilən mǎnti pitsətən.

ši	nõwi	low-əŋ	χu	pit-ən	mǎn-ti	pit-s-ətən
это	бе-	лошадь-	муж-	Postp-	ехать-	быть-
	лый	Adj	чина	Loc	Inf	Praes-3Du

‘С этим человеком на белом коне поехали’.

В отличие от многих других героев мирового фольклора, Слепой не нарушает запрета. Он, правда, идет к брату, но не сразу, а *imõltijən* ‘однажды’ (последнее предполагает, что прошло некоторое время с момента ситуации запрета-предостережения). Поэтому логично, что далее сюжет не развивается в направлении преодоления испытаний, как это обычно бывает в сказках с теми, кто нарушил запрет⁷:

Imõltijən numəsəl: «Ajjem χõsa jǎŋχləm. ...

⁶ Об этом мифологическом персонаже известно следующее. Он посредник между небом и землей, покровитель добра; поборник справедливости, покровитель народа, наставник и учитель; он же Золотой царь, Герой, Богатырь, Верховьев Оби человек; он же Бабушкин внук, странник многих земель. Его родина Белогорье находится недалеко от Ханты-Мансийска, в районе слияния Оби и Иртыша. Он облетает землю с такой скоростью, с какой сторает тонкая пленка на бересте; объезжающий мир на высоте облаков: иногда спускающийся на землю, чтобы помочь нуждающимся.

⁷ Пропп В. Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; коммент. Е. М. Мелетинского, А. В. Рафасовой; сост., науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 1998. – 511 с. – (Собрание трудов / В. Я. Пропп).

	сторону братишки только щучью рыбу.
6. <i>Apšijel χōti tup sort oχ tel, āl sort χūl ānt tel.</i>	6. Брат только щучьи головы ест, простую щучью рыбу не ест.
7. <i>Apšel kim etmās, likašās, unta mānti ūtsijās, jōχi lōjētās, jastās:</i>	7. Брат выскочил на улицу, рассердился, в лес хотел идти, заглянул домой, говорит:
8. <i>Ma mānlām, nājen kāt joχa allem, χulām joχa allem.</i>	8. «Я пойду, тебя двум мужчинам предложу, трем мужчинам предложу».
9. <i>Kim etmās, jel šušmas, oβijel χājsalli.</i>	9. Выскочил на улицу, ушел от сестры, оставил ее.
10. <i>χūw mānās, wan mānās, χišem-pārem χota jōχtās, jōχi lōjās.</i>	10. Долго шел, коротко шел, в <i>заплесневелый-затхлый</i> дом пришел, в дом вошел. Долго шел, коротко шел, <i>заплесневелый-затхлый</i> дом пришел, <i>внутри</i> вошел.
11. <i>Tijelt-toχelt wantās, χot pātija mānās, pūt šijalās.</i>	11. Туда-сюда смотрел, в угол дома пошел, котел увидел.
12. <i>Pūt lipija rākņās.</i>	12. В котел упал.
13. <i>Wōji pūt ulmal, χōl lesli.</i>	13. Котел с жиром был, все съел.
14. <i>Nōχ ānt weritāl talāstija.</i>	14. Не может вытащить себя (из котла).
15. <i>Imōltina χōjatņan ši jōχātman šasāl, lōχ pātet seņkti šaslāt.</i>	15. Однажды люди слышно пришли, стучат по лыжам.
16. <i>Jōχi lōņksaņan, χot pātlam.</i>	16. Вошли домой, дома темно.
17. <i>Itāl jastāl:</i>	17. Один говорит:
18. <i>Tūten nōχ ūsiti, nūr pātlam.</i>	18. «Зажги свет, совсем темно»
19. <i>Kimet oātāl jastāl:</i>	19. Второй говорит:
20. <i>Jošem pūnəņ oāt χōša χojās.</i>	20. Рука моя на чего-то шерстистого коснулась.
21. <i>Tūt nōχ ūšemalli, vōji pūt lipijn šiškiye oāl.</i>	21. Зажег огонь, в котле с жиром брат-птичка лежит.
22. <i>Wōjal χōl levmal.</i>	22. Жир весь съел (оказывается).
23. <i>Alemasa, tūta šaritti ūtsisa.</i>	23. Схватили, в огне зажарить хотели.
24. <i>Šiškiye ši ūvaltās:</i>	24. Птичка закричала.
25. <i>Ūti ūji! – χōti jastāl.</i>	25. «Убери от костра» – требовательно скажет.
26. <i>Ūti alemāsa, šeņk takan inšasla:</i>	26. Убрали от костра, очень сильно (настойчиво)спросили:
27. <i>Mūj jastālən, šiškiye?</i>	27. «Что скажешь, птичка?»
28. <i>Āntom, χātli wōšijəm peņklam juχrəlam, šīχrəlam, – šiti tup šitaman šiškiye jastāl.</i>	28. «Да нет, это последние оставшиеся зубы скрипят» – <i>так только тихо птичка говорит</i>

Семантика и типология прохибитива в хантыйском языке

29. <i>Šalta pa šī tüta šärittī pitsa, met takan üwti pitas:</i>	29. Затем снова в этом огне жарить стали, еще громче кричать птичка-братец стал:
30. <i>Wanši jüx sewpi öpije täjläm, jānam jüx sewpi öpije täjläm, öpijem kät joxa allem, xuläm joxa allem!</i>	30. «С осоковой косичкой сестрицу имену, <i>jānam</i> косичкой сестрицу имену, сестрицу двум мужчинам предлагаю, трем мужчинам предлагаю».
31. <i>Üti šī üsa.</i>	31. Убрали с костра.
32. <i>Jäma lapätsa, inšeltasa, jāma xošmälsa.</i>	32. Хорошо накормили, спросили, хорошо согрели.
33. <i>Omässat, pötärsät.</i>	33. Сели, поговорили.
34. <i>Pa inšäsla:</i>	34. Снова спрашивают:
35. <i>Jäna öpije täjläm?</i>	35. «Правда сестрицу имеешь?»
36. <i>Šiškiye jastäl:</i>	36. брат-птичка- говорит:
37. <i>Ma mänläm, nin ma jušem xüwat jüwatän.</i>	37. «Я пойду, вы моей дорогой идите»
38. <i>Kät xü jastälän:</i>	38. Двое мужчин говорят:
39. « <i>Min änt ujtemän, müj širän mänlämän</i> »	39. «Мы не знаем, каким образом пойдем»
40. <i>Šiškiye nöx purläs, tup šiti üwatäs:</i>	40. Взлетел брат-птичка, только так крикнул:
41. « <i>Mänläm, mänläm, süremäläm, jüx wöškäläm.</i> »	41. «Пойду, пойду, отмечу, палочку брошу»
42. <i>Šiti šī mänäs, jöxi jöxtäs.</i>	42. Так и улетел брат-птичка, домой пришел.
43. <i>Öpel xöša opsäs.</i>	43. Подсел к стреле.
44. <i>Opel nöxäs woj söx lešatman omäsäl.</i>	44. Сестра сидит, соболиную шкуру готовит (скорняжит) сидит.
45. <i>Öpijel xöša wana opsäs pa šitaman jastäl:</i>	45. Подсел близко к сестрице и тихо говорит.
46. <i>Öpije, öpije, ma nänen älsem ut woj welti joxän elti, nöxäs woj welti joxän elti.</i>	46. Сестрица, сестрица, я тебя лесного зверя, добывающим мужчинам предложил, я тебя куницу, добывающим мужчинам предложил.
47. <i>Öpel likäsäs, jontästi söxlät nöx alemästi pa apšijel öxa kütärsälli.</i>	47. Сестра рассердилась, доску для шитья подняла и ударила об голову брата-птички.
48. <i>Šiškiye öxäl pelki toxäs, öpijeln nämpär paja wöškäsa.</i>	48. У братца-птички голова рассеклась, сестрицей в кучу мусора брошена.
49. <i>xöjajän šī jitan šašäl.</i>	49. Люди слышно идут.
50. <i>Jöxätsänän, wantänän – šiškiye nämpär pajän ölä:</i>	50. Пришли, смотрят – братец-птичка в куче мусора лежит.
51. « <i>Nän müja täta öllan, šiškiye</i> »?	51. «Ты почему здесь лежишь, братец-птичка?»

52. <i>Šiškije jastəl:</i>	52. Братец-птичка говорит.
53. « <i>Örijem likašəs pa öxem pelki kütərsəlli</i> ».	53. «Сестрица рассердилась и мою голову разбила».
54. <i>Jöxi itjanən nöx aleməsa.</i>	54. Домой ими занесена.
55. <i>Jöxi löñəlsa.</i>	55. Домой занесли.
56. <i>Mojləsət, usət, pötərsət, xəti jelli ulți pitlət.</i>	56. Погостили, пожили, поговорили о том как будут дальше жить.
57. <i>Örijel nöməs werəs woj welti joñən, nöxəs welti joñən piln mänti.</i>	57. Сестрица решила с зверя добывающими мужчинами, куницу добывающими мужчинами ехать.
58. <i>Ši ləlsa, ši tusa örijel.</i>	58. Вот посадили, вот увезли сестрицу.
59. <i>Šiškije utša xəšəs, utša ulți pitəs, ar püş örijel kaštilisli, ar püş nöpsəl šäkiliyə, utša ulți ät xənəs.</i>	59. Братец-птичка один остался, один стал жить, много раз вспоминал сестрицу, много раз страдал, один жить так и не смог.
60. <i>Nöməna jöxatsa:</i>	60. Надумал отправиться к ней:
61. « <i>Jəxləm örijem xəša, xəti ullət, örijem küškepa watləm</i> ».	61. «Съезжу к сестрице, посмотрю, как живут, сестрицу хоть увижу».
62. <i>Šiškije öpel xəša mänəs.</i>	62. Брат-птичка к сестрице поехал.
63. <i>Ši pöra elti ši jəñxi pitsət, jušel jeñka jüwməl.</i>	63. С тех пор вот ездить стали друг другу, дорога ледяной стала (оказывается от частых поездок).
64. <i>Ši šünel, öjel piln in ši ultel šaşəl.</i>	64. Счастливо и богато до сих пор живут.

Šiškije

Šiški-je

птичка-Dim

Птичка.

1. Šiškije örijel piln ul.

Šiški-je	öri-je-ł	pil-n	u-ł
птица-	сестра-Dim-	Post-	жить-
Dim	3Sg	Loc	Praes.3Sg

‘Птичка с сестрицей живет’.

2. Örijel aləñ nöx kilal, püt kavartal tämxał sort xül elti.

öri-je-ł	aləñ	nöx	kil-ał,	püt	kavar-t-ał
сестра-	рано	Prvrb	встать-	ко-	варить-
Dim-3Sg			Praes.3Sg	тел	Part.Praes-3Sg

tämxałt   sort   xül   elti.

сегодня щука рыба из
 ‘Сестрица рано встает, котел варит (оказывается) сегодня из рыбы щуки’.

3. Pütəl xonəs, apśiel nōx kiltalli.

püt- əl	xon-əs,	apśi-eł	nōx	kilta-l-li:
ко- тел-3Sg	черпать- Praes.3Sg	бра- тец-Dim- 3Sg	Prvrb	будить- Praes.3Sg.Obj.

‘Котел вычерпала, братишку будит’.

4. Nōx kil-a, łoxitij-a, leti pitləmən, sort püt versəm.

Nōx	kil-a,	łoxitij-a	łe-ti
Вверх.Prvrb	встать- Imp.2Sg	мыться- Imp.2Sg	?есть- Inf

pit-l-əmən,	sort	püt	ver-s-əm
быть-Praes.2Du	щука	котел	делать-Praet-1Sg

‘Вставай, мойся, есть будем, котел из щуки сделала’.

5. Apśel vantəl: öpel łıw xıwan oləla sort ox pönəl, apśel oləhən tup sort xıl.

apś-eł	vant-əl:	öp-eł	łıw	xıwan	olə-əl-a	Sort
бра- тец- 3Sg	смот- реть- Praes.3 Sg	сестра- 3Sg	он	по- суда	начало -3Sg	Щука
оx	pön-əl,	apś-eł	oləh-ən	Tup	sort	xıl
голова	клась- Praes.3 Sg	бра- тец- 3Sg	начало -Lat	Только	щука	рыба

‘Братишка смотрит: сестрица в свою сторону тарелки голы щучьи кладет, в сторону братишки только щучью рыбу’.

6. Apšijel χōti tup sort oχ lel, āl sort χūl ānt lel.

apš-ije-l братец- Dim-3Sg	χōti как	tup только	sort щука	oχ голова	le-l, есть- Praes.3Sg
	āl просто	sort щука	χūl рыба	ānt PtclNeg	le-l есть- Praes.3Sg

‘Братишка только щучьи головы ест, простую щучью рыбу не ест’.

7. Apšel kim etmās, líkaśās, unta mānti ūtsijās, jōχi lōηemās, jastās.

apš-e-l братец- 3Sg	kim Prvb	etmā-s выйти- Praet.3Sg	líkaś-ās сердиться- Praet.3Sg	unt-a лес- Lat	mān-ti идти- Inf
		ūtsij-ās начать- Praet.3Sg	jōχi до- мой	lōη-em-ās войти-Мом- Praet.3Sg	jast-ās сказать- Praet.3Sg

‘Братишка выскочил на улицу, рассердился, в лес хотел идти, заглянул домой, говорит’.

8. «Ma mānlēm, nāηen kāt joχa alēm, χulēm joχa alēm».

Ma я	mān-l-ēm пойти-Praes-1Sg	nāηen ты-Dat	kāt два	joχ-a народ-Lat
al-l-ēm показать-Praes-1Sg.	χulēm три	joχ-a народ- Lat	al-l-ēm показать-Praes- 1Sg.Obj	

‘Я пойду, тебя двум мужчинам предложу, трем мужчинам предложу’.

9. Kim etmās, jeł šušmas, orijel χāj-s-ałli.

kim Prvb	et-mā-s выйти- Мом- Praet.3Sg	jeł Prvb	šuš-ma-s шагать- Мом- Praet.3Sg	oři-jeł сестра- Dim-3Sg	χāj-s-ałli оставить- Praet.3Sg
-------------	--	-------------	--	-------------------------------	--------------------------------------

‘Выскочил на улицу, пошел прочь, оставил сестрицу’.

10. *χūw mǎnəs, wan mǎnəs, χišem-pǎrem χota jǒχtəs, jǒχi lõŋəs.*

χūw	mǎn-əs	wan	mǎn-əs	Χišem
долго	идти- Praet.3Sg	коротко	идти- Praet.3Sg	заплесневелый

pǎrem	χot-a	jǒχt-əs	jǒχi	lǒŋ-əs
затхлый	дом-Lat	прийти- Praet.3Sg	домой	войти- Praet.3Sg

‘Долго шел, коротко шел, в заплесневелый-затхлый дом пришел, домой вошел’.

11. *Tijelt-toχelt wantəs, χot pǎtija mǎnəs, pūt šijałəs.*

tijelt-toχelt	want-əs	hot	pǎtij-	mǎn-əs	pūt	šijał-əs
туда_сюда	смот- реть- Praet.3Sg	дом	дно- Lat	идти- Praet.3Sg	ко- тел	увидеть- Praet.3Sg

‘Туда-сюда смотрел, в угол дома пошел, котел увидел’.

12. *Pūt lipija rǎknəs.*

pūt	lipij-a	rǎkn-əs
котел	Postp-Lat	упасть-Praet.3Sg

‘В котел упал’.

13. *Wǒji pūt ulmał, χǒt lesli.*

wǒji	pūt	ul-m-ał	χǒt	le-s-li
с_жиром	котел	быть-	весь	есть- Praet.3Sg.Obj

‘Котел с жиром был, все съел’.

14. *Nǒχ ǎnt weritəl taləstija.*

Nǒχ	ǎnt	werit-əl	taləs-tij-a
вверх	Ptcl.Neg	мочь-Praes.1Sg	вытаскивать-Inf-Lat

‘Не может вытащить себя (из котла)’.

15. Imöltina xəjatnən si jöxətman şasət, löx pätet seŋkti şasət.

imöltina	xəjat-nən	si	jöxət-m-an	şasət-ət
однажды	человек-	Ptcl	прийти-	слышать-
	Du			Praes.3Sg Praes-1Sg

löx	pät-et	seŋk-ti	şas-ı-ət
лыжи	дно-PL	бить-Inf	слышать-Praes-3PL

‘Однажды люди слышно пришли, стучат по лыжам’.

16. Jöxi löŋksəŋən, xət pätlam.

jöxi	löŋk-s-əŋən	xət	pätlam
домой	войти- Praet-3Du.	дом	темно

‘Вошли домой, дома темно’.

17. Itəl jastə-l.

it-ət	jastə-l
один-3Sg	говорить-Praes.3Sg

‘Один говорит:...’

18. «Tütən nöx ūsiti, nūr pätlam!»

tüt-en	nöx	ūsiti	nūr	pätlam
огонь-2Sg	Prvb	зажигать- Imp.2Sg.Obj	совсем	темно

«Зажги свет, совсем темно!»

19. Kimet ötəl jastəl.

Kimet	öt-ət	jastə-l
второй	предмет-3Sg	говорить-Praes.3Sg

‘Второй говорит:...’

20. «Jošem pünəŋ öt xəsa xəjəs».

još-em	pün-əŋ	öt	xəś-a	xəj-əs
рука-1Sg	шерсть-Adj	предмет	Postp-Lat	ударить- Praet.3Sg

«Рука моя чего-то шерстистого коснулась!»

21. Tūt nõχ ŷsemalli, võji pūt lipijn śiškije ðləl.

tūt	nõχ	ŷse-ma-l-i	võji
огонь	Prvb	зажигать-Мом- Praes-3Sg.Obj	с_ жиром

pūt	lipij-n	śiški-je	ðl-əl
котел	Postp-Loc	братец_птичка-Dim	лежать-Praes.3Sg

‘Зажег огонь, в котле с жиром *птичка лежат*’.

22. Wõjəl χðl levmał.

wõj-əl	χðl	lev-m-ał
жир-3Sg	все	есть-?-3Sg

‘Жир весь съел (оказывается)’.

23. Aleməsa, tūta śaritti ŷtsisa.

ałe-mə-s-a	tūt-a	śarit-ti	ŷtsi-s-a
поднять-Мом- Praet-3Sg.Obj	огонь-Lat	жарить-Inf	начать-Praet- 3Sg.Obj

‘Схватили, в огне жарить хотели’.

24. Śiškije śi ŷvaltəs:

Śiški-je	śi	ŷvalt-əs
братец_птичка-Dim	Ptcl	кричать-Praet.3Sg

‘Птичка закричала’.

25. «Ūti ŷji!» – χðti jastəl.

ŷti	ŷj-i	χðti	jast-əl
с_костра	взять- Imp.2Sg.Obj	так	говорить-Praes.3Sg

‘«Убери от костра» – требовательно скажет’.

26. Ūti aleməsa, ŷeŋk takan ińśasla.

ŷti	ałe-mə-s-a	ŷeŋk	takan	ińśas-l-a
с_костра	поднять-Мом- Praet-3Sg.Obj	очень	сильно	спросить- Pass-3Sg

‘Убрали от костра, очень сильно (настойчиво)спросили.’

27. «Mǔj jastələn, śiśkije?»

mǔj	jastə-ł-ən	śiśki-je
что	сказать- Praes.-3Sg	братец_птичка-Dim

«Что скажешь, птичка?».

28. «Āntom, χātli wōśijəm peŋklam luχrəlam, śiχrəlam».

āntom	χāt-łi	wōśij-əm	peŋk-ł-	luχrə-ł-	śiχrə-ł-
			am	am	am
Ptcl.Neg	дви- гать- Carit	вилять- Part.Praet	зуб-Pl- 1Sg	ворот- Pl-1Sg	скрип-Pl- 1Sg

‘«Да нет, это последние оставшиеся зубы скрипят» – так только тихо птичка говорит».

29. śiti tup śitaman śiśkije jastəl.

śiti	tup	śitaman	śiśkije	jast-əl
так	только	тихо	братец_птичка- Dim	говорить- Praes.3Sg

‘Затем снова в этом огне жарить стали, еще громче кричать птичка-братец стал.»

31. Ūti śi ūsa.

Ūti	śi	ŭ-s-a
на_край	вот	брать-Pass.Praet-3Sg

‘Убрали с костра».

32. Jāma lapətsa, ińśəltasa, jāma χośməlsa.

jām-a	łapət-s-a,	ińśəłta-s-a	jām-a	χośməł-s-a
хорошо-	кормить-	поить-	хорошо-	согреть-
Lat	Pass.Praet- 3Sg	Pass.Praet- 3Sg	Lat	Pass.Praet- 3Sg

‘Хорошо накормили, спросили, хорошо согрели».

33. Oməssət, pōtərsət.

oməs-s-ət	pōtər-s-ət
сидеть-Praet-3Sg	говорить-Praet-3Sg

‘Сели, поговорили».

34. Pa inśəsla.

pa inśəs-ł-a
 снова спрашивать-Pass.Praes-3Sg
 ‘Снова спрашивают’.

35. Jäna örije täjłən?

jäna öri-je täj-ł-ən
 правда сестра-Dim иметь-Praes-2Sg
 «Правда сестрицу имеешь?».

36. Śiškije jastəl.

śiški-je jastə-ł
 птица-Dim говорить-Praes.3Sg
 ‘Птичка-братец говорит: ...’.

37. Ma mänłəm, nin ma jušem χūwat jūwatən!

ma	män-ł-	nin	ma	juš-	χūwat	jūw-atən
	əm,			em		
я	идти-	вы_2Du	я	до-	вдоль	идти-
	Praes-			рога-		Imp.2Du
	1Sg			1Sg		

«Я пойду, вы моей дорогой идите!».

38. Kät χu jastəłəŋ.

kät χu jastə-ł-ŋən
 два Мужчина сказать-Praes-2Du
 ‘Двое мужчин говорят: ...’.

39. Min änt ujłemən, müj śirən mänłəmən.

min	änt	ujt-ł-emən	müj	śir-ən	män-ł-əmən
мы.1Du	Ptcl.Neg	знать-Praes-	что	образ-	идти-Praes-
		1Du.Obj		Loc	1Du.

«Мы не знаем, каким образом пойдем».

40. Śiškije nōχ purləs, tup śiti üwaltəs.

śiški-je	nōχ	purlə-s	tup	śiti	üw-alt-əs
птица-	вверх.Prvb	взлететь-	только	так	кричать-
Dim		Praet.3Sg			Multi-
					Praet.3Sg

‘Взлетел птичка-братец, только так крикнул’.

41. Mǎnləm, mǎnləm, šǔremələm, jǔχ wǒškələm.

mǎn-l-əm,	mǎn-l-əm,	sure-mə-l-əm,	jǔχ	wǒškə-l-əm
идти-	идти-	чертить-Мом-	де-	бросить-
Praes-1Sg	Praes-1Sg	Praes-1Sg	рево	Praes-1Sg

«Пойду, пойду, отмечу, палочку брошу!».

42. Šiti šī mǎnəs, jǒχi jǒχtəs.

šiti	šī	mǎn-əs	jǒχi	jǒχt-əs
так	вот	идти-Praet.3Sg	домой	прийти-Praet.3Sg

‘Так и улетел птичка-братец, домой пришел’.

43. Ōpel χǒša opsəs.

ōp-el	χǒš-a	ops-əs
сестра-3Sg	Postp-Lat	сидеть-Praet.3Sg

‘Подсел к сестре’.

44. Ōpel sǒχ ʎəsətman oməsəl.

ōp-el	ńǒχəs	woj	sǒχ	ʎəsət- man	oməs-əl
сестра- 3Sg	соболь	зверь	шкура	гото- вить- Conv	сидеть- Praes.3Sg

‘Сестрица соболиную шкуру готовя сидит’.

45. Ōpijel χǒša wana opsəs pa šitaman jastəl.

ōpi-je-l	χǒš-a	wan-a	ops-əs	pa	šitaman	jastə-l
сестра- Dim.3Sg	Postp- Lat	близко- Lat	сидеть- Praet.3Sg	и	тихо	сидеть- Praes.3Sg

‘Подсел близко к сестрице и тихо говорит’:

46. Ōpije, ōpije, ma nǎŋen alsem ut woj welti joχŋən elti, ńǒχəs woj welti joχŋən elti.

ōpi-je	ōpi-je	ma	nǎŋen	al-s-em	ut	woj
сестра- Dim	сестра- Dim	я	ты- Acc	показать- Praet-1Sg.Obj	лес	зверь

‘Люди слышно идут’.

50. Jǒχətəŋən, wantləŋən – śiśkije nampər pajən ǒlət:

jǒχət-s- əŋən,	want-l- əŋən	śiśki-je	nampər	paj-ən	ǒl-əl
прийти- Praet-3Du	смот- реть- Praet- 3Du	птица- Dim	мусор	куча- Loc	лежать- Praes.3Sg

‘Пришли, смотрят – птичка в куче мусора лежат’.

51. «Nǎj mǔja tāta ǒŋan, śiśkije?»

Nǎj	mǔj-a	tāta	ǒl-l-an,	śiśki-je
ты	что-Lat	здесь	лежать-Praes-2Sg	птица-Dim

‘Ты почему здесь лежишь, птичка?’.

52. Śiśkije jastət:

śiśki-je	jast-əl
птица-Dim	говорить-Praes.3Sg

‘Птичка говорит’.

53. «Ǫrijem likaśəs pa ǒχem pelki kūtərsəlli».

Ǫrijem	lik-aś-əs	pa	ǒχ-em	pelki	kūtər-s-əlli
птица- Dim	зло-Refl- Praet.3Sg	и	голова- 1Sg	от- крыто	ударить- Praet-3Sg.Obj

‘Сестрица рассердилась и мою голову разбила’.

54. Jǒχi itŋanna nǒχ aleməsa.

jǒχi	it-ŋan-ən	nǒχ	alə-mə-s-a
домой	один- Du-Loc	Prvb	поднять-Mom-Praet-3Sg.Obj

‘Домой ими занесена’.

55. Jǒχi lǒŋəlsa.

Jǒχi	lǒŋəl-s-a
домой	вносить-Praet-3Sg.Obj

‘Домой занесли’.

56. Mojl̥əsət, usət, p̥ötərsət, χ̥öti jelli ul̥ti pitl̥ət.

mojl̥ə-s-ət	u-s-ət	p̥ötərs-ə-ət	χ̥öti
подарить-Praet-3Pl	жить-Praet-3Pl	говорить-Praet-3Pl	как

jelli	ul̥-ti	pit-l-ət
дальше	жить-Inf	начать-Praet-3Pl

‘Погостили, пожили, поговорили, о том как будут жить дальше’.

57. Öpijel n̥öməs werəs woj welti joχ̥ən, n̥öχ̥əs welti joχ̥ən piłn mänti.

öpi-je-l̥	n̥öməs	wer-əs	woj	wel̥-ti
сестра-Dim-3Sg	мысль	делать-Praet.3Sg	зверь	добывать-Part. Praes

joχ̥-ən	n̥öχ̥əs	wel̥-ti	joχ̥-ən	piłn	män̥-ti
народ-Du	со-боль	добывать-Part. Praes	народ-Du	Postp	идти-Inf

‘Сестрица решила с зверя добывающими мужчинами, куницу добывающими мужчинами ехать’.

58. Śi letsa, śi tusa öpijel.

śi	leł-s-a	śi	tu-s-a	öpi-je-l̥
вот	посадить-Praet-3Sg.Obj	вот	везти-Praet-3Sg	сестра-Dim-3Sg

‘Вот посадили, вот увезли сестрицу’.

59. Śiśkije ut̥sa χ̥āsəs, ut̥sa ul̥ti pitəs, ar p̥üş öpijel kaśtilisli, ar p̥üş n̥ömpsəl śäkiličəs, ut̥sa ul̥ti änt χ̥änəs.

śiśki-je	ut̥sa	χ̥ās-əs,	ut̥sa	ul̥-ti	pit-əs
птица-Dim	от-дельно	остаться-Praet.3Sg	от-дельно	жить-Inf	начать-Praet.3Sg

ar	p̥üş	öpi-je-l̥	kaśti-li-s-li	ar	p̥üş	n̥öps-əl̥
много	раз	сестра-Dim-3Sg	вспоминать-Mult-Praet-3Sg	много	раз	мысль-3Sg

šäk-iiĵ-əs	utśa	uĵ-ti	ät	ĵän-əs
портиться-Mult-	от-	жить-	Ptcl.Neg	липнуть-
Praet.3Sg	дельно	Inf		Praet.3Sg

‘Птичка-братец один остался, один стал жить, много раз вспоминал сестрицу, много раз страдал, один жить так и не смог’.

60. Nõmäsna jõĵatsa:

nõmäs-ən	jõĵat-s-a
мысль- Loc	прийти-Praet-3Sg

‘Надумал отправиться к ней’.

61. «Jäĵlät õrijem ĵõśa, ĵõti ullät, õrijem küşķera wantlät».

jäĵ-l-əm	õri-je-m	ĵõś-a	ĵõti
съездить-Praes-1Sg	сестра-Dim-3Sg	Postp-Lat	как

uĵ-l-ət	õri-je-m	küşķera	wat-l-əm
жить-Praes-	сестра-Dim-	хотя	смотреть-Praes-
3Sg	1Sg		1Sg

‘Съезжу к сестрице, посмотрю, как живут, сестрицу хоть увижу’.

62. Śiśkije õpet ĵõśa mänəs.

śiśki-je	õp-eĵ	ĵõśa	män-əs
птица-Dim	сестра-3Sg	Postp-Lat	ехать-Praet.3Sg

‘Птичка-братец к сестрице поехал’.

63. Śi põra elti śi jänĵti pitsät, jušet jeŋka jüwmal.

śi	põra	elti	śi	jänĵ-ti
тот	период	Postp	вот	ездить-Inf

pit-s-ət	juş-eĵ	jeŋk-a	jüw-m-aĵ
начать-Praet-	дорога-	лед-Lat	становиться-Part-3 Sg
3Pl	3Sg		

*‘С тех пор вот ездить стали, дорога ледяной стала оказыва-
ется’.*

64. *Śi śūnel, ōjel piln in śi ultel śaśal.*

śi	śūn-eł,	ōj-eł	pił-n	in	śi	ult-eł	śaś-əl
тот	богат-	сча-	Postp-	сей-	вот	жить-	слы-
	ство-3	стье-3	Loc	час		Pl	шать-
	Pl	Pl					3Sg

‘Живут счастливо богато до сих пор’.

Текст 4

Ālvāli ānisāyūn (Альвали с сестрой) [Терешкин, 1961: 106–107].

Ваховский диалект хантыйского языка; Территории Лабаз-Егана, Большого Ларьяка, Корлики; Нижневартовский р-он; 1961; записал Н. И. Терешкин, перевод на русский язык Н.И. Терешкин.

Хантыйский язык	Русский язык
1. <i>ālvāli ānisāyūn t'ū vāllāyūn, t'ū vāllāyūn.</i>	1. Альвали с сестрой живут-поживают.
2. <i>Ājlanā ān'itil lōyā atvāl:</i>	2. Однажды сестра ему говорит:
3. <i>«ālvāli nik vaūlyū!»</i>	3. «Альвали, по воду сходи!»
4. <i>ālvāli vitrāyūn vōyāl pāni jēñ mñūāl.</i>	4. Альвали ведра взял и по воду пошел.
5. <i>jēñk āmrāyēyāl sart nuk, vōyāl.</i>	5. Воду почерпнул, заодно шуку вытащил.
6. <i>ālvāli ān'itilā t'ālvāl:</i>	6. Альвали сестре кричит:
7. <i>«ān'ū-i, jū likrim nik vaūalty!»</i>	7. «Сестра-а, деревянную нарту на берег притащи!»
8. <i>ān'itilnā jū likār niy vaūaltasy.</i>	8. Сестра деревянную нарту на берег притащила.
9. <i>ālvālinā surtāl likrā pānsātā pāni ān'itilā t'ū kōl atvāl.</i>	9. Альвали свою шуку в нарту положил и сестре говорит:
10. <i>«likār tuūy joūna!»</i>	10. «Нарту утащи домой!»
11. <i>ān'itilnā likār kōč ilā n'ōyāstātā, likār tōty sāūdikintās.</i>	11. Сестра сдвинула было нарту, а нарта рассыпалась.
12. <i>ālvāli ān'itilā atvāl:</i>	12. Альвали сестре говорит:
13. <i>«mānā, vōy likrim niy tuūy!»</i>	13. «Иди, железную нарту притащи!»
14. <i>ān'il joūna jēlās pāni vōy likār tustā.</i>	14. Сестра домой сходила и железную нарту притащила.
15. <i>ālvālinā surtāl tōy nuk, pānsātā pāni ān'itilā atvāl:</i>	15. Альвали шуку свою туда положил и сестре говорит:

16. <i>«тулымэн ликэр јоупа!»</i>	16. «Потащим нарту домой!»
17. <i>чыв оутыја тумынагы, ликэр этн-этин әрәу сәули- китәвәл.</i>	17. Когда дотащили до пригорка, нарта чуть-чуть не развалилась (досл.: разваливается).
18. <i>јоу јәскән, әлвәлинә сарт јоу вәси.</i>	18. Домой пришли, Альвали шуку в избу внес.
19. <i>әлвәли ән'ипилә атвәл:</i>	19. Альвали сестре говорит:
20. <i>«нөң суртән төу сүлңән, мууләл мәнә пәны».</i>	20. «Если ты шуку очистишь, максу (печень) мне оставь».
21. <i>әлвәли ләутил алынтәс.</i>	21. Сам Альвали лег спать.
22. <i>ән'ипилнә јәм тәуыл нуу листә, лөјәл лөүә қәјсәтә.</i>	22. Сестра его хорошие места [у шуки] съела, желчь ему оставила.
23. <i>әлвәли нуқ, күләс, ән'ипилә атвәл:</i>	23. Альвали встал, сестре говорит:
24. <i>«вулә, т'әт, мән литотә мәјә!»</i>	24. «Ну, теперь дай мне поесть (досл.: меня едой дай)!»
25. <i>ән'илнә литотә амәссы.</i>	25. Сестра еду ему поставила.
26. <i>лөу көч ләуимәс, т'укум т'ути лөј.</i>	26. Он отведал было: оказывается, такая желчь!
27. <i>т'утәт илә рәкәтәстә пәни ытәнвәсәу күм пор- хәләс.</i>	27. Это (досл.: эти) он прочь швырнул и [сам] из окна вылетел на улицу.

Текст 5

Пигьэукалихэн-описахэн (Птичка и ее сестра)

Сургутский диалект хантыйского языка; Сургутский р-он; 1992; перевод на русский язык
А. С. Песикова и Т. А. Ефремова; Информант Д. С. Покачева

Хантыйский язык	Русский язык
1. Пигьэукалихэн-описахэн вайдэхэн.	1. Живет птичка со своей сестрицей.
2. Ёи вёдтын ай мэта латнэ пигьэукалихэ йастэл:	2. Живут они так, и говорит однажды птичка:
3. -Сар ма вёрэп нык мавэттахэ йаңкүдэм.	3. -Ну, пойду я опушу штаны в реку.
4. Панэ ыу пырна, пыр қатадна мэн, энэл сорт вёл.	4. И затем на следующий день она ушла, большую щучку поймала.
5. Пигьэукалихэ өпэлиднам йастэл:	5. Говорит она сестрице:
6. -Нүн ыарэк күл вэра! Пёч күдэлит мантэм, қөн күдэлит мантэм. Ма ыл аңинтүдэм.	6. -Приготовь-ка мне сырую рыбу! Спинку рыбки мне, брюшко рыбки мне. А я лягу.
7. Нёқ вёрэхүдэмалднэ:	7. Как проснулась [так молвила]:
8. -Пёч күдэлийат мант қыпэптэн, қөн күдэлийат?	8. -Оставила мне спинку, [оставила] брюшко?
9. Өпшү йастэл:	9. Сестра сказала:
10. -Энта!	10. -Нет!
11. Панэ пигьэукалихэ пытэмтэх:	11. И разозлилась птичка:
12. -Майң Икийа мэнлэм, панэ нүнат Майң Икийа мэдэм.	12. -Пойду я к Менку и отдам ему тебя.
13. Ёи мэн.	13. И она ушла.
14. Майң Ики қота йёвэат, қот қёны йақэнам дэйдэл, Майң Ики йақэн антэм.	14. Прибыла она к дому Менка, заглянула в окошко в крыше – нет Менка дома.
15. Кэр өвтынэ пёльыи пүтэли омэсл.	15. В печке – горшок с жиром вытопленным.
16. Ыдэ тёхэ мэн, пёльыи ыи див, вёйэ ыи див, див, панэ ай мэта латнэ кэмэн [кэмрэхүдэл].	16. Подошла она туда, отведала вытопленного жира, ела, жиром лакочилась, уплетала.
17. Майң Ики лумп сәңкидтэ сүй.	17. И вдруг с улицы доносится постукивание лыж Менка.
18. Ёу латнэ пигьэукалихэ қайыёқинтэх.	18. Испугалась тогда птичка.
19. Кэр пёча тёхэ қайымтэх.	19. За печку спряталась.
20. Майң Ики йақэ дәңмал латнэ ыавэм:	20. Менк вошел, говорит:
21. -Ма вёйэ пүтэлэм қёйанэ диви? Сар ма кэр нёқ үдэм, кэра тәм лүкэмтэдэм.	21. -Кто ел из моего горшка с жиром? Ну, стой-ка, разведу я огонь и брошу его в печку.
22. Панэ кэр үдта йува кәнччэхэ пёвалнам ыи кот нүртэмтэтэх, пигьэукалихэ пё кэм ыаримтэтэх.	22. И потянулся он за дровами за чувал и вытащил птичку.
23. -Әй, аңкэнөшлиңки, ма нүнат сар кэра лүкэмтэдэм.	23. -Ах ты, сучий сын, мигом в печку тебя брошу.
24. Ёу латнэ пигьэукалихэ ыавэм:	24. Тогда залепетала птичка:
25. -Қанэм ики, мант кэра ал лүкэмта, ма нүнаты өпэм мэдэм.	25. -Дядюшка, роденький, не бросай меня в печку, отдам я тебе свою сестрицу.
26. -Йа, вэс, тёхэнэ күнтэ, тёхэнэ. Нүн мәнтан ма нүнат қәлднэ вйахүдэм?	26. -Ну, раз так, то давай. Если сейчас ты уйдешь, как тебя отыщу?

Научное электронное издание

Онина Софья Владимировна

**СЕМАНТИКА И ТИПОЛОГИЯ
ПРОХИБИТИВА В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Монография

Чебоксары, 2026 г.

Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 30.03.2026 г.

Объем 1,80 Мб. Тираж 20 экз.

Уч. изд. л. 5.63.

Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>